В. А. Богородицкій,
Орд. проф. Императорскаго Казанскаго Университета.

ОБЩІЙ КУРСЪ
РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.

(Изъ университетскихъ чтеній).

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1904.

ПРОВ. 1953

РС
5.24/23
Б 07

Печатано по опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *Д. Корсаковъ*.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
358
52

Приложеніе къ «Ученымъ Запискамъ Императорскаго Казанскаго университета» за 1904 годъ.

Предисловіе.

Приступая къ обработкѣ въ краткомъ и возможно простомъ изложеніи своего курса лекцій, я предполагалъ выполнить ту программу, которая набросана на страницахъ Введенія къ моему труду, но за недостаткомъ времени я принужденъ былъ опустить нѣкоторыя главы, напр. по діалектологіи и исторіи языка, которыя я надѣюсь восполнить въ слѣдующемъ изданіи. Тогда же я воспользуюсь и всѣми указаніями критики, тѣмъ болѣе, что главною цѣлью своего труда поставилъ удовлетворить настоятельной потребности преподавателей русскаго языка въ такомъ грамматическомъ пособіи, которое отвѣчало бы современному состоянію науки о языкѣ. Сравнительно краткое изложеніе синтаксиса въ моей книгѣ отчасти объясняется тѣмъ, что многіе семазіологическіе вопросы, обычно разсматриваемые въ синтаксисѣ, я предпочелъ перенести въ морфологію, чѣмъ надѣялся достигнуть большей систематичности въ изложеніи синтаксиса. Для болѣе яснаго представленія физіологической стороны рѣчи къ первой главѣ приложенъ рисунокъ, изображающій видъ говорильнаго аппарата и голосовой щели.

Авторъ.

Оглавленіе.

		стр.
	Введеніе	3
I.	Физіологія звуковъ русскаго языка . . .	9
II.	Принципы русскаго правописанія.	25
III.	Фонетика. Введеніе въ фонетику: отношеніе между физіологіею звуковъ и фонетикою; понятіе о звуковыхъ законахъ и главныхъ принципахъ фонетики	31
IV.	Вокализмъ: неударяемые гласные; измѣненіе ореографическаго *е* въ *ё*; бѣглые гласные; полногласіе; подъемъ; разъясненія сравнительно-грамматическія	46
V.	Консонантизмъ: физіологическія измѣненія согласныхъ въ положеніи передъ гласными и другими согласными; акустическія замѣны	79
VI.	Морфологія. Введеніе въ морфологію: отношеніе между фонетикою и морфологіею; морфологическія категоріи, морфологическіе процессы и факторы, съ психологическимъ ихъ освѣщеніемъ	94

VII. Имя существительное съ семазіологической стороны. Классификація склоненій именъ существительныхъ; типы ударенія 116
VIII. Имя прилагательное; степени сравненія. Нѣкоторыя замѣчанія объ имени числительномъ и мѣстоименіи 139
IX. Глаголъ въ отношеніи семазіологическомъ: понятіе о залогѣ, видѣ и проч. Классификація спряженій и ударепіе въ нихъ. . . 147
X. О нарѣчіи и частицахъ. 185
XI. Синтаксисъ. Предметъ синтаксиса. Понятіе о предложеніи и его объемѣ. Простое нераспространенное предложеніе—его составъ и типы 188
XII. Распространеніе простаго предложенія. Замѣчанія о сложномъ предложеніи. 204

Замѣченныя опечатки.

Слѣдуетъ читать на стр. 28_6: унаслѣдована (вм. унаслѣдовала); стр. 73_8: *ă (вм. *ŏ); стр. 77_{12}: στă-τός (вм. τσατός); 98_4: значеніе слова (вм. значеніе); 106^3: оскомина.

Введеніе.

Исходнымъ пунктомъ при нашихъ занятіяхъ грамматикою русскаго языка будетъ служить современный литературный языкъ, какъ онъ является въ живомъ произношеніи, а также въ произведеніяхъ нашихъ лучшихъ писателей.

Уже изъ элементарной или школьной грамматики читатель отчасти знакомъ съ послѣдней стороной изученія русской рѣчи, такъ какъ во всѣхъ школьныхъ грамматикахъ въ отдѣлѣ синтаксиса въ качествѣ поясняющихъ примѣровъ приводятся выраженія изъ лучшихъ писателей. Требованія отъ научнаго изслѣдованія языка разумѣется бо̀льшія. Научная грамматика почерпаетъ изъ произведеній писателей матеріалъ не для одного синтаксиса, но и для другихъ своихъ отдѣловъ, при чемъ она не ограничивается случайными примѣрами, но заботится о такой полнотѣ матеріала, чтобы на основаніи его можно было составить характеристику языка писателя. За послѣдніе годы появился уже рядъ изслѣдованій по языку писателей, и, дѣйствительно, нельзя не признать важности подобныхъ изслѣдованій, если принять во вниманіе, что писатели своими произведеніями способствуютъ выработкѣ и развитію литературнаго языка.

Письменный литературный языкъ слѣдуетъ изучать въ связи съ живою разговорною рѣчью, такъ какъ эта послѣдняя служитъ настоящимъ источникомъ письменнаго литературнаго

языка. Можно даже сказать, что именно разговорная рѣчь является истиннымъ объектомъ науки о языкѣ, и если изслѣдователь будетъ пренебрегать подобнымъ изученіемъ, то это отразится на его изслѣдованіяхъ также неблагопріятно, какъ отражается пренебреженіе живыми образцами въ искусствѣ. Послѣдняя четверть минувшаго столѣтія, благодаря изслѣдованіямъ именно живой разговорной рѣчи, ознаменовалась столь крупными успѣхами въ области языковѣдѣнія, что считается началомъ новаго періода въ развитіи этой науки.

Не одинъ литературный языкъ въ его устномъ и письменномъ употребленіи составляетъ предметъ изслѣдованія научной грамматики, но также и народные говоры, такъ какъ иначе изученіе живаго языка не могло бы считаться полнымъ. Да и живой литературный языкъ въ разныхъ мѣстностяхъ нашего отечества не является вполнѣ одинаковымъ, но представляетъ нѣкоторыя различія, находящіяся въ соотношеніи съ мѣстными народными говорами. [1])

Далѣе надо замѣтить, что наша рѣчь, какъ въ цѣломъ, такъ и во всѣхъ своихъ частяхъ измѣняется во времени. Поэтому научная грамматика изучаетъ явленія языка не только въ ихъ современномъ состояніи (или иначе говоря—статически), но и въ историческомъ развитіи (динамически), пользуясь дошедшими до насъ отъ прежнихъ временъ письменными памятниками. Здѣсь умѣстно вспомнить изъ исторіи, что русскій народъ находился въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ по сравненію съ народами Западной Европы въ томъ отношеніи,

---

[1]) Въ современномъ народномъ русскомъ языкѣ различаются слѣдующія главныя подраздѣленія на діалекты: говоры *великорусскіе* и *малорусскіе*; великорусскіе говоры раздѣляются на *сѣверные* или окающіе и *южные* или акающіе; южно-великорусскіе говоры дѣлятся далѣе на *собственно южновеликорусскіе* (восточные) и *бѣлорусскіе* (западные). Въ основѣ произношенія современной русской *литературной* рѣчи лежатъ говоры южно-великорусскіе, въ особенности московскіе, въ зависимости отъ того, что области московскаго нарѣчія долго принадлежало средоточіе государственной власти.

что никогда не былъ принужденъ признавать чуждый языкъ орудіемъ богослуженія, законодательства и литературы. Принимая христіанство, русскій народъ получилъ книги, необходимыя для богослуженія и для поученія въ вѣрѣ, написанныя на нарѣчіи, отличавшемся сравнительно немногимъ отъ его нарѣчія. Книги эти, писанныя на старо-славянскомъ языкѣ и затѣмъ переписывавшіяся, легли въ основаніе древнерусской письменности и, соотвѣтственно своему важному значенію, вліяли на дальнѣйшій ея ходъ, а также—что вполнѣ естественно—и на устную рѣчь древне-русскихъ книжныхъ людей. Слѣды церковно-славянскаго вліянія мы въ изобиліи встрѣчаемъ и въ современномъ литературномъ русскомъ языкѣ, отчасти и въ народныхъ говорахъ.

Многія явленія русскаго языка ведутъ свое происхожденіе отъ временъ, предшествовавшихъ появленію у насъ письменности, восходя даже къ эпохѣ обще-славянской (основно-славянской). Это обстоятельство заставляетъ расширить область изслѣдованія сравненіемъ явленій русскаго языка съ родственными явленіями *другихъ славянскихъ языковъ* и прежде всего *старо-славянскаго*, письменность котораго отражаетъ наиболѣе древнее языковое состояніе въ сравненіи съ другими славянскими письменностями. [1])

Нѣкоторыя явленія современнаго намъ русскаго языка еще болѣе древняго происхожденія и возникли на почвѣ

---

[1]) Славянскіе языки, съ точки зрѣнія географическаго расположенія, представляютъ три обширныя области: *восточную* или область русскаго языка, *западную* или область языковъ польскаго, кашубскаго, исчезнувшаго полабскаго, обоихъ лужицкихъ и чешскаго съ словацкимъ, и *южную* или область языковъ болгарскаго, сербо-хорватскаго и словинскаго съ резьянскимъ. Южные славяне населяютъ области къ югу отъ нижняго Дуная и его притока Дравы, а западные занимаютъ области къ сѣверо-востоку отъ линіи верхняго Дуная; обширная область русскаго языка служитъ какъ бы связующимъ звеномъ между западнымъ и южнымъ отдѣломъ славянства.

обще-аріо-европейской; поэтому въ изслѣдованіе наше приводитъ сравненіе явленій русскаго языка съ явленіями другихъ аріо-европейскихъ [1]) языковъ.

Въ предъидущемъ мы достаточно обозначили предметъ изученій научной грамматики русскаго языка, а теперь скажемъ еще нѣсколько словъ о подраздѣленіи послѣдней.

Грамматику обыкновенно раздѣляютъ на *этимологію* и *синтаксисъ*. Этимологія занимается изученіемъ словъ въ отдѣльности, не въ предложеніи; въ синтаксисѣ же изслѣдуются сочетанія словъ въ предложеніи и соединеніе предложеній. Первая часть распадается на два отдѣла—*фонетику* или ученіе о звукахъ въ словахъ и *морфологію* или ученіе о формахъ словъ, объ образованіи словъ изъ знаменательныхъ [2]) частей, о производствѣ словъ однихъ отъ другихъ; при этомъ въ морфологіи обращается вниманіе на двѣ стороны—внѣшнюю или *формальную* и внутреннюю или *семазіологическую* (смысловую). Вторая часть грамматики или синтаксисъ раздѣляется на синтаксисъ простаго и сложнаго предложенія. Нужно впрочемъ оговориться: въ настоящее время терминъ „этимологія“ въ указанномъ выше смыслѣ оставленъ и теперь подъ нею разумѣютъ изученіе словъ даннаго языка на почвѣ сравненія съ

---

[1]) Такъ называется то языковое семейство, къ которому принадлежитъ русскій языкъ вмѣстѣ съ славянскими и другими родственными имъ языками; въ Азіи къ названному семейству относятся вѣтви индійская, иранская и армянская, а въ Европѣ—греческая, албанская, италійско-романская, кельтская, германская, балтійская или литовская и славянская. Языки этого семейства называются также индо-европейскими, а нѣмецкіе ученые предпочитаютъ именовать ихъ индо-германскими. Всѣ языки земнаго шара учеными подраздѣляются на большее или меньшее число семействъ (пока еще не установившееся), напр. аріо-европейское, турецко-татарское, угро-финское, китайское и т. д., при чемъ доказать родство между этими отдѣльными семействами языковъ современная наука не въ состояніи.

[2]) т. е. имѣющихъ значеніе, каковы—корень, суффиксъ и пр.

соотвѣтствующими словами родственныхъ языковъ. Такимъ образомъ, теперь грамматику подраздѣляютъ прямо на три части—фонетику, морфологію и синтаксисъ. Не трудно замѣтить, что названные отдѣлы грамматики слѣдуютъ одинъ за другимъ въ порядкѣ увеличивающейся сложности предмета изученія. Нельзя при этомъ забывать, что всѣ эти отдѣлы тѣсно связаны между собою, такъ какъ каждое слово нашей рѣчи представляетъ собою одновременно фактъ фонетическій, морфологическій и синтаксическій. Собственно во всѣхъ отдѣлахъ грамматики объектъ изученія—одинъ и тотъ же (именно языкъ), но по причинѣ его сложной природы разныя его стороны въ наукѣ излагаются особо.

Все вышесказанное о раздѣленіи грамматики можно дополнить слѣдующимъ табеллярнымъ представленіемъ:

А. Область чистаго языковѣдѣнія	а) Грамматика (какъ литературнаго, такъ и народнаго языка въ ихъ современномъ состояніи и въ историческомъ развитіи).	1) Фонетика. 2) Морфологія (со стороны семазіологической и формальной). 3) Синтаксисъ.
	б) Лексикологія или словарь (слова и ихъ значеніе какъ литературнаго, такъ и народнаго языка, въ современномъ употребленіи и въ письменныхъ памятникахъ прошлаго).	
Б. Область приложеній языковѣдѣнія	а) къ различнымъ вопросамъ культурно-исторической жизни. б) къ вопросамъ учебно-педагогическимъ.	

Мы не можемъ пожаловаться на особенную бѣдность изслѣдованій по научной грамматикѣ русскаго языка: труды Ломоносова, Востокова, Срезневскаго, Буслаева, Грота, Потебни и др. представляютъ огромное богатство по собранному матеріалу. Но, какъ я уже упомянулъ, наука о языкѣ за послѣднюю четверть столѣтія сдѣлала громадные успѣхи въ пониманіи явленій языка, уясняя ихъ физіологическую и психическую природу, а также давая имъ сравнительно-грамматическое освѣщеніе. Къ сожалѣнію, богатый матеріалъ по русской грамматикѣ еще мало подвергся освѣщенію съ этихъ сторонъ, вслѣдствіе чего читатель упомянутыхъ трудовъ, не имѣя общихъ оріентирующихъ идей, долженъ самъ справляться съ матеріаломъ. Цѣль настоящаго очерка нѣсколько восполнить указанный пробѣлъ и въ возможно краткомъ, ясномъ и доступномъ изложеніи ввести читателя путемъ разъясненія явленій роднаго языка въ кругъ важнѣйшихъ идей современнаго языкознанія.

Глава I.

Физіологія звуковъ русскаго языка.

Первою частью грамматики является *фонетика* или ученіе о звукахъ. Для болѣе глубокаго пониманія фонетики необходимо предварительно ознакомиться съ *физіологіей звуковъ рѣчи*, объясняющею устройство аппарата рѣчи и дѣятельность его частей при произношеніи.

Знакомство съ физіологіей звуковъ рѣчи имѣетъ важное значеніе и въ другихъ отношеніяхъ. Оно приноситъ пользу при изученіи произношенія иностранныхъ языковъ, гдѣ встрѣчаются звуки, не существующіе въ нашемъ родномъ языкѣ или же нѣсколько отличные; напр. физіологія звуковъ учитъ, что при произношеніи нѣмецкаго *s* конецъ языка дальше отстоитъ отъ верхнихъ зубовъ, чѣмъ въ русскомъ языкѣ при произнесеніи звуковъ *с* и *з*, вслѣдствіе чего звукъ пріобрѣтаетъ въ нѣмецкомъ нѣкоторую шепелеватость. Благодаря этому, нѣмецкое *s* въ русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ въ заимствованныхъ изъ нѣмецкаго словахъ передается иногда шипящимъ звукомъ; такъ напр. русск. *кошт*ъ, польск. k*o*s*z*t=нѣм. Kost, или польск. ż*e*gnać, словин. ż*e*gnati=нѣм. s*e*gnen и др. Физіологія звуковъ можетъ оказывать также услугу при исправленіи недостатковъ произношенія; напр. нѣкоторые не произносятъ *с*, замѣняя его черезъ *ш*, а *з* черезъ *ж*, другіе не могутъ выговаривать твердаго *л*; зная же уложеніе языка при этихъ звукахъ, можно постепенно пріучить послѣдній къ требующимся укладамъ; равнымъ образомъ физіологія звуковъ представляетъ рядъ цѣлесообразныхъ упражненій для устраненія недостатка заиканія. Физіологія звуковъ уже нѣсколько столѣтій приноситъ неоцѣненную пользу при обученіи произношенію глухонѣмыхъ, которые пріучаются понимать рѣчь другихъ черезъ наблюденіе того, какъ укладываются органы произношенія у говорящихъ, затѣмъ сами привыкаютъ къ соотвѣтствующимъ укладамъ своего аппарата рѣчи и, благодаря упражненію, начинаютъ гово-

рить. Знакомство съ физіологіею произношенія не должно считаться лишнимъ и для начальнаго учителя, нерѣдко сталкивающагося въ своей практикѣ съ тѣми или другими недостатками рѣчи учащихся; кромѣ того, и при простомъ обученіи чтенію по звуковой методѣ знакомство съ физіологіей рѣчи будетъ полезно для него: оно укажетъ ему основанія для опредѣленія порядка звуковъ при первоначальномъ ихъ прохожденіи, разъяснитъ законы сочетанія и сліянія звуковъ, можетъ пригодиться и въ разныхъ другихъ случаяхъ [1]).

Каждый звукъ нашей рѣчи является результатомъ совокупности работъ отдѣльныхъ частей говорильнаго аппарата; эти части слѣдующія: 1) дыхательный аппаратъ; 2) гортань; 3) мягкое небо; 4) аппаратъ нижней челюсти и 5) органы произношенія. [2]) Къ частному разсмотрѣнію этихъ частей и ихъ работъ мы и перейдемъ.

1. *Дыхательный аппаратъ*, дающій необходимый для произношенія токъ воздуха, образуется грудною клѣткою съ находящимися въ ней легкими. Наше дыханіе представляетъ собою двѣ фазы—*вдыханіе* и *выдыханіе*; когда мы произносимъ какую-нибудь фразу, то при этомъ выдыхаемъ воздухъ; во время слѣдующаго затѣмъ вдыханія воздуха происходитъ

---

[1]) Напр. допустимъ, что ученикъ не можетъ припомнить произношенія буквы *р*,—тогда учитель можетъ намекнуть, что при выговариваніи этой буквы дрожитъ конецъ языка; и т. п. Само собой понятно, что при этомъ онъ долженъ избѣгать излишняго увлеченія, пользуясь своимъ знаніемъ физіологіи звуковъ рѣчи только въ случаѣ нужды.

[2]) Когда мы не говоримъ, указанныя части говорильнаго аппарата находятся въ покойномъ или «индифферентномъ» (безразличномъ) состояніи, а во время рѣчи исполняютъ требующіяся движенія или, какъ говорятъ, «артикулируютъ». Слово *артикуляція*, обозначающее въ анатоміи «сочлененіе», въ физіологіи звуковъ встрѣчается *въ двухъ значеніяхъ*: 1) обозначаетъ «укладъ» или «уложеніе», свойственное частямъ аппарата рѣчи при произведеніи того или другаго звука и 2) принятіе соотвѣтствующаго уклада частями говорильнаго аппарата для произношенія того или другаго звука. Я думаю, что, для устраненія неясности, за терминомъ «артикуляція» можно оставить только первое значеніе, а для втораго значенія воспользоваться терминами «артикулированіе», «артикулировать».

пауза, послѣ которой, благодаря новому запасу воздуха, мы можемъ произнести новый рядъ словъ, и т. д. Здѣсь умѣстно указать на разницу между простымъ выдыханіемъ (т. е. не во время рѣчи) и фонаціоннымъ выдыханіемъ (во время рѣчи): при обыкновенномъ покойномъ дыханіи объ его фазы—вдыханіе и выдыханіе—приблизительно одинаковы по своей продолжительности, и каждая изъ фазъ является непрерывною; между тѣмъ во время рѣчи фазы дыханія имѣютъ неодинаковую продолжительность: за сравнительно короткимъ вдыханіемъ слѣдуетъ болѣе продолжительное выдыханіе, служащее для рѣчи и разбивающееся на участки по отдѣльнымъ словамъ и въ каждомъ словѣ по слогамъ. При этомъ слоговые участки или слоговые толчки выдыхаемаго тока воздуха представляютъ неодинаковую силу и продолжительность въ зависимости отъ положенія слога относительно ударенія слова, напр.

па́ | па́ и па | па́,
f p *mf f*

а также оказываетъ на нихъ вліяніе положеніе слова въ фразѣ. Благодаря же различному строенію словъ въ разныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, соотвѣтственно разнообразится въ этихъ языкахъ и регулированіе выдыхательнаго тока воздуха при произнесеніи какъ отдѣльныхъ словъ, такъ и фразъ.

2. Слѣдующую часть нашего аппарата рѣчи составляетъ *гортань*. Въ ней имѣется голосовая щель, образуемая двумя голосовыми связками. Если послѣднія приближены одна къ другой и натянуты, то выдыхаемый токъ воздуха приводитъ ихъ въ дрожаніе, вызывая тѣмъ музыкальный звукъ, какъ бываетъ при произношеніи „звонкихъ“ звуковъ, т. е. при гласныхъ и такихъ согласныхъ, какъ *б*, *д*, *з* и пр. При дыханіи, а также при выговариваніи „глухихъ“ согласныхъ (*п*, *т*, *с* и пр.) голосовая щель бываетъ расширена, и воз-

духъ безшумно проходитъ черезъ нее, шумъ же при согласныхъ получается отъ дѣйствія органовъ произношенія. При звонкихъ согласныхъ музыкальный звукъ гортани соединяется съ шумомъ, происходящимъ отъ дѣйствія органовъ произношенія, между тѣмъ какъ при глухихъ согласныхъ имѣется одинъ только шумъ. Общность шума у глухихъ и соотвѣтствующихъ звонкихъ согласныхъ обусловливаетъ парность согласныхъ по звонкости и глухости, напр. звонкому *з*, соотвѣтствуетъ глухой *с*, звонкому *г*—глухой *к* и т. п. [1]). При шепотѣ глухіе звуки остаются безъ измѣненія, а звонкіе замѣняются *шепотными*, при которыхъ голосовая щель представляетъ среднее положеніе между описанными двумя.

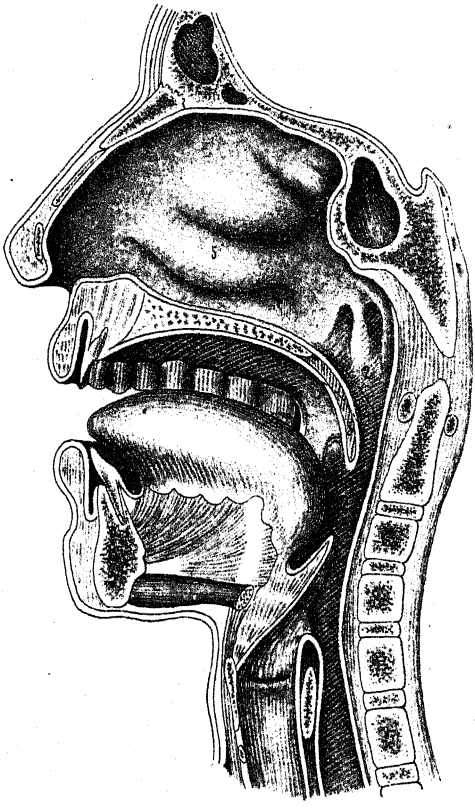
3. Теперь скажемъ объ участіи *мягкаго неба* или *небной занавѣски* при произношеніи. Если бы надъ гортанью не лежали полости, которыя, видоизмѣняя свою величину и форму, производятъ видоизмѣненія и въ голосѣ гортани, превращая его въ тѣ или другіе звуки, тогда не было бы и соотвѣтствующаго разнообразія звуковъ нашей рѣчи, но просто гортань издавала бы музыкальные звуки подобно звукамъ какого-нибудь музыкальнаго инструмента. Но надъ гортанью простирается мѣшковидная полость глотки, имѣющая вверху отверстіе въ *полость рта* и въ *полость носа*. Полость носа, лежащая надъ полостью рта, отдѣляется отъ послѣдней твердымъ и мягкимъ небомъ. Когда небная занавѣска опущена, то токъ воздуха проходитъ въ полость рта и въ полость но-

---

[1]) Упомянемъ здѣсь о слѣдующихъ звуковыхъ явленіяхъ русскаго языка: 1) вмѣсто звонкихъ согласныхъ въ концѣ словъ произносятся парные имъ глухіе, напр. *лоп* вм. *лоб*, рас вм. раз и т. д.; 2) передъ глухими звонкіе нерѣдко замѣняются въ произношеніи глухими и, наоборотъ, глухіе передъ звонкими нерѣдко переходятъ въ звонкіе, напр. *ф*ходить вм. *в*ходить, *здѣ*лать вм. *сдѣ*лать и т. п. Съ большею подробностью объ этихъ явленіяхъ будетъ говориться въ фонетикѣ.

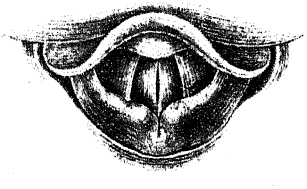
ВИДЪ ГОВОРИЛЬНАГО АППАРАТА

въ сагиттальномъ разрѣзѣ:

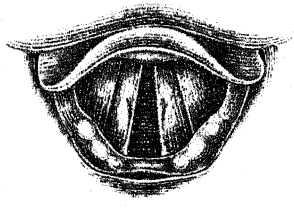


1. Правая голосовая связка.
2. Полость глотки.
3. Мягкое небо опущено.
4. Мягкое небо подкатно и касается задней стѣнки глотки.
5. Полость носа.

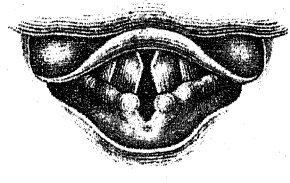
ВИДЪ ГОЛОСОВОЙ ЩЕЛИ:



а) при звучаніи



б) при дыханіи и глухихъ звукахъ



в) при шепотѣ

са; такимъ образомъ звучащая воздушная струя, при томъ или другомъ уложеніи органовъ произношенія, пріобрѣтаетъ носовой резонансъ, благодаря чему звуки получаются „рто-носовые“, называемые также носовыми—*м* и *н*. Если же при произношеніи небная занавѣска, вслѣдствіе своего поднятія, бываетъ приближена или прижата къ задней стѣнкѣ глотки, то выдыхаемый воздухъ отражается въ полость рта, такъ что получаются звуки „ртовые“ (не-носовые, чистые), куда относятся всѣ прочіе звуки русской рѣчи: *а, о*...; *п, б, с, з*... Значитъ, въ русскомъ языкѣ при произношеніи значительно преобладаетъ поднятое положеніе мягкаго неба, могущее соединяться съ одновременнымъ какъ звонкимъ уложеніемъ гортани (*а, о*...; *б, з*...), такъ и глухимъ (*п, с*...); что же касается опущеннаго положенія мягкаго неба (при носовыхъ согласныхъ), то оно соединяется обычно только съ звонкимъ уложеніемъ гортани, причина чего—не физіологическая, но акустическая: если мы будемъ произносить звуки *м* и *н* простымъ выдыханіемъ, то получится почти не замѣтный для слушателя акустическій эффектъ, а потому такое выговариваніе *м* и *н*, какъ непригодное, отсутствуетъ въ рѣчи, встрѣчаясь случайно въ исключительныхъ условіяхъ, какъ напр. послѣ глухихъ согласныхъ въ концѣ словъ (срв. конечное *м* въ словѣ „драхмъ“, могущее и не имѣть звонкости, при чемъ однако трудно различить, произносится ли оно простымъ выдыханіемъ или же шепотомъ).

4. Наблюдая произношеніе звуковъ русскаго языка, мы замѣчаемъ, что они произносятся при разной *ширинѣ раствора рта* или, другими словами, при разной степени *опущенія* или же *поднятія нижней челюсти* (напр. звукъ *а* произносится при широкомъ растворѣ рта, звуки *о* и *е*—при среднемъ растворѣ, остальные же звуки *у, і, ы* и всѣ согласные — при узкомъ, при чемъ, какъ увидимъ ниже, нужно допустить разницу между узкимъ растворомъ соглас-

ныхъ и узкихъ гласныхъ). Здѣсь необходимо указать одно существенное различіе между гласными и согласными звуками. При усиленіи произношенія согласныхъ звуковъ усиливается приближеніе нижней челюсти къ верхней, тогда какъ при усиленіи произношенія гласныхъ увеличивается открытость; такимъ образомъ, хотя согласные и узкіе гласные по-видимому одинаково произносятся при узкомъ растворѣ рта, но нужно думать, что характеръ мышечной дѣятельности при этомъ не одинъ и тотъ же. Дѣло въ томъ, что работы осажденія и поднманія нижней челюсти совершаются особыми группами мышцъ, при чемъ въ *гласныхъ* перевѣсъ въ дѣйствіи принадлежитъ группѣ мышцъ, опускающихъ нижнюю челюсть, а въ *согласныхъ*—группѣ поднимающихъ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія чисто-физіологической (анатомо-физіологической) гласные могутъ быть опредѣлены какъ рто-раскрыватели, а согласные какъ рто-смыкатели. Мы увидимъ далѣе, что степень опущенія или же поднятія нижней челюсти стоитъ въ связи съ дѣйствіемъ органовъ произношенія, а потому и это послѣднее мы введемъ впослѣдствіи въ нашу характеристику гласныхъ и согласныхъ; здѣсь же нужно указать, что раскрытіе рта при произнесеніи гласныхъ представляетъ три главныя степени, а именно: широкая степень раскрытія рта при произнесеніи гласнаго *а*, средняя степень—при гласныхъ *о* и *э* и узкая—при *у*, *ы*, *і*. Если для образованія слога необходимо присутствіе гласнаго звука, то съ точки зрѣнія физіологической это значитъ, что въ образованіе слога должна входить работа раскрытія рта, число же и энергичность слоговыхъ раскрытій рта при произношеніи словъ стоятъ въ соотвѣтствіи съ числомъ и силою слоговыхъ толчковъ фонаціоннаго выдыханія. Нужно прибавить однако, что въ неударяемыхъ слогахъ, слабо произносимыхъ, указанная противоположность между гласными и согласными вслѣдствіе слабости артикуляцій уменьшается, неударяемый гласный въ сво-

емъ ослабленіи стремится къ индифферентному укладу и можетъ затѣмъ даже совсѣмъ исчезнуть (значитъ, работы гласнаго раскрытія рта совсѣмъ не будетъ и слоговой составъ слова измѣнится), какъ напр. въ произношеніи „ты́шча“ изъ тысяча.

5. Собственно *органами произношенія* являются губы и языкъ. Это—активные органы, совершающіе разныя движенія, въ отличіе отъ пассивныхъ, т. е. зубовъ и твердаго неба; эти послѣдніе могутъ служить лишь пунктами, относительно которыхъ дѣйствуютъ органы подвижные или активные. При разсмотрѣніи работы (участія) органовъ произношенія нужно обращать вниманіе на двѣ стороны—мѣсто и способъ артикуляцій.

Относительно мѣста артикуляцій замѣтимъ слѣдующее. При участіи губъ дѣйствіе происходитъ или между обѣими губами (*п, б, м, о, у*), при чемъ при согласныхъ *п, б* и *м* губы по всей своей длинѣ сжимаются между собою, а при гласныхъ *о* и *у* выдвигаются впередъ, у угловъ касаясь одна другой, по серединѣ же образуя отверстіе и это своеобразное уложеніе губъ соединяется съ одновременнымъ глубокимъ приближеніемъ задней части языка къ небу,—или же нижняя губа приближается къ верхнимъ зубамъ (*ф, в*); отсюда *губные* звуки распадаются на *губно-губные* и *губно-зубные*. Языкъ можетъ артикулировать относительно неба [1]): переднею частью

[1]) Для опредѣленія тѣхъ мѣстъ на небѣ, относительно которыхъ артикулируетъ языкъ, прекраснымъ пособіемъ можетъ служить метода окрашиванія. Языкъ на́-сухо вытираютъ, покрываютъ густымъ слоемъ туши и артикулируютъ для произнесенія извѣстнаго звука. Затѣмъ ротъ раскрываютъ и разсматриваютъ передъ зеркаломъ. Часть неба, прилегающую къ верхимъ рѣзцамъ, можно видѣть, введя въ ротъ край тонкаго зеркала, обращеннаго къ небу, и въ то же время имѣя передъ собою другое зеркало, на которое должно отразиться изображеніе съ перваго зеркала,—это при самонаблюденіи; при наблюденіяхъ же надъ другими можно непосредственно обозрѣвать все небо.

(звуки *передне-язычные*, напр. *т*), среднею (звуки *средне-язычные*, напр гласный *і* и согласный *й*, обозначаемый въ научной транскрипціи также буквою—j) и заднею (*задне-язычные*, напр. *к*); при этомъ въ дѣйствіи передней части языка различается дѣйствіе относительно верхнихъ зубовъ (*т*, *д*, *с*, *з*, *н* и *л* [1]) и относительно твердаго неба нѣсколько выше зубовъ или, другими словами, относительно альвеолъ верхнихъ зубовъ, т. е. челюстныхъ луночекъ верхнихъ зубовъ, одѣтыхъ десною и образующихъ небольшую выпуклость надъ верхними зубами при переходѣ къ своду твердаго неба (*ш*, *ж*, *р*), дѣйствіе же задней части языка различается болѣе глубокое (при *о* и *у*) и менѣе глубокое (при гласномъ *ы* и согласныхъ *к*, *г*, *х*, *ў* [2]); такимъ образомъ передне-язычные звуки подраздѣляются на *зубные* и *альвеолярные*, а задне-язычные—на *глубокіе* и *неглубокіе*. Дѣйствіе средней части языка можетъ соединяться съ прочими артикуляціями, чѣмъ производится мягкое произношеніе звуковъ (напр. *п'*, *т'* и пр.); отсюда получается парность звуковъ по *твердости* и *мягкости* (напр. *п* || *п'*, *с* || *с'* и пр.), т. е. звуковъ „безъ участія“ и „съ участіемъ *средней части* языка“.

Что касается способа артикуляцій, то таковой, какъ мы указывали, находится въ связи съ раскрываніемъ и закрываніемъ рта, а потому мы его разсмотримъ соотвѣтственно различію звуковъ гласныхъ и согласныхъ. Обратимся сначала къ разсмотрѣнію способовъ артикуляцій при произношеніи гласныхъ звуковъ.

Изъ гласныхъ самый широкій—*а* произносится при простомъ раскрытіи рта безъ замѣтнаго участія органовъ произ-

---

[1]) При выговариваніи *л* происходитъ кромѣ прижатія передней части языка къ верхнимъ зубамъ еще опущеніе боковъ языка; такое уложеніе языка можетъ быть опредѣлено какъ «передне-боковое».

[2]) Такъ обозначается въ научной транскрипціи звукъ *г*, произносимый напр. въ словахъ: благо, Господь.

ношенія (языка и губъ); если же приблизить среднюю часть языка къ небу при узкомъ растворѣ рта, то получится узкій гласный *і*; при произношеніи узкаго гласнаго *у* губы съуживаются и выдвигаются впередъ и въ то же время происходитъ поднятіе глубокой задней части языка, опять-таки при узкомъ растворѣ рта. Средину между широкимъ гласнымъ *а* и узкимъ *і* занимаетъ гласный звукъ *э*; въ русскомъ языкѣ онъ является въ двухъ различіяхъ—открытое (называемое также широкимъ) и закрытое (называемое также узкимъ) *э*: первое обозначается въ научно-фонетическихъ изслѣдованіяхъ посредствомъ начертанія æ или ä, а второе посредствомъ начертанія є; различіе же между тѣмъ и другимъ гласнымъ состоитъ въ томъ, что при æ имѣется большее удаленіе средней части языка отъ неба (при большемъ раскрытіи рта), нежели при є; широкое *э* слышится напр. въ словахъ—*ужѐ*, *мѣрка*, *мелко*, а узкое *э* въ словахъ—*мѣрить*, *мель*. Гласный звукъ *о* занимаетъ среднее положеніе между *а* и *у*: для произношенія *о* губы образуютъ съуженіе, но не столь значительное, какъ для произношенія *у*, а также происходитъ одновременно меньшее по сравненію съ *у* приближеніе глубокой задней части языка къ небу (при среднемъ растворѣ рта). Къ узкимъ гласнымъ кромѣ *і* и *у* принадлежитъ еще звукъ *ы*, образующійся приближеніемъ къ небу менѣе глубокой задней части языка. Разнообразіе гласныхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ гораздо большее, если имѣть въ виду кромѣ ударяемыхъ гласныхъ еще и неударяемые; но эти послѣдніе будутъ разсмотрѣны нами въ фонетикѣ.

Что касается съуженныхъ или согласныхъ звуковъ, то они по способу произношенія подраздѣляются на *взрывные* (напр. *п*, *т*...) и *придувные* (напр. *ф*, *с*...). Чтобы уяснить себѣ разницу этихъ двухъ способовъ произношенія согласныхъ, сравнимъ произношеніе звуковъ *т* и *с*. Для произнесенія звука *т* передняя часть языка *прижимается* къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ, а для произнесенія звука *с* толь-

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Академии наук СССР

ко *приближается* къ нимъ. При произнесеніи звука *т* происходитъ, такъ сказать, взрывъ воздуха, напиравшаго на сжатіе между языкомъ и небомъ; при произнесеніи же звука *с* воздухъ выдувается (продувается) черезъ съуженіе между языкомъ и небомъ. Отсюда, такіе согласные, какъ *т*, называются взрывными или мгновенными, а такіе, какъ *с*—придувными или длительными.

Ознакомившись съ произношеніемъ отдѣльныхъ звуковъ, мы можемъ представить въ своемъ воображеніи каждый звукъ подъ видомъ группы артикуляціонныхъ работъ, производящихъ его. Этимъ путемъ фонетическія явленія языка могутъ получать физіологическое разъясненіе, переставая казаться случайною смѣною буквъ. Но для этого нужно путемъ упражненія въ физіологическомъ разборѣ звуковъ достигнуть сначала умѣнья ясно представлять себѣ для каждаго звука сумму производящихъ его артикуляціонныхъ работъ. Возьмемъ напр. слово „*ды́му*“ и представимъ физіологическій разборъ составляющихъ его звуковъ: 1) *д*: выдыхательная работа грудной клѣтки совершается энергично, такъ какъ данный согласный принадлежитъ ударенному слогу; голосовыя связки натянуты и сближены для приведенія ихъ въ звучаніе выдыхательнымъ токомъ воздуха; мягкое небо приподнято, благодаря чему фонаціонный токъ воздуха направляется въ полость рта; нижняя челюсть притянута къ верхней съ силою соотвѣтственно силѣ выдыханія; изъ органовъ произношенія работаетъ только языкъ такимъ образомъ, что его передняя часть упирается въ верхніе зубы и ихъ десны и опять-таки съ силою соотвѣтственно силѣ выдыханія; звукъ производится посредствомъ взрыва; 2) *ы́*: сильная выдыхательная работа; уложеніе гортани для звучанія; мягкое небо приподнято; нижняя челюсть осаждена съ силою соотвѣтственно силѣ выдыханія; неглубокая артикуляція задней части языка; 3) *м*: слабая выдыхательная работа, такъ какъ согласный этотъ принадлежитъ слабому неударяемому слогу; съуженіе голосовой щели для звучанія, произведенное слабымъ

Гласные ударяемые:

a^{i}, a

æ

o

є

і у

ы

Гласные неударяемые.

Неударяемые гласные, по качеству приближающіеся къ представленнымъ въ таблицѣ ударяемымъ, встрѣчаются *въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному.*

Въ слабыхъ положеніяхъ внутри слова: ъ (ы̆) и ь (і̆), ў; наблюдаются случаи слогообразующихъ плавныхъ и носовыхъ, равно какъ и мимолетнаго гласнаго.

Неударяемые гласные *въ концѣ слова:* -ӑ, -і̆, -ы̆, -ў.

напряженіемъ мышцъ; мягкое небо опущено для пропуска звучащаго тока воздуха въ носъ; нижняя челюсть слабо притянута къ верхней; губы слабо сжаты, и звукъ производится ихъ разнятіемъ при одновременномъ носовомъ резонансѣ; 4) *у*: слабая выдыхательная работа; слабая звучащая дѣятельность гортани; мягкое небо приподнято; слабое осажденіе нижней челюсти до степени узкаго раствора; узкое губное отверстіе при слабомъ напряженіи губъ и одновременно слабая артикуляція глубокой задней части языка. Изъ представленнаго нами физіологическаго разбора звуковъ не трудно замѣтить существованіе тѣсной взаимной связи артикуляціонныхъ работъ при произношеніи, при чемъ оказывается какъ бы родъ антагонизма (борьбы) между фонаціоннымъ выдыханіемъ и прочими артикуляціонными работами: напряженіе послѣднихъ пропорціонально напряженію выдыхательной дѣятельности; припомнимъ также объ упоминавшейся раньше связи между работою раствора рта и движеніями органовъ произношенія относительно степени открытости или же съуженности.

Кромѣ *физіологическаго* или артикуляціоннаго момента, комбинированіе работъ обусловливается также *слуховымъ моментомъ*. Отчего напр. ударяемые гласные произносятся только звонко? Физіологической необходимости тутъ нѣтъ никакой, такъ какъ всѣ гласные можно произнести и при открытой голосовой щели, т. е. глухо. Но при глухомъ произношеніи гласные являются слишкомъ мало слышными,—между тѣмъ какъ наша рѣчь, служа *посредникомъ между говорящимъ и слушающимъ*, очевидно должна содержать элементы достаточно слышные. По этой же акустической причинѣ, далѣе, изъ согласныхъ плавные и носовые тоже являются вообще только звонкими. Что же касается самаго качества *сонорности* или *слышности*, то оно находится въ нѣкоторомъ соотношеніи съ характеромъ артикуляцій, а именно—наибольшая сонорность принадлежитъ наиболѣе открытымъ звукамъ, а наимень-

шая—наиболѣе сжатымъ; поэтому степень сонорности слѣдующимъ образомъ послѣдовательно убываетъ въ физіологическомъ ряду категорій звуковъ: 1) гласные или открытые звуки—съ наибольшей сонорностью; 2) плавные и носовые; 3) звонкіе придувные; 4) звонкіе взрывные; 5) глухіе придувные и взрывные. Причина, почему звонкіе взрывные менѣе сонорны по сравненію съ звонкими придувными, заключается въ томъ, что при взрывныхъ согласныхъ имѣетъ мѣсто полная замкнутость полости рта, такъ что столбъ звучащаго воздуха, напирая въ замкнутое пространство и уплотняясь, скоро долженъ прекращать свое звучаніе; срв. отдѣльное произнесеніе согласныхъ *б*, *д*, *г*. Звуки съ наименьшей сонорностью или глухіе становятся болѣе слышными, когда за ними слѣдуютъ наиболѣе сонорные звуки, срв. *п* въ отдѣльности и въ сочетаніяхъ *па* или *пра*.

Отъ физіологіи звуковъ въ отдѣльности обратимся къ изученію физіологіи соединенія звуковъ въ слоги, составляющіе слова. Произношеніе каждаго отдѣльнаго звука, какъ гласнаго, такъ и согласнаго, представляетъ собою три момента: 1) соотвѣтствующія части говорильнаго аппарата изъ своего индифферентнаго, т. е. спокойнаго, положенія двигаются къ положенію, нужному для произнесенія даннаго звука (*экскурсируютъ* или выходятъ на работу), 2) достигнувъ этого положенія, удерживаются въ немъ нѣкоторое время и 3) артикулирующія части снова переходятъ въ индифферентное положеніе (*рекурсируютъ* или возвращаются съ работы). Но если требуется произнести слогъ изъ согласнаго съ слѣдующимъ гласнымъ, то въ этомъ случаѣ рекурсія согласнаго совершается не къ индифферентному положенію, а сливается въ одинъ общій моментъ съ экскурсіею слѣдующаго гласнаго. Извѣстный недостатокъ заиканія представляетъ собою разстройство именно въ такомъ слитіи согласнаго съ слѣдующимъ гласнымъ и состоитъ въ томъ, что заикающійся нерѣдко отдѣляетъ согласный отъ слѣдующаго гласнаго и тѣмъ нарушаетъ цѣлост-

ность слога, стараясь же исправить происшедшую порчу слога, онъ заикается на данномъ согласномъ. При нормальныхъ условіяхъ указанное слитіе рекурсіи согласнаго въ одинъ моментъ съ экскурсіею слѣдующаго гласнаго является актомъ вполнѣ естественнымъ, хотя при начальномъ обученіи чтенію слитіе отдѣльно данныхъ согласнаго съ гласнымъ дѣтямъ дается не такъ легко. Послѣ всего сказаннаго ясно, что любой согласный будетъ неодинаковъ по своей рекурсіи въ сочетаніи съ разными гласными (напр. *т* въ сочетаніяхъ *та*, *то* и пр.), такъ какъ его рекурсія будетъ сливаться съ неодинаковою экскурсіей разныхъ гласныхъ; въ свою очередь одинъ и тотъ же гласный послѣ разныхъ согласныхъ будетъ неодинаковъ по своей экскурсіи, напр. *а* въ сочетаніяхъ *та*, *ка* и проч.; также и послѣ согласныхъ твердыхъ и соотвѣтствующихъ мягкихъ одинъ и тотъ же гласный различается по своей экскурсіи. Въ общепринятомъ письмѣ различіе твердой и мягкой экскурсіи гласныхъ выражается посредствомъ примѣненія особыхъ буквъ для гласныхъ въ томъ и другомъ случѣ; срв. напр. *та* и *тя*, гдѣ все различіе отнесено къ начертанію гласныхъ, тогда какъ послѣднимъ принадлежитъ лишь различіе твердой и мягкой экскурсіи, основное же различіе твердости и мягкости звука принадлежитъ предшествующимъ согласнымъ (въ научномъ письмѣ орѳографическимъ написаніямъ *та* и *тя* будутъ соотвѣтствовать начертанія *та* и *т'а* и т. д.). Согласные *ш*, *ж* и *ц* въ древнерусскомъ языкѣ были мягки, а съ теченіемъ времени въ большинствѣ говоровъ отвердѣли, соотвѣтственно чему въ сочетаніяхъ этихъ согласныхъ съ слѣдующимъ гласнымъ экскурсія послѣдняго изъ мягкой перешла въ твердую, напр. *ш'а→ша*; гласный же *і* послѣ *ш*, *ж* и *ц* съ отвердѣніемъ ихъ измѣнился въ гласный *ы*, который однакожъ послѣ *ш* и *ж* имѣетъ и теперь въ общерусской рѣчи легкій нюансъ *і*, т. е. не вполнѣ твердъ.

Въ примѣрахъ, которые мы брали, за гласнымъ не слѣдовало никакого звука, такъ что работающія части говориль-

наго аппарата съ произнесеніемъ гласнаго должны возвращаться въ свое спокойное положеніе. Но вѣдь за гласнымъ могутъ слѣдовать разные согласные того же слога, и въ этомъ случаѣ рекурсія гласнаго сливается съ экскурсіей слѣдующаго согласнаго, вслѣдствіе чего одинъ и тотъ же гласный при различіи слѣдующаго согласнаго является неодинаковымъ по своему концу. Срв. для примѣра произношеніе мат : мат', кон : кон', дул : дул'; можно слышать, какъ разное окончаніе гласнаго передъ твердымъ и соотвѣтствующимъ мягкимъ согласнымъ отражается на воспринимаемомъ звукѣ гласнаго: послѣдній при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ пріобрѣтаетъ легкій палатальный оттѣнокъ (окраску гласнаго *і*) — ма^{і}т' и пр. Впрочемъ разныя лица обладаютъ не въ одинаковой мѣрѣ тонкимъ слухомъ, а потому неодинаково хорошо будутъ различать указанные оттѣнки звуковъ. Всего рѣзче различіе оттѣнковъ выступаетъ при гласномъ *э* (напр. йэ́л : йэ^{і}л'), при чемъ въ одномъ случаѣ слышится широкое *э*, а въ другомъ случаѣ узкое. Слоги, оканчивающіеся согласнымъ, называются *закрытыми* въ отличіе отъ слоговъ, оканчивающихся гласнымъ, которые называются *открытыми*, напр. *то* — слогъ открытый, а *тот* — слогъ закрытый.

Изложивъ въ главныхъ чертахъ физіологію звуковъ и ихъ сочетаній, покажемъ на какомъ-либо примѣрѣ способъ физіологическаго толкованія фонетическихъ явленій. Въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ произносится „схонно“ вм. „сходно“, и т. п.; посмотримъ, въ чемъ состоитъ измѣненіе сочетанія *дн* въ *нн* съ точки зрѣнія физіологической. Если мы будемъ сравнивать въ отношеніи артикуляціонныхъ работъ звуки *д* и *н*, то увидимъ, что они большею частью сходны по работамъ и лишь немного различны. Обозначая знакомъ + одинаковыя работы, имѣемъ:

	д		*н*
Дыхат. аппар.	+		+
Гортань	+		+
Мягкое небо	поднято	←	опущено
Аппаратъ нижней челюсти	+		+
Органы произн. мѣсто	+		+
Органы произн. способъ	+		+

И такъ, лишь работа мягкаго неба не сходствуетъ, но и тутъ произошло распространеніе артикуляціи мягкаго неба со слѣдующаго звука на предшествующій, и въ результатѣ получилось измѣненіе группы *дн* въ *нн* или весьма обычное въ языкѣ явленіе ассимиляціи или уподобленія звуковъ. Между тѣмъ безъ физіологическаго анализа мы имѣли бы лишь мало понятную, какъ бы случайную смѣну буквъ. [1])

---

[1]) Чтобы показать, какъ физіологія звуковъ можетъ освѣщать и другіе фонетическіе факты, объяснимъ измѣненіе неударяемаго *о* въ *а* въ южновеликорусскомъ произношеніи, напр. в а д а́ изъ *вода́*. Для произношенія гласнаго *о* губы выдвигаются впередъ и образуютъ съуженіе такимъ образомъ, что касаются одна другой лишь по краямъ, по срединѣ же образуютъ отверстіе. Это уложеніе губъ достигается дѣйствіемъ цѣлой группы мышцъ, окружающихъ отверстіе рта: изъ нихъ прежде всего назовемъ заложенную въ губахъ круговую мышцу, при сокращеніи которой губы стягиваются; къ этой работѣ присоединяется еще при среднемъ раскрытіи рта дѣйствіе другихъ мышцъ, радіально идущихъ къ круговой мышцѣ и при своемъ сокращеніи оттягивающихъ губы, что̀ такимъ образомъ не допускаетъ ихъ до полнаго сжатія. Съ теченіемъ времени вся эта сложная работа губъ постепенно ослабляется при произнесеніи неударяемаго *о* и въ результатѣ переходитъ въ пассивное или индифферентное состояніе губъ при среднемъ раскрытіи рта, а при такомъ укладѣ получается уже другой гласный, именно—*а*. Изъ сказаннаго ясно, что измѣненіе неударяемаго *о* въ *а* (черезъ посредствующую стадію *å*) произошло въ направленіи уменьшенія работъ при произношеніи. Можно замѣтить еще, что такого рода звуковыя измѣненія, связанныя съ экономіей въ работѣ мышцъ, весьма обычны въ языкахъ.

И такъ, знакомство съ физіологіей произношенія позволяетъ изслѣдователю представлять въ своемъ воображеніи перемѣны, происходящія въ говорильномъ аппаратѣ при измѣненіи звуковъ. Но, чтобы представленіе звуковыхъ явленій было болѣе полнымъ, нельзя ограничиваться однимъ внѣшнимъ говорильнымъ аппаратомъ, необходимо имѣть въ виду также мозговую дѣятельность, дающую импульсъ артикуляціоннымъ работамъ. Какъ мы знаемъ, при произнесеніи любаго звука происходитъ одновременное участіе разныхъ частей говорильнаго аппарата, изъ которыхъ каждая дѣйствуетъ посредствомъ цѣлой группы составляющихъ ее мышцъ, эти же послѣднія возбуждаются къ дѣятельности импульсами, идущими по нервамъ изъ соотвѣтствующихъ центровъ головнаго мозга. Такимъ образомъ, для произнесенія даже одного звука требуется, такъ сказать, цѣлый аккордъ двигательныхъ импульсовъ изъ головнаго мозга, а кромѣ того самыя мышечныя работы сопровождаются мышечнымъ чувствомъ. Когда звукъ произнесенъ, слушающій (а также и самъ говорящій) воспринимаетъ слухомъ цѣлый аккордъ звуковыхъ волнъ, превращающійся въ сознаніи въ слуховое ощущеніе опредѣленнаго звука. Сочетаніе звуковъ представляетъ собою со стороны произношенія—послѣдовательность аккордовъ изъ двигательныхъ импульсовъ, сопровождающуюся послѣдовательнымъ выполненіемъ артикуляціонныхъ движеній, со стороны слуховой—сочетаніе звуковъ есть рядъ воспринимаемыхъ слухомъ звуковыхъ впечатлѣній.

Глава II.

Принципы русскаго правописанія.

Представивъ въ предъидущей главѣ физіологическое ученіе о звукахъ рѣчи, мы, прежде чѣмъ обратиться къ изложенію фонетики, должны еще ознакомиться въ общихъ чертахъ съ основами русскаго правописанія, такъ какъ въ фонетикѣ мы будемъ пользоваться какъ научно-фонетическимъ письмомъ, такъ и обычнымъ правописаніемъ, взаимное отношеніе между которыми мы и постараемся выяснить въ настоящей главѣ, при чемъ покажемъ, въ какихъ случаяхъ орѳографическія написанія соотвѣтствуютъ произношенію и въ какихъ не соотвѣтствуютъ; мы увидимъ также, что нѣкоторыя изъ орѳографическихъ написаній послѣдняго рода или не-фонетическихъ могутъ давать для фонетики указанія на прежнее произношеніе и съ тѣмъ вмѣстѣ на совершившіяся въ языкѣ звуковыя измѣненія.

Предварительно покажемъ необходимость строгаго *различенія между звуками и буквами*. Звуки мы произносимъ, а буквы пишемъ для обозначенія этихъ звуковъ. При этомъ не всегда произношеніе и правописаніе соотвѣтствуютъ между собою. Для примѣра остановимся на такомъ написаніи, какъ *нъ*. Хотя оно содержитъ двѣ буквы, но ими обозначается только одинъ звукъ, именно—мягкій согласный *н*. Въ самомъ дѣлѣ, если мы протянемъ произношеніе даннаго орѳографическаго

написанія, то убѣдимся въ томъ, что каково произношеніе въ началѣ, таково оно и въ концѣ, и что стало быть мы произнесли одинъ звукъ, а не болѣе. Съ другой стороны можно указать случай, когда *одна* буква общепринятаго письма обозначаетъ *два* звука, напр: *я*=йа, *ю*=йу и пр. Чтобы убѣдиться въ томъ, что здѣсь имѣется сочетаніе двухъ звуковъ, обратимся къ тому же пріему, т. е. протянемъ звукъ, обозначаемый данною буквою, напр. *я*: въ началѣ слышится звукъ *ӥ* (j), а въ концѣ *а*, т. е. йа...а, слѣдовательно—два звука, а не одинъ (оставляю въ сторонѣ тотъ случай, когда разсматриваемая буква стоитъ послѣ буквы согласнаго звука, напр. *ня* и т. п.,—какъ мы уже знаемъ, въ этомъ случаѣ буквы и звуки не вполнѣ соотвѣтствуютъ порознь другъ другу). Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы понять, почему научная грамматика кромѣ общеупотребительныхъ орѳографическихъ написаній пользуется еще научно-фонетическими или такъ называемою фонетическою транскрипціею, заботясь о томъ, чтобы послѣдняя возможно совершеннѣе обозначала произносимые звуки живой рѣчи.

Примѣчаніе. Учебники не всегда проводятъ достаточно строго разницу между звуками и буквами и смѣшиваютъ иногда эти два разныя понятія, что̀ очевидно неправильно. Такъ, въ нихъ обыкновенно буквы, а не звуки (какъ бы слѣдовало) раздѣляются на гласныя и пр. Въ одномъ же изъ самыхъ употребительныхъ учебниковъ по русской грамматикѣ хотя и говорится совершенно резонно о дѣленіи звуковъ (а не буквъ) на гласные и согласные, а послѣднихъ на губные и пр., но тутъ же отмѣчаются случаи, когда согласный будто бы слышенъ не ясно, напр. рабъ, дворня*ж*ка. Въ дѣйствительности же въ этихъ случаяхъ согласный слышится совершенно ясно, именно *з* въ словѣ рабъ, *ш* въ словѣ дворня*ж*ка. Очевидно, авторъ учебника не могъ освободиться отъ традиціонной неточности, и привычка къ орѳографическому знаку помѣшала ему правильно опредѣлить звукъ.

Разъяснивъ различіе между звуками и буквами, обратимся къ обзору главныхъ принциповъ русскаго правописанія или (употребляя совершенно равнозначущее иностранное слово) русской орѳографіи. Эти принципы слѣдующіе: 1) фонетическій, 2) принципъ аналогіи, 3) историческій, 4) принципъ церковно-

славянскихъ написаній, 5) принципъ передачи иностранныхъ словъ и 6) принципъ дифференціаціи написаній.

I. *Фонетическія написанія.* Категорія фонетическихъ написаній, т. е. соотвѣтствующихъ произношенію, примѣняется напр. при обозначеніи ударяемыхъ гласныхъ, а затѣмъ вообще слоговъ, состоящихъ изъ твердыхъ или же мягкихъ согласныхъ съ слѣдующимъ гласнымъ, при чемъ своеобразная особенность такихъ написаній сравнительно съ научною транскрипціей заключается въ томъ, что твердость или же мягкость согласнаго выражается не въ буквѣ согласнаго, но въ буквѣ слѣдующаго гласнаго, вслѣдствіе чего качество твердости и мягкости согласнаго обнаруживается лишь изъ обозначенія цѣлаго слога (срв. начертанія *ня* и *на* или *дю* и *ду*); отсюда такой принципъ фонетическаго письма называется *силлабическимъ*, т. е. слоговымъ. *) Въ ученой или научно-фонетической транскрипціи мягкость согласнаго обозначается значкомъ ', напр. н'а=орѳ. *ня*, д'у=орѳ. *дю* и пр.

II. *Написанія по аналогіи.* Этотъ принципъ состоитъ въ томъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ въ словахъ обозначаются звуки не тѣ, которые въ нихъ слышатся или произносятся, но тѣ, которые имѣются въ родственныхъ словахъ и кото-

*) Въ польскомъ письмѣ мягкость согласнаго въ сочетаніи съ гласнымъ обозначается буквою *i*, стоящею между буквами согласнаго и гласнаго, напр. *sia*, *nie* и пр (Этотъ пріемъ обозначенія мягкости согласнаго примѣняется также въ литовскомъ письмѣ въ томъ случаѣ, когда пользуются латинскими начертаніями, болѣе обычными, срв. напр. *arìi* «нашу» и т. п.). Если же мягкій согласный оканчиваетъ слогъ, такъ что за нимъ не слѣдуетъ гласнаго, то въ этомъ случаѣ мягкость согласнаго обозначается въ польск. посредствомъ значка ' надъ буквою согласнаго, напр. ś, ń и т. п. (pień=рус. пень).

рые съ тѣмъ вмѣстѣ являются вообще болѣе первичными. Сюда относятся обозначенія конечныхъ глухихъ согласныхъ, согласныхъ въ случаяхъ ассимиляціи и, наконецъ, неударенныхъ гласныхъ. Напр. слово „годъ“ произносится *гот*, а между тѣмъ пишется въ этомъ словѣ не *т*, а *д*: это по сходству или аналогіи съ родственными словами, въ которыхъ за такимъ согласнымъ слѣдуетъ гласный звукъ, напр. го*д*а, го*д*у и т. д.; въ словѣ же „пло*т*ъ“ на концѣ пишется *т* по аналогіи къ формамъ—пло*т*а, пло*т*у и т. д. Указаннымъ правиломъ руководствуются также при написаніи согласныхъ въ случаѣ измѣненій ихъ, происходящихъ отъ ассимиляціи; такъ, напр., пишутъ: *сд*ѣлать (а не—*зд*ѣлать) по аналогіи къ случаямъ, гдѣ за *с* въ томъ же префиксѣ имѣется гласный (срв. *с*орвать и т. п.), во*д*ка (а не—во*т*ка) по аналогіи къ формамъ—во*д*а, во*д*ы и пр. Гласные звуки неударенные обозначаются такъ же, какъ соотвѣтствующіе имъ въ родственныхъ словахъ гласные съ удареніемъ; напр. въ словѣ „года́“ пишется послѣ *г* буква *о* (произносится же гласный *а* или близкій къ нему) — по аналогіи съ ударяемымъ гласнымъ: если мы измѣнимъ наше слово такъ, чтобы за *г* слѣдовалъ ударенный гласный, напр. го́ду и т. п., то увидимъ, что нужно писать не *г*а́да, а года; на томъ же основаніи въ словѣ „годовой“, хотя послѣ *г* слышится слабый краткій гласный похожій на *ы*, также должны написать букву *о*.

III. *Историческія написанія.* Собственно говоря, принципъ такихъ написаній обнимаетъ собою всю орѳографію, поскольку она унаслѣдовала отъ предшествующаго времени, такъ что и всѣ прочіе принципы въ этомъ смыслѣ являются историческими. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ историческими написаніями называются такія, которыя нѣкогда были фонетическими, но съ измѣненіемъ произношенія, перестали быть таковыми, сохраняясь однако въ силу традиціи. Напр. звуки *ш* и

ж нынѣ произносятся твердо, однакожъ мы пишемъ послѣ буквы *ш* и *ж* букву *и* (а не *ы*)—*ши*, *жи*, согласно традиціи, свидѣтельствующей о томъ, что нѣкогда эти согласные были мягкими. Впрочемъ, вопросъ объ историческихъ написаніяхъ въ нашей орѳографіи усложненъ вліяніемъ со стороны церковно-славянскаго письма, такъ что иногда трудно трактовать о собственно историческихъ написаніяхъ отдѣльно отъ церковно славянскаго элемента. Къ историческимъ написаніямъ нужно отнести также тѣ ошибочныя написанія, которыя однакожъ укрѣпились въ нашей письменности, какъ бы освященныя силой обычая; напр. пишутъ *е* въ словахъ—песокъ, мелкій и нѣк. др., хотя бы слѣдовало писать эти слова черезъ *ѣ*, какъ убѣдимся въ этомъ изъ фонетики.

IV. *Церковно-славянскія написанія.* Мы знаемъ, что русское письмо произошло изъ письма церковно-славянскихъ книгъ, почему можно сказать, что почти все оно опирается на церковно-славянскую основу; въ болѣе тѣсномъ смыслѣ церковно-славянскимъ элементомъ должно считать такія написанія въ русской орѳографіи, которыя не соотвѣтствуютъ русскому произношенію и вошли въ правописаніе подъ вліяніемъ церковно-славянскаго языка и письма. Напр. изъ написаній житіе || житье, Маріа || Марья и т. под. написанія съ *і*—церковно-славянскія, а съ *ь*—чисто русскія.

V. *Иностранныя написанія.* Когда иностранныя слова переходятъ въ языкъ литературный, то нерѣдко они удерживаютъ особенности обозначенія того языка, изъ котораго заимствованы. Примѣромъ такихъ написаній можетъ служить въ русской орѳографіи написаніе *и*, а не *ы* послѣ *ц* въ словахъ иностранныхъ, напр. принцип*и*ъ, Песталоцц*и*, ц*и*фра и т. д. Укажемъ еще примѣненіе начертаній *ф* и *ѳ* въ словахъ греческаго происхожденія соотвѣтственно обозначенію даннаго согласнаго въ греческой письменности, напр. *ф*илосо*ф*ія || Демосѳенъ.

VI. Принципъ *дифференціаціи* или различенія написаній состоитъ въ томъ, что слова одинакозыя по звукамъ, но различающіяся по значенію, получаютъ нѣкоторыя отличія и на письмѣ, напр. „миръ“ и „міръ“ (въ древней письменности одинаково въ обоихъ случаяхъ **мнръ**), или *что* (союзъ) и *чтѡ* (мѣстоим.); также формы словъ, различающіяся удареніемъ, для устраненія недоразумѣній снабжаются знакомъ ударенія, напр. бо̀льшимъ || большѝмъ и т. п.

Примѣчаніе. Мы разсмотрѣли главнѣйшіе принципы русскаго правописанія; если обратимся къ другимъ письменностямъ, то аналогичные принципы встрѣтимъ и тамъ (исключая, разумѣется, принципъ церковно-славянскихъ написаній, какъ спеціально-русскій), но съ характернымъ преобладаніемъ тѣхъ или другихъ. Такъ, напр., въ древне-греческой орѳографіи видимъ преобладаніе *фонетическаго* начала, срв. τρίζω || τέτριπται, τετριφαι, τέτριμμαι, ἐτρίφθην. Въ латинской орѳографіи, по сравненію съ древне-греческою, область фонетическаго принципа болѣе ограничена, обнаруживаясь при производствѣ временъ глагола, напр. scribo || scripsi, scriptum, между тѣмъ какъ во флексіи именной, гдѣ формы тѣсно связаны единствомъ склоненія, проявляется *морфологическій* принципъ, напр. urbs—urbis. Въ современномъ нѣмецкомъ правописаніи *морфологическій* принципъ проведенъ шире, чѣмъ въ латинскомъ, такъ какъ мы видимъ его и въ глаголѣ—какъ во флексіи, такъ и при производствѣ временъ, срв. loben || du lobst, ich lobte; затѣмъ весьма характерно въ нѣмецкомъ примѣненіе принципа написанія *иностранныхъ словъ*—особенно французскихъ и частію англійскихъ: нѣмецкая орѳографія, пользующаяся одинаковымъ съ ними алфавитомъ, воспроизводитъ въ точности орѳографію оригинала, напр. франц. – Gouverneur, Chaussée, Chignon, Vaudeville, Dejour, Bureau и мн. др., англ.—Whist, Vauxhall и т. п. Преобладаніемъ *историческаго* принципа характеризуются письменности англійская, французская, ново-греческая. Что касается принципа дифференціаціи, то случаи его примѣненія наблюдаются во всѣхъ разсматривавшихся письменностяхъ.

Фонетика.

Глава III.

Введеніе въ фонетику: отношеніе между физіологіею звуковъ и фонетикою; понятіе о звуковыхъ законахъ и главныхъ принципахъ фонетики.

Звуки языка изучаются, какъ мы указывали, не только въ *фонетикѣ*, но также и въ *физіологіи рѣчи*. Разница между фонетикою и физіологіею звуковъ заключается въ слѣдующемъ. Физіологія звуковъ изслѣдуетъ, возможно точнымъ образомъ, какъ произносятся въ данномъ языкѣ отдѣльные звуки и звуковыя сочетанія, не разсматривая, въ какихъ морфологическихъ категоріяхъ (въ какой части рѣчи, въ какой части слова—корнѣ, суффиксѣ и пр.) встрѣчаются они, между тѣмъ какъ фонетика изслѣдуетъ звуковыя явленія всегда морфологически—въ связи съ морфологическими группами, въ которыхъ они находятся, не игнорируя и синтаксическій моментъ. Физіологія звуковъ служитъ лишь подготовкою къ болѣе глубокому пониманію фонетики.

Такъ какъ въ фонетическихъ изслѣдованіяхъ нерѣдко говорится о „фонетическихъ“ или „звуковыхъ законахъ“, то намъ слѣдуетъ ближе ознакомиться съ этимъ вопросомъ. Для избѣжанія неясности мы разсмотримъ вопросъ о звуковыхъ законахъ не только въ примѣненіи къ фонетикѣ, но и къ физіологіи звуковъ, такъ какъ законы въ той и другой области

имѣютъ свои особенности; при этомъ мы будемъ различать законы даннаго единовременнаго состоянія и законы измѣненія во времени (другими словами—будемъ разсматривать вопросъ для той и другой области съ точки зрѣнія статической и динамико-исторической). [1]) Такимъ образомъ, мы будемъ имѣть слѣдующіе частные случаи:

А. Область физіологіи звуковъ. { 1. Система звуковъ языка; 2. Измѣненія звуковъ.

Б. Область фонетики. { 3. Грамматическія чередованія звуковъ; 4. Измѣненія звуковыхъ чередованій.

1) *Звуковая система языка.* Говоря о звуковой системѣ языка, мы должны разумѣть подъ таковою не голую схему звуковъ даннаго языка, но живое произношеніе звуковъ и ихъ сочетаній въ томъ или иномъ положеніи въ словѣ. Имѣя же въ виду дѣйствительное, живое произношеніе, мы должны оговориться, что въ дѣйствительности не существуетъ, какъ чего-либо особаго и живаго, звуковой системы *какого-нибудь языка вообще,* въ дѣйствительности мы наблюдаемъ разнообразіе рѣчи, распредѣляющееся по *говорамъ* языка, а эти послѣдніе образуются изъ произношенія отдѣльныхъ индивидуумовъ. Остановившись на произношеніи какого-нибудь индивидуума (добавимъ—взрослаго, какъ вполнѣ владѣющаго родною рѣчью), не трудно убѣдиться, что оно представляетъ нѣ-

[1]) Замѣтимъ, что терминъ «законъ» въ фонетикѣ, какъ вообще въ грамматикѣ, не можетъ имѣть того смысла, какой этотъ терминъ имѣетъ въ физикѣ. Въ послѣдней понятіе закона состоитъ въ томъ, что при однихъ и тѣхъ же условіяхъ явленіе вездѣ и всегда наступаетъ въ томъ же видѣ (срв. напр. законы вибрирующихъ струнъ), а между тѣмъ въ области языка можно говорить лишь о законахъ, касающихся постоянства явленія при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, но непремѣнно въ томъ же самомъ языкѣ и говорѣ и въ одну и ту же эпоху. Эта особенность лингвистическихъ законовъ объясняется тѣмъ, что явленія языка, въ отличіе отъ явленій физическихъ не остаются въ неизмѣнномъ видѣ, но развиваются во времени. Какъ мы увидимъ далѣе, сила звуковыхъ законовъ, какъ и вообще законовъ языка, основывается на силѣ памяти и привычки.

которое постоянное однообразіе или одинаковость, т. е. что одинъ и тотъ же индивидуумъ произноситъ вообще одинаково, иначе говоря—его произношеніе кажется какъ бы равнымъ себѣ. Такъ, напр., если индивидуумъ относительно своего произношенія принадлежитъ къ умѣренно-акающему говору русскаго языка, т. е. произноситъ въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію вмѣсто гласнаго *о*, свойственнаго окающимъ говорамъ, гласный å, положимъ—въ словѣ „годà“, то онъ будетъ произносить тотъ же гласный (å) и во всѣхъ другихъ однородныхъ случаяхъ, напр. домà, плодà, столбà, тогдà и пр. И такъ, *произношеніе индивидуума однообразно*, другими словами—*одни и тѣ же звуки въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ индивидуумъ произноситъ одинаково*. Къ этому и сводится сущность разсматриваемой категоріи звуковыхъ законовъ.

Наблюденіе надъ постепеннымъ пріобрѣтеніемъ рѣчи показываетъ, что указанное однообразіе произношенія индивидуума основывается на *привычкѣ*, постепенно слагающейся съ-дѣтства при перениманіи произношенія окружающихъ. Значитъ, если южно-великоруссъ умѣренно-акающаго говора произноситъ гǻдå, дǻмå и т. п., то это потому, что онъ съ дѣтства научился и привыкъ именно къ такому произношенію, въ устахъ же сѣверно-великорусса тѣ же слова звучатъ иначе—годá, домá и т. п., и опять-таки потому, что онъ съ дѣтства перенялъ и усвоилъ это произношеніе. Эта привычка къ родной рѣчи становится у каждаго на столько сильною, что, когда мы говоримъ, нашъ говорильный аппаратъ совершаетъ необходимыя артикуляціонныя работы совершенно безсознательно, какъ бы механически, привычка къ говорильнымъ движеніямъ пріобрѣтаетъ прочность инстинкта, а самые уклады органовъ рѣчи у индивидуумовъ, принадлежащихъ къ разнымъ говорамъ, образуютъ разныя системы.

Примѣчаніе. Мы должны сдѣлать нѣкоторыя оговорки относительно случаевъ *заимствованія словъ* изъ другаго языка. Ежели индивидуумъ заимствуетъ слово изъ другаго языка, то онъ заимствуетъ его согласно съ звуковой системой своего роднаго говора, но это—въ томъ лишь случаѣ, если у него нѣтъ привычки къ иностраннымъ языкамъ, въ частности къ данному, и, кромѣ того, если онъ не стремится сознательно къ возможно точному воспроизведенію услышаннаго произношенія. Конечно, при наблюденіи надъ заимствованіемъ словъ мы встрѣтимся и съ индивидуальнымъ разнообразіемъ, такъ какъ одни лица обладаютъ болѣе тонкимъ слухомъ, болѣе тонко развитыми органами произношенія и болѣе способны къ перениманію, другія же менѣе. Что касается лицъ знакомыхъ съ даннымъ иностраннымъ языкомъ, т. е. имѣющихъ навыкъ еще и въ этой чужой звуковой системѣ, то они могутъ позаимствовать слово съ возможно точнымъ выговоромъ иностраннаго языка, напр. слово «поэзія» произнесутъ съ гласнымъ *о*, хотя бы этотъ гласный въ ихъ родномъ говорѣ и не встрѣчался въ данномъ неударяемомъ положеніи. [1])

Говоря о привычкѣ къ звуковой системѣ, нужно имѣть въ виду не одну привычку къ артикуляціоннымъ укладамъ, но и къ производимымъ ими *слышимымъ* звукамъ даннаго говора, такъ какъ тѣ и другіе тѣсно связаны между собою, благодаря тому, что лицо, произносящее звуки, вмѣстѣ съ тѣмъ и слышитъ ихъ; не нужно забывать и о томъ, что звуки и произносимые и слышимые предполагаютъ соучастіе *психическаго* момента, какъ о томъ мы имѣли случай говорить при изложеніи физіологіи звуковъ (стр. 24).

---

[1]) Приведу еще нѣсколько примѣровъ особенностей произношенія иностранныхъ словъ въ устахъ образованныхъ русскихъ. Въ русскомъ языкѣ нѣтъ носовыхъ гласныхъ, но въ рѣчи образованнаго общества можно встрѣтить носовые гласные въ словахъ французскаго происхожденія, напр. преферансъ (préférance), пансіонъ (pension). Также нѣтъ въ русскомъ языкѣ гласныхъ ö и ü, но въ рѣчи образованныхъ русскихъ можно слышать эти гласные въ иностранныхъ словахъ, напр. бюро, Бёрне, при чемъ даже и предшествующіе согласные не смягчены; а конечное *о* французскаго слова «бюро» (bureau) получаетъ несвойственное русскому языку закрытое произношеніе. Очевидно, въ такихъ словахъ имѣетъ мѣсто прямо подстановка иностраннаго произношенія, какъ болѣе привычнаго для этихъ словъ.

2) *Измѣненія звуковъ.* Изучая теперешнее состояніе нашей рѣчи и сравнивая его съ прошлымъ, засвидѣтельствованнымъ письменными памятниками, а также съ звуковымъ состояніемъ родственныхъ языковъ, мы приходимъ къ заключенію, что звуковая сторона рѣчи измѣняется во времени. Отсюда возникаетъ вопросъ о законахъ, которымъ слѣдуютъ звуковыя измѣненія.

Прежде всего нужно различать измѣненія звуковъ, совершающіяся въ области *говорильнаго аппарата* отъ звуковыхъ перемѣнъ, обязанныхъ *органу слуха*, такъ какъ между тѣми и другими оказываются нѣкоторыя существенныя различія. Въ качествѣ примѣра звуковыхъ измѣненій въ области говорильнаго аппарата или артикуляціонныхъ можно указать на упоминавшееся измѣненіе *о* въ слогѣ первомъ передъ ударе̊ніемъ въ а̊ умѣренно-акающихъ говоровъ (въ говорахъ же вполнѣ акающихъ въ *а*), напр. „га̊да̊“, [1]) а примѣромъ измѣненій втораго типа могутъ служить такіе случаи простонароднаго произношенія, какъ напр. „Микита“ (м' вм. н'). Разъяснимъ на этихъ примѣрахъ главныя различія того и другаго рода звуковыхъ перемѣнъ.

Что касается произношенія а̊ (или а) вмѣсто неударяемаго *о*, то—какъ мы уже указывали—оно имѣетъ мѣсто не въ одномъ данномъ словѣ, но во всѣхъ словахъ этого рода, напр. да̊ма̊, па̊га̊, та̊гда̊ и пр. На основаніи такого современнаго однообразія мы заключаемъ, что и самый процессъ постепеннаго измѣненія *о* въ *а* въ разсматриваемомъ положеніи (въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному) совершался во времени не спорадически, не въ отношеніи того или или другаго слова въ отдѣльности, но по отношенію ко *всѣмъ* словамъ, представлявшимъ тѣ же самыя условія. Иное дѣло—такіе случаи, какъ „Микита“: замѣна слога *ни* черезъ *ми*

[1]) Это измѣненіе физіологически разъяснялось нами выше, на стр. 23 сноска.

произошла не въ отношеніи всѣхъ словъ, представлявшихъ подобное звуковое сочетаніе, но *спорадически*, напр. именно въ данномъ словѣ вмѣсто начальнаго сочетанія *ни* слухомъ подставлено сходное сочетаніе *ми*, и такое произношеніе затѣмъ вошло въ общее употребленіе (впрочемъ, явленія этого рода не всегда обязаны слуховому моменту, но могутъ происходить и отъ неточности памяти при воспроизведеніи слова). Замѣтимъ кстати, что акустическимъ или слуховымъ замѣнамъ звуковъ особенно благопріятствуютъ ускоренный темпъ рѣчи, а также то вліяніе логическаго ударенія, благодаря которому слова второстепенныя имѣютъ болѣе или менѣе ослабленное произношеніе.

Дальнѣйшее различіе между разсматриваемыми случаями: измѣненіе неударяемаго *о* въ å (а) совершалось *медленно, постепенно* (о.....о*.....å.....а), въ теченіе быть можетъ даже не одного столѣтія, между тѣмъ какъ замѣна *н'* черезъ *м'* есть родъ ослышки (или же—неточности припоминанія), т. е. результатъ *одновременнаго акта*: вмѣсто одного звуковаго сочетанія (*ни*) подставлено сходное другое (*ми*). [1])

Третье различіе: измѣненія въ сферѣ говорильнаго аппарата, т. е. артикуляціонныя, совершаются во всякаго рода словахъ, представляющихъ одинаковыя условія произношенія даннаго звука, между тѣмъ какъ акустическія замѣны звуковъ совершаются чаще всего въ словахъ *одинокихъ* и вообще *бѣдныхъ родствомъ*, напр. *Ми*кита, *не*бель и т. п., при чемъ не-

---

[1]) Надо оговориться, что относительно нѣкоторыхъ измѣненій звуковъ трудно рѣшить, къ какому типу измѣненій (физіологическому или акустическому) они относятся, какъ напр. въ случаѣ *дн*—>*нн* (срв. *ланно* вм. *ладно* въ нѣкоторыхъ сѣв.-великорусскихъ говорахъ); физіологическую сторону этого измѣненія мы разсматривали выше, на стр. 22—23. Замѣтимъ еще, что направленіе анатомо-физіологическихъ измѣненій звуковъ опредѣляется двумя моментами—спонтаненческимъ или природою самого измѣняющагося звука и комбинаціоннымъ или природою сосѣднихъ звуковъ.

рѣдко къ слуховому фактору присоединяется еще участіе фактора *народной этимологіи* [1]).

Примѣчаніе. Замѣтимъ, что акустическія замѣны или разнаго рода ослышки весьма нерѣдки въ нашихъ повседневныхъ разговорахъ, но обыкновенно неточно или неясно послышавшееся слово исправляется слушающимъ примѣнительно къ полученному слуховому впечатлѣнію и общему смыслу рѣчи. Но если будетъ воспринято съ ослышкой незнакомое слово, то оно можетъ утвердиться и распространиться, особенно въ народномъ говорѣ, уже въ этомъ измѣненномъ видѣ. Здѣсь для насъ становится понятнымъ нерѣдкое явленіе двоякаго произношенія заимствованныхъ словъ—болѣе точнаго (въ литературной рѣчи) и болѣе или менѣе измѣненнаго (въ народныхъ говорахъ).

Установивъ различіе между физіологическими и акустическими измѣненіями звуковъ, мы остановимся теперь съ большею подробностью на первыхъ, т. е. физіологическихъ, какъ болѣе существенныхъ въ исторіи языка.

Физіологическія измѣненія звуковъ мы охарактеризовали *всеобщностью*. Правда, можно подъискать по отношенію къ этимъ измѣненіямъ *исключенія*, но исключенія эти только *кажущіяся*. Напр., если обратимъ вниманіе на такія слова, какъ „гъдâвбj“ (т. е. годовой), то замѣтимъ, что въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному, *о* измѣнилось въ å (или въ *а*), а между тѣмъ во второмъ слогѣ передъ удареніемъ на мѣстѣ основнаго *о* произносится ъ (т. е. слабое, краткое *ы*) [2]); такое

---

[1]) Примѣромъ послѣдняго можетъ служить простонародное произношеніе «пебель», гдѣ на замѣну начальнаго слога *ме* посредствомъ *не* могло вліять подведеніе этого иностраннаго слова подъ типъ природныхъ съ отрицательнымъ префиксомъ *не-*. Нерѣдки случаи акустическихъ субституцій звуковъ при участіи народной этимологіи въ иностранныхъ фамиліяхъ, напр. народное произношеніе Башкевичъ вм. Паскевичъ (въ пѣснѣ).

[2]) Изъ приведеннаго примѣра видимъ, что буква ъ въ научно-фонетическомъ письмѣ имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ въ общеупотребительной орѳографіи. Также и начертаніе ъ имѣетъ въ научной транскрипціи другое значеніе, чѣмъ въ орѳографіи, обозначая неударенный слабый гласный, близкій къ *і*.

же произношеніе мы наблюдаемъ и въ другихъ однородныхъ случаяхъ въ томъ же неударяемомъ положеніи, напр. дъмâвój (домовой), тъпâрá (топора) и т. п. Эта особенность произношенія обусловливается тѣмъ, что во второмъ слогѣ передъ удареніемъ гласный *о* въ своемъ измѣненіи уже прошелъ стадію *а* и теперь представляетъ дальнѣйшую стадію развитія. И такъ, здѣсь нѣтъ исключенія, но только процессъ измѣненія гласныхъ совершается *неравномѣрно* въ разныхъ неударяемыхъ положеніяхъ. Соотвѣтственно этому мы должны ограничить и обобщеніе объ измѣненіи неударяемаго *о*, сказавъ, что основное русское *о* въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному, въ умѣренно-акающихъ говорахъ, развилось въ å, въ слогѣ же второмъ передъ удареніемъ — въ ъ (ы). Конечно, могутъ представиться новые, повидимому противорѣчащіе факты, которые поведутъ къ новому пересмотру вопроса и къ новому ограниченію обобщенія. О случаяхъ, подобныхъ только что разсмотрѣнному, иногда выражаются, что тутъ дѣйствительныя исключенія изъ звуковыхъ законовъ, но что они объясняются *скрещеніемъ двухъ или болѣе законовъ*. Однакожъ на такіе случаи правильнѣе взглянуть не какъ на исключенія изъ закона, а какъ на указаніе, что законъ звуковаго измѣненія получилъ *у ученаго* слишкомъ общую формулировку, что требуется болѣе ограниченная, болѣе точная формула.

Теперь намъ слѣдуетъ перейти къ вопросу, какъ примирить противорѣчіе между закономъ постоянства произношенія индивидуума и закономъ звуковой измѣнчивости языка? Постараемся выяснить, что противорѣчіе это только кажущееся и легко устраняется, если уяснить себѣ значеніе смѣны генерацій въ развитіи языка. Слѣдуетъ думать, что измѣненія звуковъ, какъ физіологическія, такъ и акустическія, совершаются у индивидуумовъ новой генераціи преимущественно въ то время, когда усваиваемое произношеніе еще не успѣло обратиться въ прочную привычку. Когда подрастающіе индивидуумы

усваиваютъ родную рѣчь отъ окружающихъ, то при этомъ чувство слуха указываетъ имъ ту норму произношенія, къ которой они должны стремиться и которой постепенно достигаютъ, благодаря *упражненію*. Вполнѣ естественно, что при этомъ индивидуумы будутъ иногда переходить эту норму и тогда въ звукѣ появится новый слабый нюансъ. Замѣтивъ его и облюбовавъ, они могутъ стараться, чтобы этотъ слабый нюансъ рельефнѣе выступалъ въ произношеніи (у дѣтей можно наблюдать такія преувеличенія, когда имъ удается овладѣть какимъ-нибудь труднымъ звукомъ родной рѣчи, напр. *р*), и такимъ образомъ зародившееся звуковое явленіе путемъ подражанія можетъ распространиться и утвердиться въ этомъ поколѣніи. Точно такъ же въ сферѣ акустической нѣкоторые звуки могутъ недослышиваться въ устахъ старшей генераціи лишь при нѣкоторыхъ условіяхъ (напр. при скоромъ темпѣ рѣчи и въ наиболѣе слабыхъ положеніяхъ въ фразѣ), а слѣдующая генерація можетъ обобщить эти случайныя недослышиванія и уже при всякихъ условіяхъ не произносить этихъ звуковъ въ данныхъ словахъ.

3) *Чередованія звуковъ*. Чередованія звуковъ происходятъ тогда, когда одна и та же морфологическая часть слова (напр. корень, суффиксъ и пр.), находясь въ разныхъ фонетическихъ условіяхъ (напр. въ разныхъ положеніяхъ относительно ударенія), получаетъ звуковыя варіаціи; эти послѣднія, подчиненныя опредѣленнымъ законамъ, и называются звуковымъ чередованіемъ; срв.

го́дъ̆ || га̊да́ || гъда̊во́j.

Приведенныя слова родственны между собою по корневой части *-год-*, которая, находясь въ разныхъ положеніяхъ по отношенію къ ударенію, видоизмѣнилась неодинаково, благодаря чему мы теперь произносимъ въ ней въ приведенныхъ

родственныхъ словахъ между звуками *г* и *д* разные гласные: *о́*, å, ъ, смѣна которыхъ и представляетъ собою одно изъ чередованій. Разные гласные и согласные въ морфологическихъ категоріяхъ языка представляютъ свои опредѣленныя чередованія, подчиняющіяся извѣстнымъ законамъ, которые разсмотримъ при изложеніи фонетики.

Но не всегда звуковыя чередованія такъ постоянны, иногда слова, первоначально относившіяся къ одному чередованію, переходятъ въ другое, благодаря дѣйствію фактора *аналогіи*, напр. вм. „ходятъ“ произносится „ходютъ“ по аналогіи къ первому спряженію. Посмотримъ, при какихъ условіяхъ возможно вліяніе аналогіи и при какихъ оно не возможно. Такъ какъ условія эти могутъ быть или звуковаго или же морфологическо-семазіологическаго характера, то и разсмотримъ эти два случая отдѣльно.

а) Возьмемъ уже извѣстное намъ чередованіе

го́ду || га̊да́,

которое свойственно умѣренно-акающему говору. Въ этомъ чередованіи каждый изъ чередующихся звуковъ (*о́*, å) связанъ съ своимъ опредѣленнымъ положеніемъ относительно ударенія и не возможенъ въ другомъ положеніи; такъ, гласный *о́* не существуетъ въ неударенномъ положеніи, а потому не можетъ быть подставленъ по аналогіи на мѣсто гласнаго å и обратно. Здѣсь мы имѣемъ такимъ образомъ случай физіологической невозможности подстановки по аналогіи одного звука на мѣсто другаго. Но если мы теперь обратимся къ говору съ полнымъ аканьемъ, гдѣ на мѣстѣ å развилось уже чистое неударяемое *а*, то будемъ имѣть чередованіе а || о́ (напр. *хажу́* || *хо́дўт*); но такъ какъ тотъ же неударяемый гласный (а) встрѣчается и въ чередованіи съ ударяемымъ *а* (*плачу́* || *пла́т'ўт*), то вслѣдствіе такого частнаго совпаденія одного чередованія съ другимъ (т. е. *хажу́* и *плачу́*) въ этомъ говорѣ ста-

новятся возможными переходы словъ по аналогіи изъ одного чередованія въ другое, и мы дѣйствительно встрѣчаемъ тамъ замѣну образованія „плáт'ўт“ посредствомъ плó т'ў т (по аналогіи къ типу „хóд'ўт“). Этотъ переходъ по аналогіи мы можемъ выразить слѣдующею пропорціею:

хáжў : хóд'ўт=плáчў : *x*

x=плóт'ўт.

б) Что касается морфологическаго момента въ дѣйствіи аналогіи, то здѣсь прежде всего нужно отмѣтить различіе въ одномъ и томъ же звуковомъ чередованіи въ зависимости отъ того, принадлежитъ ли оно къ *флексіи* или же къ *словопроизводству*: въ первомъ случаѣ аналогія нерѣдко является съ большею легкостью, нежели во второмъ. Эта разница очень ясно видна на случаѣ чередованія задне-язычныхъ согласныхъ съ шипящими, т. е. к || ч, г || ж, х || ш. Во флексіи настоящаго времени глагола мы уже наблюдаемъ дѣйствіе аналогіи въ этихъ чередованіяхъ, напр. въ народныхъ говорахъ встрѣчаемъ формы пе*к*ёш, *л*ѣёт и т. п. вмѣсто пе*ч*ешь, *ль*жетъ и т. п. по аналогіи къ крайнимъ лицамъ (т. е. 1 ед. и 3 мн.) того же времени (пе*к*у, *л*гутъ и т. п.). Но при словопроизводствѣ отъ существительныхъ, оканчивающихся задне-язычнымъ согласнымъ, глаголовъ на *-ить*, разсматриваемое чередованіе остается пока не затронутымъ дѣйствіемъ аналогіи, срв. проро*к*ъ || проро*ч*ить, бо*г*ъ || бо*ж*иться и т. п. Но, конечно, и чередованія при словопроизводствѣ не гарантированы вполнѣ противъ дѣйствія аналогіи. При этомъ съ большею легкостью послѣднее вторгается въ тѣ чередованія при словопроизводствѣ, гдѣ часть рѣчи не мѣняется, напр. срв. случай производства прилагательнаго отъ прилагательнаго: су*х*ой || су*х*енькій (*х* вм. ожидаемаго *ш*); приведу еще индивидуально замѣченный случай при производствѣ существительнаго отъ существительнаго: у*х*а || у*х*ица (вм. обычнаго у*ш*ица). Но, конечно, и въ случаѣ сохраненія части рѣчи при

словопроизводствѣ звуковое чередованіе можетъ быть очень устойчиво, когда съ нимъ тѣсно соединяется различіе оттѣнка значенія; напр. такое устойчивое чередованіе въ области гласныхъ встрѣчаемъ при производствѣ отъ одного глагола другаго съ измѣненнымъ глагольнымъ видомъ, какъ напр. н*о*си́ть || н*а́*шивать; это чередованіе даже подчинило себѣ другіе случаи, какъ раб*о́*тать || разраб*а́*тывать, хотя рядомъ встрѣчается и первичная форма разраб*о́*тывать.

Разсмотрѣвъ вопросъ о чередованіяхъ звуковъ внѣшнимъ образомъ, мы должны прибавить, что съ точки зрѣнія психологической грамматическія чередованія звуковъ представляютъ собою особый родъ ассоціаціи идей, именно *ассоціаціи отношеній* между звуками, которая съ дѣтства устанавливается въ умѣ говорящихъ и опирается на силу привычки.

4) *Измѣненія чередованій звуковъ.* Мы уже указывали, что въ рядѣ родственныхъ словъ

го́дъ || га̊да́ || гъда̊во́j

между корневыми звуками *г* и *д* чередуются гласные: о́ || а̊ || ъ. Восходя къ болѣе древнему времени, мы должны предположить, что различіе гласнаго было все меньше и меньше, такъ что въ началѣ развитія гласный былъ болѣе или менѣе однородный. Такимъ образомъ законъ измѣненія чередованій состоитъ въ томъ, что *звуковое чередованіе измѣняется во времени въ зависимости отъ измѣненія тѣхъ звуковъ, которые входятъ въ составъ даннаго чередованія.* Такъ какъ звуковыя измѣненія могутъ представлять особенности по говорамъ, то это будетъ соотвѣтственно отражаться и на составѣ чередованій. О перемѣнахъ въ чередованіяхъ подъ вліяніемъ *аналогіи* мы уже говорили выше.

Примѣчаніе. Звуковыя измѣненія, ведя къ развѣтвленію (дивергенціи) одного первоначально звука на два и болѣе звуковъ (напр. *о* на о, а̊ и ъ или *k* на *к* и *ч* и т. п.), порождаютъ этимъ грамматическія чередо-

ванія; но звуковыя измѣненія могутъ вести также къ совпаденію (конвергенціи) двухъ и болѣе звуковъ разнаго происхожденія въ одномъ звукѣ (напр. *а* въ говорахъ вполнѣ акающихъ можетъ происходить не только изъ *о*, но и изъ *а*\, а благодаря этому—различныя чередованія звуковъ могутъ приходить въ частное совпаденіе. Такое совпаденіе чередованій открываетъ, какъ мы видѣли, возможность проявленію дѣйствія *аналогіи* въ области чередованій. Обыкновенно бываетъ, что звукъ, развѣтвляясь на нѣсколько, вмѣстѣ съ тѣмъ приходитъ въ совпаденіе съ звуками инаго происхожденія; далѣе, общій звукъ, въ которомъ совпали разные звуки, можетъ въ свою очередь подвергнуться дивергенціи и т. д. Отсюда, задача исторіи языка по отношенію къ фонетикѣ—доискаться до опредѣленія *послѣдовательности* въ возникновеніи фонетическихъ явленій, послѣдовательности въ ходѣ звуковыхъ дивергенцій и конвергенцій въ связи съ развитіемъ чередованій.

Заканчивая вопросъ о звуковыхъ измѣненіяхъ и чередованіяхъ и ихъ законахъ, мы скомбинируемъ теперь *факторы* фонетическаго развитія языка, которые мы частію уже указали въ предъидущемъ, частію же укажемъ при самомъ изложеніи фонетики:

I) факторы *физіологическіе*: а) удареніе слова; б) положеніе относительно ударенаго слога; в) положеніе въ словѣ; г) вліяніе тѣхъ или другихъ свойствъ сосѣдняго звука, или же звука сосѣдняго слога; д) вліяніе группъ согласныхъ звуковъ; е) открытость и закрытость слога; ж) природа самихъ измѣняющихся звуковъ; з) упражненіе; и) логическое удареніе и вообще связность рѣчи;

II) факторъ *акустическій*: і) слуховыя замѣны одного звука сходнымъ другимъ; к) недослышиваніе слабыхъ звуковъ;

III) факторы *психологическіе* по преимуществу: л) морфологическая связь словъ и опро́щеніе ихъ; м) аналогія; н) дифференціація; о) народная этимологія;

IV) факторы *культурно-историческіе*: п) книжное вліяніе; р) вліяніе церковно-славянское; с) вліяніе одного говора на другой; т) вліяніе другихъ языковъ;

V) факторъ *діалектологическій*.

Укажемъ еще тѣ сокращенія и знаки, которыми будемъ пользоваться при изложеніи фонетики и вообще грамматики:

К. т. е. корень (отмѣчается также знакомъ *V*).
Сф. „ суффиксъ.
Ок. „ окончаніе.
Ос. „ основа.
V „ vocalis (гласный звукъ).
C „ consonans (согласный звукъ).
L „ liquida (плавный согласный).
N „ nasalis (носовой согласный).
ае. „ аріо-европейскій (праязыкъ).
* „ значекъ, который ставится передъ звукомъ или формою, предположенными для праязыка; напр., æ. *ĕ надо читать: аріо-европейское *е* краткое.
| „ знакъ, служащій для дѣленія слова на слоги.
- „ знакъ, служащій для дѣленія слова на морфологическія части.
‖ „ знакъ чередованія въ сферѣ одной и той же морфологической части въ томъ или другомъ языкѣ; иногда примѣняется и просто при сопоставленіяхъ.
≒ „ знакъ соотвѣтствія между словами родственныхъ языковъ.
→ „ знакъ звуковаго измѣненія; направленіе стрѣлки указываетъ, что̀ во что̀ измѣняется; поэтому дн→нн можно изобразить и иначе: нн←дн.
⟶ „ знакъ заимствованія; напр. *нѣм.* Stich ⟶ *рус.* штыкъ (т. е. заимствованіе тутъ изъ нѣмецкаго языка въ русскій).
↑ „ знакъ аналогіи; напр. произношеніе „вид*ютъ*“ ↑ „кол*ютъ*“, т. е. окончаніе -ютъ утвердилось въ формѣ „видятъ“ по аналогіи къ такимъ формамъ, какъ „колютъ“ и т. п.

 „ нуль звука.

 „ знакъ для того мѣста въ словѣ, гдѣ произошло исчезновеніе звука, напр. мру (срв. ст.-сл. мьрѫ).

< „ знакъ для производства; напр. возъ < возить, т. е. отъ существ. „возъ“ образуется глаголъ „возить“.

Глава IV.

Вокализмъ: неударяемые гласные; измѣненіе орѳографическаго *е* въ *ё*; бѣглые гласные; полногласіе; подъемъ; разъясненія сравнительно-грамматическія.

Какъ мы знаемъ, звуки рѣчи подраздѣляются на гласные и согласные: гласные съ точки зрѣнія физіологической характеризуются раскрытіемъ рта, а съ точки зрѣнія слуховой наибольшею сонорностью, согласные же характеризуются съ точки зрѣнія физіологической смыканіемъ рта, а съ точки зрѣнія слуховой меньшею сонорностью съ преобладаніемъ того или другаго характернаго шума. Соотвѣтственно указанному дѣленію звуковъ, фонетика распадается на отдѣлъ явленій въ области гласныхъ (вокализмъ) и отдѣлъ явленій въ области согласныхъ (консонантизмъ). Въ области вокализма особую группу явленій представляютъ видоизмѣненія *неударяемыхъ гласныхъ*, а такъ какъ они по времени своего возникновенія принадлежатъ къ сравнительно позднѣйшему слою звуковыхъ явленій и, слѣдовательно, представляютъ наименьшую сложность,—то съ нихъ и начнемъ изложеніе русскаго вокализма, послѣдовательно переходя къ явленіямъ болѣе ранняго происхожденія, представляющимъ уже бо́льшую запутанность.

I. *Неударяемые гласные.* Неударяемые гласные въ общепринятомъ правописаніи обозначаются тѣми самыми же начертаніями, какъ соотвѣтствущіе имъ ударенные, и такое ихъ обозначеніе объясняется тѣмъ, что правописаніе наше восходитъ ко временамъ, когда еще не произошло замѣтныхъ видоизмѣненій въ неударяемомъ вокализмѣ. Этимъ свойствомъ правописанія мы и воспользуемся при изученіи неударяемаго вокализма, а именно—мы будемъ разсматривать оттѣнки неударяемыхъ гласныхъ, беря за основаніе орѳографическое обозначеніе. Такимъ образомъ, мы послѣдовательно разсмотримъ видоизмѣненія неударяемыхъ гласныхъ, обозначаемыхъ въ современномъ правописаніи начертаніями *А* (*Я*), *О*, *Е*, *Ѣ;* что касается неударяемыхъ гласныхъ, обозначаемыхъ посредствомъ *Ы*, *И*, *У*, то эти гласные, произносясь только при узкомъ раскрытіи рта, не представляютъ того разнообразія оттѣнковъ, какое имѣется при первыхъ вслѣдствіе ихъ способности къ измѣненію ширины раствора рта. Въ своихъ видоизмѣненіяхъ неударяемые гласные слѣдуютъ извѣстнымъ законамъ, состоящимъ въ томъ, что та или другая разновидность неударяемаго гласнаго свойственна лишь опредѣленнымъ положеніямъ въ словѣ. Слѣдя за такими видоизмѣненіями неударяемыхъ гласныхъ, можно установить въ словахъ живой литературной русской рѣчи слѣдующія четыре главныхъ положенія, изъ которыхъ два имѣютъ мѣсто передъ удареніемъ, а другія два послѣ ударенія: 1) положеніе гласнаго въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному (CV | ′) [1]), 2) положеніе во второмъ слогѣ передъ удареніемъ (CV | - | ′), 3) положеніе послѣ ударенія внутри слова (′ | CVC) и 4) положеніе неударенаго гласнаго въ концѣ слова (′ | CV). Изучая въ словахъ

---

[1]) Въ приводимыхъ здѣсь формулахъ C=Consonans (т. е. согласный звукъ), V=Vocalis (т. е. гласный звукъ), вертикальная черта обозначаетъ дѣленіе на слоги, черточка (-) обозначаетъ слогъ, остающійся внѣ разсмотрѣнія, а знакъ ′ служитъ для обозначенія ударенаго слога въ словѣ.

неударяемые гласные въ указанныхъ положеніяхъ, приходимъ къ заключенію, что только въ слогѣ первомъ предъ удареніемъ гласный произносится довольно сильно, въ прочихъ же неударяемыхъ положеніяхъ—слабо. [1])

А (*Я*).

Въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенію, гласный *а* сохраняется, отражаясь какъ довольно сильное и не очень краткое *а*, напр. *сады́*, *кажу́*, *чудака́*, *забо́р* и т. п. Послѣ шипящихъ и мягкихъ согласныхъ въ произношеніи многихъ въ разсматриваемомъ положеніи вмѣсто *а* слышится звукъ близкій къ *э*, напр. п'ætо́к (пятокъ), чæсы́ (часы), шæл'іт' (шалить) и т. п. При этомъ замѣтимъ, что шипящіе *ш* и *ж*, теперь твердые, нѣкогда произносились мягко, чѣмъ и объясняется то, что послѣ нихъ неударяемый гласный представляетъ такое же измѣненіе, какъ послѣ мягкихъ согласныхъ (впрочемъ, экскурсія гласнаго послѣ твердыхъ шипящихъ неодинакова съ экскурсіей того же гласнаго послѣ мягкихъ согласныхъ, такъ какъ съ отвердѣніемъ шипящихъ *ш* и *ж* экскурсія слѣдующаго гласнаго изъ мягкой перешла въ твердую).

Во второмъ слогѣ передъ удареніемъ послѣ твердыхъ согласныхъ произносится гласный *ъ* (близкій къ слабому крат-

---

[1]) Изслѣдуя оттѣнки неударяемыхъ гласныхъ въ живой литературной рѣчи, нужно считаться съ возможностью *книжнаго вліянія на произношеніе*, происходящаго отъ привычки, выносимой изъ школы, произносить слова согласно съ правописаніемъ и не согласно съ естественнымъ выговоромъ. Въ школахъ, чтобы облегчить учащемуся изученіе правописанія, нерѣдко произносятъ слова такъ, какъ они написаны, вслѣдствіе чего у учащихся можетъ образовываться искусственное произношеніе. Это искуственное произношеніе можетъ существовать у индивидуума рядомъ съ обычнымъ; такъ, разговаривая обычнымъ (естественнымъ) произношеніемъ, онъ иногда будетъ выговаривать вопреки обычному произношенію, согласно съ орѳографическимъ обозначеніемъ. Книжное вліяніе на произношеніе представляетъ разнообразіе, у однихъ лицъ сказываясь сильнѣе, а у другихъ—слабѣе.

кому ы), напр. зъд'æржáт' (задержать), а послѣ мягкихъ согласныхъ—*э* (гласный, близкій къ слабому краткому і), напр. р'ъдâвój (рядовой). [1]) Послѣ твердыхъ шипящихъ (*ш* и *ж*) слышится *ъ*, напр. шърâвój (шаровой), а послѣ мягкаго шипящаго (*ч*) слышится *ь*, напр. чьстâкóл (частоколъ).

Послѣ ударенія внутри слова гласный отражается такъ же, какъ во второмъ слогѣ передъ удареніемъ, т. е. въ видѣ *ъ* послѣ твердыхъ согласныхъ, напр. мâл'ítвъм'і (молитвами), лы́жъм (лыжамъ), и въ видѣ *ь* послѣ согласныхъ мягкихъ, напр. пр'ín'ьл (принялъ), ту́чьм (тучамъ). Во второмъ спряженіи въ 3 л. мн. ч. настоящаго времени, въ случаѣ неударяемости окончаній, вм. *-атъ* и *-ятъ* обыкновенно слышится *-утъ* и *-ютъ* (напр. въ формахъ слышатъ, пустятъ), но это—не фонетическое измѣненіе, а подстановка другаго окончанія по аналогіи къ первому спряженію.

Послѣ ударенія въ концѣ слова разсматриваемый гласный сохраняется, отражаясь въ видѣ довольно слабаго *а*, какъ послѣ твердыхъ согласныхъ, такъ и послѣ мягкихъ: ры́ба, сло́ва (Род. ед.), учёнья (Род. ед.), зна́я, ви́дя. Въ И. В. мн. именъ средняго рода, въ случаѣ неударяемости окончанія, въ живой рѣчи обыкновенно слышится на концѣ *-ы* или *-и* вм. *-а* или *-я*, напр. въ формахъ—пи́сьма, ру́жья; но это по аналогіи къ соотвѣтствующимъ падежнымъ формамъ другихъ родовъ.

---

[1]) Сродство твердыхъ согласныхъ съ гласнымъ *ы* и мягкихъ съ *і* подтверждается наблюденіями при первоначальномъ обученіи чтенію по звуковому способу: повторяя произнесенный учителемъ твердый согласный звукъ въ отдѣльности, ученики нерѣдко выговариваютъ его въ сопровожденіи гласнаго *ы*, напр. *пы* вм. *п* и т. д., подобно тому какъ при мягкомъ согласномъ является у нихъ нерѣдко призвукъ *і*. Такимъ образомъ, указываемое измѣненіе въ *ъ* и *ь* является результатомъ аккоммодаціи неударяемаго гласнаго къ предшествующему согласному, т. е. произошло въ направленіи удобства произношенія.

О.

Отраженія или рефлексы гласнаго *о* въ слогахъ неударяемыхъ (какъ передъ ударéніемъ, такъ и послѣ ударенія) совпадаютъ съ рефлексами гласнаго *а* въ положеніи послѣ твердыхъ согласныхъ въ соотвѣтствующихъ слогахъ (впрочемъ съ нѣкоторою особенностью для слога непосредственно предшествующаго ударенному).

Въ слогѣ первомъ *передъ ударéніемъ* орѳографическому *о* соотвѣтствуетъ въ общерусскомъ произношеніи *а* (если говоръ вполнѣ акающій) и å (если говоръ умѣренно-акающій), напр. сåл'íт' (солить), вåз'íт' (возить), сåвáт' (совать) и т. п.

Во второмъ слогѣ передъ ударéніемъ слышится ъ: гълåвá (голова), търгåвáт' (торговать) и т. п., также и *послѣ ударенія* внутри слова: спóръф (споровъ), хóлъдă (холода), дóбръвă (добраго) [1])... Въ этихъ неударяемыхъ положеніяхъ смѣшивается произношеніе не только орѳографическихъ *О* и *А* (напр. въ словахъ „кáпать“ и „лáпоть“ одинаково въ неударяемомъ слогѣ слышится ъ), но еще и *Ы* (срв. выбыть).

Въ неударяемомъ концѣ слова слышится ă: мáлă (мало), д'æлă (дѣло), слóвă (слово)... Мы видимъ, что окончаніе И. ед. въ существительныхъ средняго рода въ случаѣ неударенности совпадаетъ въ произношеніи съ окончаніемъ женскаго рода, срв. слáвă (слáва).

Е.

Въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному, орѳографическое *е* произносится какъ открытое или ши-

[1]) Въ этомъ примѣрѣ имѣемъ случай, гдѣ орѳографія не указываетъ на основной звукъ, такъ какъ тутъ имѣется церковно-славянское написаніе окончанія (-аго); въ русскомъ же языкѣ—нѣсколько другое окончаніе, какъ можно видѣть изъ случаевъ, когда оно сопровождается ударéніемъ, какъ напр. с'л'æпóвă (слѣпаго), откуда заключаемъ, что въ основаніи разсматриваемаго неударяемаго гласнаго лежитъ гласный *о*.

рокое *е* (æ) передъ твердыми согласными и какъ закрытое или узкое *е* (є) передъ мягкими, напр. чæвó (чего), н'æсý (несу) || н'єд'éл'ă (недѣля), п'єчáл' (печаль). Не трудно замѣтить, что въ данномъ неударяемомъ положеніи произношеніе орѳографическаго *е* совпадаетъ съ произношеніемъ орѳографическаго *А* (*Я*), когда послѣднее выговаривается какъ *е* послѣ шипящихъ и мягкихъ согласныхъ въ томъ же неударяемомъ положеніи (срв. чæсы́, п'єт'і́).

Во второмъ слогѣ передъ удареніемъ, а также послѣ ударенія внутри слова, обычнымъ отраженіемъ орѳографическаго *Е* служитъ слабый гласный, близкій къ *і* и обозначаемый нами черезъ ъ, напр. н'ьс'æнá (несена), вы́н'ьсý (вынесу); послѣ же твердыхъ шипящихъ (*ж*, *ш*) видимъ ъ, напр. жъс'т'анój (жестяной). Такимъ образомъ, въ данныхъ положеніяхъ произношеніе орѳографич. *Е* совпадаетъ съ произношеніемъ *А* (*Я*) въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ и шипящихъ (срв. п'ътачóк, чъстåкóл, шэра̊вój). Кромѣ того сходнымъ образомъ звучитъ въ тѣхъ же неударяемыхъ положеніяхъ и гласный *И*, такъ что напр. слова̊ „будетъ“ и „будитъ“ слышатся одинаково въ видѣ—бу́д'ът.

Въ концѣ слова *е* сохраняется въ видѣ открытаго *е*, произносимаго кратко и слабо, напр. пóл'æ̆ (*поле*) и т. п. Если же въ произношеніи многихъ можно слышать пóл'ă и т. п., то остается неяснымъ, имѣется ли въ послѣднемъ случаѣ чисто фонетическое измѣненіе, или же вліяніе аналогіи со стороны соотвѣтствующаго твердаго склоненія, напр. д'ǽлă (дѣло).

Ѣ.

Орѳографическое *Ѣ* отражается въ неударяемыхъ положеніяхъ одинаково съ орѳ. *Е*, напр. цæна́ (цѣна), цен'íт' (цѣнить); д'ъла̊вój (дѣловой), цъла̊ва́т' (цѣловать); вы́б'ъл'ът' (выбѣлить), вы́цъд'іт' (выцѣдить); ры́б'æ̆ (рыбѣ). Нужно за-

мѣтить только о положеніи въ концѣ слова, что тутъ подстановки по аналогіи въ области окончанія *Ѣ* могутъ быть иныя, чѣмъ у *Е*.

Результаты нашего разсмотрѣнія неударяемаго вокализма можно резюмировать въ слѣдующей таблицѣ:

Ударяемые гласные и ихъ орѳографическое обозначеніе.	Неударяемыя положенія гласныхъ и примѣры.			
	CV | '	CV | - | '	' | CV	' | CVC
á *А (Я)*	а (ə) садꙑ (*сады*) р'аббj и р'æббj (*рябой*) шал'іт' и шєл'іт' (*шалить*)	ъ, ь стърікꙋ (*старику*) п'ьтачок (*пятачекъ*)	ъ, ь плáкът' (*плакать*) с'ёjьт' (*сѣять*)	ă лáпă (*лапа*) вóл'ă (*воля*)
ó *(О)*	å (а) вåдá (*вода*)	ъ бърåнá (*борона*)	ъ р'áдъм (*рядомъ*)	ă с'л'ắпă (*слѣпо*)
'ó или é *(Е)*	æ, є м'ætꙋ (*мету*) м'єт'ôш (*метешь*) шест'і (*шести*)	ь, ъ м'ьт'æпá (*метена*) жъс'т'анój (*жестяной*)	ь, ъ пóл'ъм (*полемъ*) лóжъм (*ложемъ*).	ӕ (ă) пóл'ӕ (*поле*) лóжӕ (*ложе*)
ǽ или é *(Ѣ)*	æ, є с'ækꙋ (*сѣку*) с'єк'і (*сѣки*)	ь, ъ б'ьгунá (*бѣгуна*) цьлåвáт' (*цѣловать*)	ь, ъ в'ід'ьл (*видѣлъ*) выцъд'ьт' (*выцѣдить*)	ǽ лáп'ǽ (*лапѣ*) пт'іцǽ (*птицѣ*)

Разсматривая всѣ гласные, какіе встрѣчаются въ каждомъ положеніи относительно ударенія (т. е. читая предложенную таблицу сверху внизъ), мы легко замѣтимъ, что самое большое разнообразіе гласныхъ наблюдается въ слогѣ ударенномъ, гдѣ могутъ встрѣчаться всѣ основные гласные, т. е. *а, о, æ, є, у, ы, і*; нѣсколько меньшее разнообразіе представляетъ слогъ, непосредственно предшествующій ударенному, гдѣ встрѣчаются всѣ гласные за исключеніемъ *о*, вмѣсто котораго произносится å или *а*; затѣмъ слѣдуетъ положеніе неударяемыхъ гласныхъ въ концѣ слова, гдѣ также встрѣчаются всѣ гласные кромѣ *о*, но за то они въ этомъ положеніи выговариваются слабо и при индифферентномъ растворѣ рта, такъ что различія ихъ выступаютъ съ малою рельефностью; самое же малое разнообразіе гласныхъ видимъ въ слогѣ второмъ передъ удареніемъ и послѣ ударенія внутри слова, это—слоги индифферентныхъ гласныхъ *ъ* и *ь*, въ которыхъ смѣшиваются (конвергируютъ) весьма разнообразные основные гласные. [1])

Если мы будемъ теперь слѣдить за отраженіями каждаго ореографическаго гласнаго въ разныхъ неударяемыхъ положеніяхъ (т. е. читать приведенную таблицу слѣва на-право), то можемъ легко подобрать примѣры на „чередованія“ ударяемыхъ гласныхъ съ гласными неударяемыми (въ родственныхъ словахъ), напр.:

---

[1]) Кстати замѣтимъ, что смѣшеніе неударяемыхъ ореографическихъ гласныхъ въ послѣударяемыхъ положеніяхъ имѣетъ значеніе и примѣненіе въ стихотворныхъ риемахъ.

Знакомство съ особенностями неударяемаго вокализма важно для школьнаго учителя, чтобы онъ могъ сознательнѣе относиться къ ученическимъ ошибкамъ при письмѣ. Естественно, что тамъ, гдѣ произношеніе согласно съ общеупотребительнымъ правописаніемъ, и учащійся напишетъ правильно; отступленія будутъ тамъ, гдѣ произношеніе и правописаніе расходятся, ср. напр. малограмотныя ученическія написанія «*заищъ*», «на-масл*ы*ницѣ», «клан*ы*ца», «суставчитыхъ», «послушыла».

А (*Я*): са́т (садъ) || *сады́* || *съдо̊во́j* || *вы́съд'іт'*;
р'а́т (рядъ) || р'*ады́* или р'*æды́* || р'*ъдо̊во́j* || *по́д-р'ът* (*по́дъ-рядъ*);

О: го́т (годъ) || *го̊да́* || *гъдо̊во́j* || *по́лгъда*;

Е: н'о́с (несъ) и н'е́с'т' (несть вм. нести) || н'*æсу́* и н'*ес'і́* || н'*ъс'æна́* || *вы́н'ъсу*;

Ѣ: б'*ǽлъj* (бѣлый) и б'е́л' (бѣль) || б'*ælо́* и б'*ел'і́т'* || б'*ъл'ізна́* || *вы́б'ъл'ът*;

Теперь мы разъяснимъ соотношеніе между неударяемыми положеніями и отдѣльными морфологическими частями. Такъ какъ въ словахъ морфологическія части слѣдуютъ одна за другою въ опредѣленномъ порядкѣ (Преф. + Корень + Суф. + Оконч.), то каждая изъ нихъ имѣетъ свою область или районъ неударяемыхъ положеній (объ ударяемомъ положеніи мы не будемъ особо говорить, лишь отмѣтимъ, что каждая морфологическая часть можетъ быть въ этомъ положеніи).

а) *Корень* въ словахъ способенъ имѣть наибольшее разнообразіе неударяемыхъ положеній, какъ это можно видѣть изъ только что приведенныхъ примѣровъ чередованій, которые всѣ относятся къ корню; только одно неударяемое положеніе не свойственно корню, а именно—гласный корня не можетъ оканчивать собою слово, такъ какъ всякое слово замыкается окончаніемъ.

б) *Суффиксъ*, слѣдуя за корнемъ и предшествуя окончанію, можетъ находиться въ тѣхъ же неударяемыхъ положеніяхъ, какъ и корень, кромѣ одного положенія, а именно—онъ не встрѣчается во второмъ слогѣ передъ ударяемъ. Примѣры: зва̊н*а́р*' (звонарь) || звъна*р*'а́ (суффиксъ въ первомъ слогѣ передъ ударяемъ), па́хър', п'а́хър'ă (гласный суффикса находится послѣ ударенія внутри слова).

в) Что касается крайнихъ морфемъ въ словѣ (т. е. префикса и окончанія), то неударяемый *префиксъ*, начиная слово, можетъ занимать только положеніе передъ ударяемъ,

напр. преф. *за*: *зада́м* (префиксъ въ первомъ слогѣ передъ удареніемъ) || *зъдана́* (префиксъ во второмъ слогѣ передъ удареніемъ); отступленіе составляетъ тотъ рѣдкій случай, когда слово начинается двумя префиксами и ударе́ніе приходится на первомъ изъ нихъ, вслѣдствіе чего второй префиксъ будетъ находиться уже за удареніемъ внутри слова, напр. вы́пръвъд'ът' (выпроводить).

г) Въ противоположность префиксу, неударяемое окончаніе, какъ послѣдняя морфологическая часть слова, необходимо находится въ послѣударенномъ отдѣлѣ слова, напр. въ словахъ: палк*а*, палк*ами*.

Разъясненное соотношеніе между разными неударяемыми положеніями и отдѣльными морфологическими частями словъ можно резюмировать въ слѣдующей таблицѣ:

	Преф.	Кор.	Суф.	Оконч.
' | CV				па́лк*а*
' | CVC		по́л*года*	сто́л*икъ*	па́лк*амъ*
V́	*за́далъ*	*го́да*	голи́*къ*	рук*а́*
CV | '	*зада́мъ*	*года́*	голик*а́*	
CV | - | '	*задана́*	*годово́й*		

Чтобы показать отраженіе неударяемыхъ гласныхъ въ связной рѣчи, далѣе приводится небольшой текстъ (басня „Двѣ бочки“) въ научно-фонетической транскрипціи, при чемъ слова слитно произносимыя и написаны какъ одно слово:

д'в'æбóчк'ь

д'в'æ бóчк'і јæхъл'ь åднá с'в'інóм другájă пустájă вотп'æрвъјă с'єб'æ б'æшшýмў шашкóмпл'єт'óтцă другáјафскáч н'єс'óтцă åтн'ę́j пъмъстåвój јістўкåт'н'á јігрóм јіпы́л' стåлбóм прåхóжъјкстърåн'æ скåр'ę́j åтстрáху жм'óтца јєјбóзаслы́шъфшъ јіздъл'æкá но кáк та бóчка н'ігрåмкá апóл'за вн'ę́j н'æтáк какф'п'æрвъј в'ъл'ікá

II. *Измѣненіе орѳогр.* е *въ* ё. Переходя отъ неударяемыхъ гласныхъ къ ударяемымъ, мы прежде всего замѣтимъ, что послѣдніе въ общерусской рѣчи почти не измѣняются, всегда соотвѣтствуя своему орѳографическому обозначенію, за исключеніемъ ударяемыхъ гласныхъ, обозначаемыхъ въ правописаніи черезъ *Е*, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и перейдемъ. Эта буква въ орѳографіи въ положеніи передъ твердыми согласными, а также въ концѣ обозначаетъ гласный звукъ *о́*, которому всегда предшествуетъ мягкій согласный (за исключеніемъ отвердѣвшихъ согласныхъ *ш*, *ж* и *ц*), а въ положеніи передъ мягкими согласными произносится какъ узкое или закрытое *е*; напр.: пекъ=п'о́к, елка=јóлка, мытье=мыт'јó; [1]) п'ён'=пень, јёл'=ель. Гласный *о* въ такихъ случаяхъ, какъ п'о́к (пекъ), м'о́л (мелъ) не можетъ считатся первичнымъ и произошелъ изъ *е*, что̀ подтверждаютъ: 1) правописаніе, 2) родственныя слова, въ которыхъ произносится *е* (печь, мести) и 3) физіологическая осо-

[1]) Привычка къ орѳографическому обозначенію такаго о́ посредствомъ буквы *е* (или *ё*) можетъ помѣшать иному слышать въ такихъ случаяхъ гласный о́, вмѣсто котораго ему будетъ казаться какой-то особый гласный; а между тѣмъ при начальномъ обученіи грамотѣ, т. е. когда у учащихся еще не укрѣпилась привычка къ буквѣ, послѣдніе, если имъ произнести подобныя слова и спросить, какой гласный въ нихъ слышится, всегда называютъ *о*. Малограмотныя лица въ этихъ случаяхъ иногда и пишутъ *о*, ничѣмъ не отмѣчая мягкости предшествующаго согласнаго или же согласнаго j, напр.: пъотъ (т. е. «пѣтъ»), недаотъ (*о*=јо), объомъ (=объ ёмъ, т. е. «объ немъ»). Такого рода написанія попадаются изрѣдка и въ древне-русскихъ памятникахъ, напр. рубловъ и т. п.

бенность такого *о*, заключающаяся въ томъ, что ему предшествуетъ мягкій согласный, тогда какъ самъ по себѣ гласный *о* не можетъ смягчать предшествующаго согласнаго, ибо въ образованіе гласнаго *о* не привходитъ приближеніе *средней* части языка къ небу; это заставляетъ предположить, что *о* въ этомъ случаѣ не исконное, а развилось изъ палятальнаго, смягчающаго гласнаго, именно-*е*, начертаніе котораго и видимъ въ орѳографіи.

Такія чередованія, какъ jе́л' (ель) || jо́лкă (елка) и т. п., съ наглядностью показываютъ, что здѣсь измѣненіе 'е→'о произошло подъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго согласнаго въ соединеніи съ ударенностью.[1]) Но въ такомъ случаѣ остается не разъясненнымъ, какъ получилось конечное *о́* вмѣсто конечнаго *е́*, т. е. когда не было на лицо столь существеннаго для даннаго измѣненія фактора, какъ твердость слѣдующаго согласнаго. Какъ увидимъ, есть нѣкоторыя данныя, намекающія на участіе *аналогіи* въ возникновеніи этого явленія. Такъ, въ разговорномъ языкѣ мы встрѣчаемъ двоякое произношеніе частицы уже́ || ужо́ (послѣднее съ измѣненнымъ значеніемъ): можно думать, что въ первомъ случаѣ (уже́) частица удержала первоначальное произношеніе, а во второмъ случаѣ (ужо́) видоизмѣнилась по аналогіи къ нарѣчіямъ на -о́ (напр. срв. давно́); другое подтвержденіе даютъ нѣкоторые народные говоры Новгородской губерніи, въ которой мѣстами—по словамъ Даля —наблюдается произношеніе *кольцо́*, *хорошо́*; въ этой особенности можно видѣть отраженіе старины, удержавшейся благодаря тому, что не произошло распространенія по аналогіи окончанія -*о́*. Впрочемъ, кромѣ аналогіи можно допустить участіе *фонетическаго* фактора въ случаѣ, когда къ слову примыкало энклитическое (безударное) словечко, начинавшееся твердымъ согласнымъ, какъ

[1]) Въ окающихъ народныхъ говорахъ данное явленіе наблюдается также въ *достаточно сильныхъ неударяемыхъ положеніяхъ* передъ твердыми согласными, напр. н'осу́ || н'ес'і и т. п.

напр. частицы *-бы* или *-бъ*, *-ко* или *-тко*, а при существительныхъ членъ *-то*, и такимъ образомъ гласный изъ положенія въ концѣ слова переходилъ въ положеніе внутри слова при слѣдующемъ твердомъ согласномъ. Въ этомъ положеніи уже онъ могъ измѣнятьсявъ *'о́*, а затѣмъ этотъ гласный *по аналогіи* сталъ употребляться въ тѣхъ же формахъ и независимо отъ указаннаго спеціальнаго условія. На возможность такого объясненія указываетъ то, что членъ уже издавна въ русскомъ языкѣ примыкаетъ энклитически къ существительному, въ пользу чего приведемъ доказательство въ другомъ мѣстѣ книги (стр. 65, сноска).

Окончивъ изложеніе вопроса о появленіи конечнаго *'о́* вмѣсто *'е*, мы обратимся къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ особенностей и частностей измѣненія *'е́* въ *'о́* передъ согласнымъ в н у т р и слова. Эти особенности и частности сводятся къ разъясненію слѣдующихъ случаевъ: а) ударяемое орѳограф. *Е* не имѣетъ ожидаемаго произношенія *'о́*, хотя далѣе слѣдуетъ твердый согласный и б) произносится какъ *'о́* при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ.

а)

1) Произношеніе орѳ. *Е* какъ *'е́*, а не какъ *'о́*, имѣетъ мѣсто передъ твердымъ согласнымъ *ц* (напр. а̊т'э́ц=отецъ, а̊в'э́ц=овецъ и т. п.). Эту кажущуюся странность не трудно понять, если обратимъ вниманіе на то, что въ русскомъ языкѣ *ц* прежде было мягкимъ, да и теперь еще сохраняется такимъ въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ. Необходимо принять, что *процессъ измѣненія 'е́→'о́ совершался въ то время, когда ц произносилось во всѣхъ русскихъ говорахъ мягко*, а потому *'е́* въ положеніи передъ *ц* не могло быть захвачено этимъ измѣненіемъ; хотя послѣ этого *ц* и отвердѣло, но уже процессъ измѣненія *'е́→'о́* миновалъ, такъ что отвердѣніе *ц* могло теперь вызвать только измѣненіе рекурсіи предшествующаго гласнаго изъ мягкой въ твердую, благодаря чему *е* по-

лучило передъ *ц* открытое или широкое произношеніе. [1]) Подобнымъ же образомъ объясняется произношеніе ’æ (=орѳ. *Е*) передъ нѣкоторыми группами согласныхъ, гдѣ первый согласный былъ сначала мягкимъ и сравнительно поздно отвердѣлъ, какъ напр. въ словахъ з’ӕмскъj (земскій), п’ӕрвъj (первый), в’ӕрбӑ (верба) и т. п.; въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ еще и теперь согласный, слѣдующій за *е* въ этихъ словахъ, произносится мягко.

2) Орѳографич. ударяемое *Е* произносится какъ ’ӕ передъ твердыми согласными *въ предлогахъ* и *префиксахъ*, напр. б’ӕзгъдў (безъ году), б’ӕстълъч (безтолочь), н’ӕбъл (не былъ), н’ӕнъв’ьс’т’ (ненависть). Здѣсь могла вліять аналогія тѣхъ случаевъ, гдѣ за предлогомъ или префиксомъ слѣдовалъ мягкій согласный (напр. нéвидаль) и слѣдовательно не могло развиваться ’*о*, а также отчасти можно предполагать сравнительно позднее передвиженіе ударенія на предлогъ или префиксъ, т. е. въ то время, когда въ языкѣ уже миновала эпоха измѣненія ’é въ’ ó.

3) Теперь мы укажемъ особую группу словъ, гдѣ орѳографическое ударяемое *Е* передъ твердымъ согласнымъ также имѣетъ произношеніе ӕ, напр.: п’ӕрст (перстъ), кр’ӕст (крестъ), в’ӕтхъj (ветхій), чуд’ӕс (чудесъ), суд’ӕп (судебъ). Особенность произношенія этихъ словъ объясняется тѣмъ, что они заимствованы въ русскій языкъ изъ *церковно-славянскаго*, въ которомъ—какъ извѣстно—буква *е* никогда не выговаривается какъ *ё*, а только какъ *е*. Въ самыхъ словахъ мы можемъ открыть нѣкоторые признаки церковно-славянскаго вліянія. Это прежде всего—оттѣнокъ значенія церковный или книжный (срв. выраженія—„ветхій завѣтъ“, „перстъ Божій“, „книга судебъ“ и т. п.), а затѣмъ—рядомъ съ эти-

[1]) Едва ли не единственный случай гласнаго ’*о* передъ *ц* имѣется въ словѣ кл’óцка (клецка), но это слово не природное русское, а заимствованное изъ нѣмецкаго Kloss, откуда уменьшительное Klösschen

ми словами обычно имѣются и природныя русскія съ гласнымъ ’о́ и съ обыденнымъ значеніемъ, напр. нап’о́рстък (наперстокъ), кр’о́снъј (крестный), в’о́тъш (ветошь).

4) Въ словахъ *иностранныхъ* тоже ударяемое орѳограф. *Е* передъ твердыми согласными имѣетъ произношеніе ’æ, напр. план’ǽта (планета), къвал’ǽр (кавалеръ) и мн. др. Въ этомъ случаѣ заимствованныя слова произносятся съ тѣмъ ударяемымъ гласнымъ, какой имѣется въ иностранномъ языкѣ. Произношеніе *е* какъ ё въ такихъ словахъ, какъ *гувернеръ*, *актеръ* и т. д., не является исключеніемъ отсюда, такъ какъ это—слова французскаго происхожденія, а во французскомъ въ нихъ произносится гласный ӧ, изображаемый въ орѳографіи начертаніемъ *еи*.

5) Наконецъ, мы должны указать еще рядъ словъ, гдѣ ударяемое орѳ. *Е* не произносится какъ ’о́ передъ твердыми согласными потому, что это начертаніе ошибочно утвердилось въ орѳографіи вмѣсто *Ѣ*, которому не свойственно произношеніе ’о́, напр. блескъ, вредъ, запретъ, мелкій, треба, членъ, брегъ и т. п. (сюда же относится неударяемое *е* въ словѣ „песокъ“); въ старо-славянскихъ памятникахъ соотвѣтствующія слова дѣйствительно пишутся черезъ ѣ, напр. блѣскъ, врѣдъ, пѣсъкъ и т. п.

Примѣчаніе. Въ *новомъ* церковно-славянскомъ языкѣ приведенныя слова пишутся уже черезъ є, т. е. одинаково съ русскимъправописаніемъ, напр.: блéскъ, врéдъ, запретúти, трéбю, брéгъ, песóкъ и т. д. Фактъ согласія орѳографіи ново-церковно-славянской съ русскою естественно приводитъ къ тому педагогическому выводу, что въ средней школѣ долженъ изучаться именно современный церковно-славянскій языкъ, а не старо-славянскій, изученіе котораго должно быть отнесено къ спеціальному высшему образованію. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что читавшіе въ дѣтствѣ церковныя книги обычно вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаютъ навыкъ и въ русской орѳографіи съ ея особенностями (напр. ихъ не затрудняетъ правописаніе буквъ ѣ и е, которое принято считать самымъ труднымъ пунктомъ нашей орѳографіи), чему не мало способствуетъ то обстоятельство, что церковно-славянскія книги тре-

буется читать буква въ букву. Не даромъ Ломоносовъ, излагая въ Россійской грамматикѣ правила правописанія, замѣтилъ: «для избѣжанія сихъ погрѣшностей не можно предписать другихъ правилъ, кромѣ прилѣжнаго ученія Россійской грамматѣ, и чтенія книгъ церьковныхъ, безъ чего и во всемъ Россійскомъ словѣ никто твердъ и силенъ быть не можетъ» (§ 116, см. также § 117).

б)

Теперь мы перейдемъ къ тѣмъ случаямъ, гдѣ ударяемое орѳ. *Е* имѣетъ произношеніе ’о́ не смотря на то, что слѣдующій согласный мягокъ. Всѣ эти случаи объясняются *аналогіей*. Такъ, напр., отъ слова „береза“ въ Д. Пр. ед. ожидалось бы произношеніе бєр’єз’ѣ (березѣ), такъ какъ тутъ за удареннымъ *е* слѣдуетъ мягкій согласный (з’) и стало быть ’*е́* не должно было измѣниться въ ’*о́*, однакожъ приведенная форма выговаривается съ гласнымъ ’*о́*. Эта странность объясняется слѣдующимъ образомъ. Всматриваясь въ склоненіе слова „береза“, не трудно замѣтить, что во всѣхъ падежахъ, за исключеніемъ лишь приведенныхъ, согласный *з* остается твердымъ, а потому передъ нимъ и ударяемый гласный ’*е* измѣнился въ ’*о*, а затѣмъ *по аналогіи* и въ Д. и Пр. ед. явилось тоже ’*о*, т. е. бєр’о́з’ѣ вм. б’єр’є́з’ѣ.

Другой случай произношенія ’о́ вм. ’*е́* мы имѣемъ въ окончаніи Тв. ед. именъ ж. р. на *-я*, напр. з’ємл’о́йў (землею), по аналогіи къ окончанію того же падежа въ твердомъ склоненіи (напр. женою). Въ области спряженія аналогіей объясняется произношеніе ’о́ передъ *те* во 2 мн., напр. н’єс’о́т’ѣ (несете) ↑ къ н’єс’о́т (несетъ), н’єс’о́м (несемъ).

Нужно еще указать на появленіе гласнаго ’о́ вм. ’*е́* передъ мягкими согласными въ словахъ производныхъ, по аналогіи къ производящимъ, напр. кул’о́чьк (кулечекъ) ↑ кул’о́к (кулекъ), рубл’о́в‘ьк (рублевикъ) ↑ къ рубл’о́въj (рублевый).

Намъ осталось теперь упомянуть, что и ударяемое орѳографич. *Ѣ*, обычно звучащее въ положеніи передъ твердыми со-

гласными и также въ концѣ словъ какъ æ, т. е. какъ широкое или открытое э, а въ положеніи передъ мягкими согласными какъ узкое или закрытое э (напр. пѣлъ=п'æл, ѣлъ==jæл, рукѣ=рук'æ; пѣли=п'е́л'ї, ѣли=jе́л'ї), въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ произносится какъ о́, при чемъ почти всѣ они объясняются аналогіей. Такъ, аналогіей объясняется произношеніе з'в'о́зды (множ. отъ „звѣзда"):

с'л'æза́ (слеза) : с'л'о́зы (слезы)=з'в'æзда́ (звѣзда) : х

х=з'в'о́зды.

Аналогіей же объясняется произношеніе 'о́ на мѣстѣ ѣ въ словахъ: гнѣзда (↑ къ ре́бра), надѣванъ (↑ къ воеванъ), прош. вр. бѣгъ (↑ къ текъ), пріобрѣлъ (↑ къ мелъ). Произношеніе же цв'о́л (цвѣлъ) и с'о́дла (сѣдла) объясняется иначе, а именно тѣмъ, что въ этихъ словахъ начертаніе Ѣ утвердилось въ орѳографіи ошибочно вм. Е, какъ это видно изъ написаній тѣхъ же словъ въ старо-славянской письменности: цвѣлъ, сѣдло; въ русскомъ языкѣ въ этихъ словахъ стало писаться Ѣ по аналогіи къ написаніямъ „цвѣтъ" и „сѣсть", такъ что здѣсь имѣется графическая аналогія, т. е. аналогія въ области письма. Вообще же орѳограф. Ѣ, въ отличіе отъ орѳогр. Е, не измѣнялось фонетически въ 'о, откуда получается тотъ хронологическій выводъ, что *процессъ измѣненія 'е въ 'о начался въ то время, когда звуки орѳографическихъ Е и Ѣ различались въ произношеніи.*

Скажемъ въ заключеніе, что выясненіе особенностей произношенія ударяемыхъ орѳогр. Е и Ѣ весьма важно для пониманія русской орѳографіи, почему мы и сочли нужнымъ остановиться съ бо́льшими подробностями на данномъ вопросѣ.

III. *Бѣглые гласные.* Нѣкоторые гласные русскаго языка имѣютъ свойство въ извѣстныхъ положеніяхъ исчезать. Такіе

гласные называются бѣглыми въ отличіе отъ постоянныхъ. Постоянными гласными могутъ быть всѣ орѳографическіе гласные, бѣглыми же только орѳографическіе *Е* и *О* въ опредѣленныхъ словахъ. Заслуживаетъ вниманія, что постоянные орѳографическіе *О* и *Е* въ старо-славянской письменности обозначаются начертаніями *о* и є, напр. пророкъ—пророку || ст.-сл. **пророкъ—пророкоу**, вечеръ—вечеру || ст.-сл. **вечеръ—вечероу**; что же касается бѣглыхъ гласныхъ, то въ старо-славянской письменности вмѣсто нихъ видимъ начертанія ъ и ь, напр. сонъ—сну || ст. сл. **сънъ—съноу**, день—дни || ст.-сл. **дьнь—дьни**, ленъ || **льнъ**.

Какъ можно догадываться изъ приведенныхъ старо-славянскихъ начертаній, явленіе бѣглыхъ гласныхъ русскаго языка объясняется тѣмъ, что нѣкогда вмѣсто нихъ произносились узкіе краткіе гласные—ŭ на мѣстѣ бѣглаго *о* и ĭ на мѣстѣ бѣглаго *е* [1]), затѣмъ измѣнившіеся при однихъ условіяхъ въ полные гласные, а при другихъ условіяхъ ослабѣвшіе до исчезновенія. Развитіе краткихъ гласныхъ ъ (ŭ) и ь (ĭ) въ полные происходило въ томъ случаѣ, когда слѣдующій слогъ, которымъ оканчивалось слово, содержалъ тоже краткій гласный ъ (ŭ) или ь (ĭ), срв. сонъ=ст.-сл. **сънъ**, день=ст.-сл. **дьнь**, ленъ=**льнъ**; исчезновеніе же данныхъ краткихъ гласныхъ видимъ въ концѣ слова, а внутри слова въ томъ случаѣ, когда слѣдующій слогъ содержалъ полный гласный, напр. сну, дни, льну. [2]) Надо впрочемъ замѣтить, что въ послѣднемъ случаѣ, т. е. при полномъ гласномъ въ слѣдующемъ слогѣ, краткіе ъ (ŭ) и ь (ĭ) иногда оказываются расширившимися, если

---

[1]) Это доказывается сравненіемъ съ родственными языками, напр. сонъ=греч. ὕπνος, день=скт. dinam, ленъ=лат. linum.

[2]) Исчезновеніе ь (ĭ) представляетъ ту особенность по сравненію съ исчезновеніемъ ъ (ŭ), что послѣ исчезновенія перваго предшествовавшій ему согласный оказывается смягченнымъ, срв. д'ĕн', л'ну. Изъ этого слѣдуетъ, что *эпоха смягченія согласныхъ древнѣе эпохи бѣглыхъ гласныхъ.*

имъ предшествовала или слѣдовала за ними группа *согласныхъ*, хитреца (ст.-сл. хытрьца), блоха (блъха), со (съ) мною и т. п.

Кромѣ случаевъ фонетическаго происхожденія, бѣглые гласные могутъ получаться путемъ *аналогіи*, напр. въ словахъ огонь, вѣтеръ и т. д. Приведенныя слова должны были бы звучать „огнь“ и „вѣтръ“, какъ указываютъ на это соотвѣтствующія старо-славянскія слова **огнь** и **вѣтръ**, которыя не имѣютъ внутри краткихъ гласныхъ ъ и ь. Очевидно, что сходство этихъ словъ въ косвенныхъ падежахъ со словами имѣющими бѣглые гласные (вѣтру : отцу, огню : локтю), вызвало въ нихъ по аналогіи къ послѣднимъ гласные *о* или *е* въ Им. ед. Что касается выбора бѣглаго гласнаго (*е* или же *о*), являющагося по аналогіи, то таковой выборъ опредѣляется *фонетическимъ* моментомъ, а именно: послѣ задне-язычныхъ согласныхъ—*о*, послѣ же согласныхъ другихъ разрядовъ—*е*; срв. еще „оконъ“ Р. мн. отъ „окно“, **окно**), „реберъ“ (Р. мн. отъ „ребро“, **ребро**), „тепелъ“ (**теплъ**) и др. Если на такое вторичное *е* приходится удареніе при слѣдующемъ твердомъ согласномъ, то будетъ произноситься ’о́, напр. остёръ (**остръ**).

Исчезновеніе слабыхъ ъ(ŭ) и ь(ĭ)имѣло своимъ послѣдствіемъ рядъ фонетическихъ перемѣнъ въ русскомъ языкѣ и прежде всего уменьшеніе въ словахъ числа слоговъ и измѣненіе ихъ типа. Число слоговъ соотвѣтственно убавлялось на одинъ слогъ, такъ что слова въ родѣ **льнъ**, **дьнь**, **пьсл** изъ двусложныхъ превратились въ односложныя. При этомъ исчезновеніе конечныхъ ъ и ь сопровождалось превращеніемъ прежнихъ открытыхъ слоговъ въ закрытые; исчезновеніе тѣхъ же гласныхъ внутри слова приводило въ соприкосновеніе согласные, раньше раздѣленные этими гласными. Въ дальнѣйшемъ исчезновеніе конечныхъ ъ и ь сопровождается переходомъ звонкихъ согласныхъ, теперь оказавшихся конечными, въ глухіе; съ исчезновеніемъ тѣхъ же гласныхъ внутри слова соприкасающіеся те-

перь согласные могли подвергаться процессу ассимиляціи, напр. овца (овьца) произносится уже офца, т. е. вмѣсто звонкаго согласнаго *в* передъ слѣдующимъ глухимъ произносится соотвѣтствующій глухой (*ф*).

Обратимъ еще вниманіе на то, что бѣглое *е*, подобно постоянному, при извѣстныхъ условіяхъ также измѣнилось въ *'о*, напр. л'о́н (орѳ. ленъ = ст.-сл. льнъ). Не трудно видѣть, что для того, чтобы *'е*, произшедшее изъ первоначальнаго ь (=ĭ), могло измѣниться въ *'о*, нужно, чтобы къ этому времени этотъ первоначальный гласный ь(=ĭ) расширился при извѣстныхъ условіяхъ въ *е* и совпалъ съ постояннымъ е. Отсюда слѣдуетъ, что *процессъ развитія бѣглыхъ гласныхъ предшествовалъ измѣненію 'е→'о.* [1]) Въ эпоху *Остромирова Евангелія* (полов. XI вѣка) въ великорусскомъ нарѣчіи явленіе бѣглыхъ гласныхъ уже болѣе или менѣе сложилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по крайней мѣрѣ отчасти, совершилось и измѣненіе *'е→'о.*

---

[1]) На это различіе по степени древности того и другаго процесса указываетъ также то обстоятельство, что малорусское нарѣчіе, при согласіи съ великорусскимъ относительно бѣглыхъ гласныхъ, представляетъ нѣкоторыя отличія относительно измѣненія 'е→'о (именно—процессъ этотъ неодинаково комбинируется съ предъидущимъ въ томъ и другомъ нарѣчіи), заставляющія предполагать, что послѣдній процессъ развивался особо въ той и другой вѣтви. Что касается процесса постепеннаго образованія бѣглыхъ гласныхъ, то онъ настолько древенъ, что *началомъ своимъ можетъ восходить* въ общ е-славянскую эпоху. Объ этомъ можно заключить изъ существованія бѣглыхъ гласныхъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ во всѣхъ славянскихъ языкахъ, хотя *выработка самаго явленія происходила въ этихъ языкахъ особо*; на это указываетъ то обстоятельство, что въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ бѣглые гласные представляютъ нѣкоторыя различія по качеству звука. Замѣтимъ еще, что возникновеніе бѣглыхъ гласныхъ въ членной формѣ сущ. муж. р., напр. домотъ (изъ *домъ-тъ), служитъ доказательствомъ ранняго присоединенія члена къ существительнымъ: послѣдній могъ тѣсно примыкать къ существительнымъ еще въ ту древнюю пору, когда общеслав. ъ и ь только начинали преобразовываться въ бѣглые гласные.

IV. *Полногласіе.* Теперь мы обратимся къ разсмотрѣнію звуковаго явленія, называемаго въ русской грамматикѣ полногласіемъ, которое—какъ увидимъ—имѣетъ болѣе древнее происхожденіе, нежели бѣглые гласные, и заключается въ томъ, что въ извѣстныхъ звуковыхъ сочетаніяхъ, первоначально состоявшихъ изъ гласнаго съ плавнымъ согласнымъ и находившихся въ положеніи между согласными, развивался послѣ плавнаго новый гласный, одинаковый съ гласнымъ, предшествовавшимъ плавному. Это явленіе, наблюдаемое во всѣхъ подобныхъ случаяхъ въ русскомъ языкѣ, началомъ своимъ восходитъ въ общеславянскую эпоху, откуда первоначальное звуковое сочетаніе развивается въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ двоякимъ образомъ: въ русскомъ языкѣ развивается полногласіе, въ другихъ же славянскихъ языкахъ происходитъ перестановка звуковъ съ удлиненіемъ гласнаго или безъ удлиненія его. Такъ, напр., общеслав. *bordā развилось въ русское б о р о д а и ст.-сл. брада, гдѣ а послѣ р произошло изъ удлиненнаго *о* (срв. далѣе рус. б е р е г ъ и ст.-сл. брѣгъ, рус. г о л о в а и ст.-слав. глава, рус. м о л о к о и ст.-слав. млѣко). [1])

Въ русскомъ языкѣ рядомъ съ полногласными формами нерѣдко встрѣчаются похожія на старо-славянскія, напр. *середа* || *среда*, *голова* || *глава* и т. п., при чемъ параллельныя формы естественно объяснить вліяніемъ церковно-славянскаго языка. [2]) Въ этомъ убѣждаетъ не одинъ внѣшній видъ этихъ

---

[1]) Въ польскомъ языкѣ перестановка въ разсматриваемыхъ словахъ не соединяется съ удлиненіемъ гласнаго, напр. broda, głowa. При нѣкоторыхъ условіяхъ и русскій языкъ представляетъ формы, подобныя польскимъ, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда первоначальное сочетаніе VL стояло въ началѣ слова; здѣсь въ русскомъ языкѣ не оказывается ожидаемыхъ полногласныхъ формъ съ *оро* и т. п., но только съ *ро* и пр., напр. *ровный*, пол. *równy* (К. **orv-*), *локоть*, пол. *łokieć* (К. **olk-*).

[2]) Нужно замѣтить, что въ словахъ церковно-славянскаго происхожденія съ *ре*, напр. среда, вредъ и т. д., пишется *е*, какъ и въ новомъ цер-

формъ, но и значеніе: полногласныя формы имѣютъ значеніе болѣе обыденное или болѣе конкретное, формы же, вошедшія въ русскій языкъ изъ церковно-славянскаго,—болѣе абстрактное или книжное и даже прямо церковное. [3]) Нѣкоторыя церковно-славянскія формы получили исключительное господство въ русскомъ литературномъ языкѣ, напр. врагъ вм. полногласной формы ворогъ, сладкій вм. солодкій и т. д., хотя еще въ XIV в. встрѣчаемъ въ письменности *ворога* и нѣк. др. слова, сохраняющіяся въ народныхъ говорахъ и доселѣ. Стихотворная поэзія XVIII в. оказала особенно радушный пріемъ формамъ неполногласнымъ или церковно-славянскимъ, но въ слѣдующемъ вѣкѣ со времени Пушкина стали свободнѣе употребляться формы полногласныя или чисто русскія.

До сихъ поръ передъ нами были тѣ случаи полногласія или перестановки, гдѣ въ основной (первоначальной) группѣ плавному предшествовали гласные *е* или *о*; теперь мы должны обратиться къ тѣмъ основнымъ группамъ, гдѣ плавному предшествовали ъ (ŭ) или ь (ĭ). Такъ какъ отраженія послѣднихъ группъ представляютъ нѣкоторую особенность по сравненію съ раньше разсмотрѣнными, то эта категорія отличается особымъ наименованіямъ „*втораго* полногласія“, въ отличіе

ковно-славянскомъ, тогда какъ въ старо-славянскомъ писалось ѣ. Замѣна этого послѣдняго начертанія посредствомъ *е* можетъ быть объяснена аналогіей къ написаніямъ черезъ *е* соотвѣтствующихъ русскихъ полногласныхъ формъ (т. е. середа, вередъ и т. д.).

[3]) Конечно, дифференціація (различеніе) по оттѣнку значенія словъ природныхъ и церковно-славянскихъ установилась въ литературномъ языкѣ не сразу, но послѣ ряда колебаній и смѣшеній; въ древнихъ русскихъ памятникахъ можно еще встрѣтить случаи смѣшаннаго (не-дифференцированнаго) употребленія ихъ; напр., въ Лавр. лѣтописи подъ 1037 г. читаемъ: «заложи Ярославъ *городъ* великыи. у негоже *града* суть *златая врата* ....и посемъ церковь на *золотыхъ воротѣхъ*».

отъ „перваго“, разсмотрѣннаго выше. Эта особенность заключается въ томъ, что вновь развившіеся въ русскомъ языкѣ послѣ плавнаго слабые ъ или ь затѣмъ исчезли, вызвавъ расширеніе первичныхъ ъ и ь, стоявшихъ передъ плавнымъ, въ *о* и *е* (т. е. какъ это мы видѣли при бѣглыхъ гласныхъ), такъ что въ этомъ случаѣ полногласіе какъ бы утеривалось; въ старо-славянскомъ языкѣ случаямъ втораго полногласія соотвѣтствуютъ „перестановочныя“ написанія, но безъ удлиненія гласнаго. Такъ, напр., общеслав. *рьгъ отражается въ древне-русской письменности (XI—XII в.) въ видѣ п ъ р ъ в ъ, современ. п е р в ы й (ст.-сл. прькъ). На этомъ примѣрѣ мы видимъ, что *сначала въ русскомъ языкѣ развилось полногласіе, а затѣмъ уже явленіе бѣглыхъ гласныхъ.*

Разсматривая явленія полногласія и перестановки, не трудно замѣтить, что, благодаря имъ, первоначальные закрытые слоги, замыкавшіеся плавнымъ, превратились въ открытые (* bor | dā → рус. боро | да, ст.-сл. бра | да, пол. bro | da; *рьг | vъ → др.-рус. пьрь | въ, ст.-сл. прь | въ). [1])

Далѣе, нужно еще замѣтить, что полногласіе въ словахъ бываетъ или *постояннымъ* или же *перемѣннымъ* (временнымъ). Постояннымъ оно бываетъ въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ согласный, первоначально слѣдовавшій за плавнымъ, вмѣстѣ съ

---

[1]) Такое же стремленіе къ превращенію закрытыхъ слоговъ въ открытые имѣло мѣсто при носовыхъ согласныхъ и нѣкоторыхъ чистыхъ (неносовыхъ). При этомъ носовые согласные, постепенно ослабляясь, перешли въ носовой назвукъ предшествующаго гласнаго; напр. *реп | tĭ → *рẽ | tь (ст.-сл. пѧть), *роп | tь → * рõ | tĭ (ст.-сл. пѫть), а затѣмъ въ большей части славянскихъ языковъ утратился и носовой назвукъ (напр. рус. пять, путь). Что касается другихъ согласныхъ, то они частію сохранялись, если могли легко присоединяться къ слѣдующему слогу (напр. нести), частію измѣнялись (напр. мести изъ мет-ти), или же, наконецъ, исчезали (напр. вянуть вм. *вяднуть, срв. увядать).

послѣднимъ принадлежалъ корню, напр. въ случаѣ перваго полногласія срв. „бород-а“ (К. *bord-), въ случаѣ втораго полногласія срв. „верт-ѣть“ или др.-рус. вьрьт-ѣти (К. *vьrt-). Перемѣннымъ оно является въ тѣхъ словахъ, гдѣ корень кончался плавнымъ согласнымъ, а суффиксы, присоединявшіеся къ корню, начинались частію съ согласнаго звука, частію же съ гласнаго. Если за такимъ корнемъ слѣдовалъ суффиксъ, начинавшійся съ согласнаго, то развивалось полногласіе, напр. отъ К. *sol-*, когда далѣе слѣдовалъ суффиксальный согласный (*n*), русскій языкъ развилъ полногласное образованіе с*о л о* нъ (ст.-сл. **слнъ**), когда же къ корню *sol-* присоединялся суффиксальный гласный ь (ĭ), то плавный согласный уже переставалъ замыкать слогъ, такъ какъ въ слоговомъ отношеніи произносился вмѣстѣ съ слѣдующимъ гласнымъ (т. е. so | lь), а потому и не было повода къ развитію полногласія (ст.-сл. **соль**, рус. соль). Въ примѣръ перемѣннаго втораго полногласія можемъ взять корень **mьr-*; если за нимъ слѣдовалъ согласный (*t*), то развивалось полногласіе (срв. др.-рус. съмь*р*ъть, соврем. см*е*рть), если же слѣдовалъ гласный, то полногласія не происходило (срв. др.-рус. мь*р*у, соврем. м*р*у). [1])

---

[1]) Замѣтимъ, что носовые гласные тоже бываютъ постоянными и перемѣнными. Постоянными они бываютъ въ томъ случаѣ, когда согласный, первоначально слѣдовавшій за носовымъ согласнымъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ принадлежалъ корню, напр. **ПѦТЬ** (рус. п*я*ть), **ПѪТЬ** (рус. п*у*ть). Но если корень оканчивался носовымъ согласнымъ, а присоединявшіеся къ корню суффиксы начинались частію съ согласнаго, частію же съ гласнаго звука, то въ первомъ случаѣ развивался носовой гласный (напр. отъ корня *ѣм* происходитъ неопр. накл. ст.-слав. **НАѪТИ**, рус. н*а*чать), во второмъ же случаѣ носовой согласный въ слоговомъ отношеніи соединялся съ слѣдующимъ гласнымъ и потому сохранялся (напр. отъ того же корня происходитъ наст. вр. **НАѪЬНѫ**, рус. н*а*чну). Изъ приведенныхъ примѣровъ мы видимъ, что отмѣчаемое нерѣдко мудренымъ названіемъ явленіе «разложеніе

Примѣчаніе. Мы указывали, что полногласіе развивалось въ положеніи передъ «согласными»; но здѣсь нужно сдѣлать одну оговорку, а именно, что согласный j не вызывалъ развитія полногласія, такъ какъ успѣлъ уже слиться съ предъидущими плавными согласными въ одинъ мягкій плавный согласный, который въ слоговомъ отношеніи произносился вмѣстѣ съ слѣдующимъ гласнымъ, напр. *борю*, гдѣ р' получилось изъ *rj.

V. *Подъемъ.* Подъемомъ въ русской фонетикѣ называется нѣкоторое чередованіе корневыхъ гласныхъ, встрѣчающееся при словопроизводствѣ, особенно въ глаголахъ, и соединенное съ измѣненіемъ оттѣнка значенія, напр. *нести* || *носить* || *на́шивать*. Терминъ „подъемъ", иначе—„усиленіе", теперь можетъ считаться уже устарѣвшимъ, благодаря освѣщенію даннаго вопроса съ точки зрѣнія сравнительной грамматики, которая показала, что здѣсь имѣются обычныя чередованія гласныхъ безъ какого-либо особаго ихъ усиленія. Кромѣ того, она разъяснила, что эти чередованія сложились въ разныя эпохи, а потому ихъ и слѣдуетъ подраздѣлить соотвѣтственно ихъ возрасту; такъ, одни изъ нихъ восходятъ къ отдаленнымъ временамъ праязыка аріо-европейскаго, другія образовались въ эпоху славянскаго праязыка, а самый новый слой сложился на почвѣ русскаго языка. Подъемныя чередованія аріо-европейскаго происхожденія мы разсмотримъ въ слѣдующемъ параграфѣ, посвященномъ сравнительно-грамматическимъ разъясненіямъ русскаго вокализма. Что же касается такъ называемаго „славянскаго" подъема, то онъ представляетъ чередованіе корневыхъ краткихъ гласныхъ съ соотвѣтствующими долгими въ связи съ „видовымъ" различіемъ значенія при производствѣ глаголовъ на *-а́ть*, *-а́ю* отъ простыхъ глаголовъ; это чередованіе, уже значительно стершееся въ

юсовъ» есть не болѣе, какъ ученая фикція, уже отошедшая въ область преданія; въ дѣйствительности тутъ не разложеніе, но разное развитіе одного и того же первоначальнаго сочетанія въ зависимости отъ того, слѣдовалъ ли далѣе согласный, или же гласный

русскомъ языкѣ, въ большей полнотѣ является въ языкѣ старо-славянскомъ, напр. мѣсти < въмѣтати, могж < помагати, ѹьтж < ѹитати, ꙁъкати < въꙁъıкати; здѣсь мы видимъ чередованіе краткихъ гласныхъ съ соотвѣтствующими долгими : є || ѣ, о || а, ь || и, ъ || ы; то, что первоначально є, о, ь, ъ были краткими гласными, а ѣ, а, и, ы—долгими, доказывается въ сравнительной грамматикѣ. [1]) Въ русскомъ языкѣ удержались главнымъ образомъ два послѣднія чередованія, т. е. такія, какъ чᴧту < почитать, зᴧвать < призывать; что же касается первыхъ двухъ, то по отношенію къ нимъ мы уже встрѣчаемъ отступленія: такъ, напр., видимъ глаголъ „помогать“ (съ гласнымъ *о*, а не *а*), а въ такихъ случаяхъ, какъ „заметать“, пишется *е*, а не *ѣ*. Но если „славянскій“ подъемъ значительно стушевался въ русскомъ языкѣ, то за то въ послѣднемъ широко развился новый „русскій“ слой подъема при производствѣ глаголовъ на *-ывать* и *-ивать* съ удареніемъ на корневомъ слогѣ, напр.: носи́ть < принима́шивать, мета́ть < переме́тывать, чита́ть < перечи́тывать и пр. Такимъ образомъ, если „славянскій“ подъемъ основывается на отношеніи долготы и краткости гласныхъ, то „русскій“ подъемъ—на удареніи.

VI. *Сравнительно-грамматическія разъясненія русскаго вокализма.* Грамматическія явленія каждаго языка прежде всего должны быть изучены въ немъ самомъ; но такъ какъ это изученіе не всегда даетъ полное разъясненіе явленій, то приходится дополнять его сравненіемъ съ родственными языками и ихъ праязыкомъ, который возсоздается черезъ сравненіе отдѣльныхъ вѣтвей даннаго языковаго семейства. Сравнительная грамматика аріо-европейскихъ языковъ этимъ путемъ уже значительно разъяснила звуковое состояніе аріо-европейскаго праязыка. Это состояніе мы и постараемся из-

[1]) Нужно имѣть въ виду, что нѣкоторыя аналогичныя подъемныя отношенія наблюдаются въ литовскомъ, напр., bristi «брести» || brýdoti (гдѣ y=ī) «бродить».

ложить въ настоящемъ параграфѣ, поскольку оно касается вокализма, такъ какъ именно чередованія гласныхъ звуковъ русскаго языка преимущественно нуждаются въ сравнительно-грамматическомъ освѣщеніи.

Въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовали простые гласные (краткіе и долгіе) и дифтонги [1]). *Краткіе* гласные аріо-европейскаго праязыка могутъ быть подраздѣлены на средне-широкіе *ĕ, *ŏ, *ă и узкіе *ĭ и *ŭ. Изъ приведенныхъ краткихъ гласныхъ звуки *ĕ и *ŏ связаны между собою въ грамматическое чередованіе, какъ это и обнаруживается такъ или иначе во всѣхъ аріо-европейскихъ языкахъ, напр. рус. бе́ру || сбо́ръ, греч. *φέρω* || *φόρος* и т. п., [2]) третій же гласный *ă стоялъ совершенно особо отъ этого чередованія и отраженіемъ его служитъ въ греч. и лат. ă, въ русскомъ—*о*, напр.: рус. соль=греч. *ἅλς*=лат. *sāl*, или рус. борода=лат. barba и т. д. Въ чередованіи *ĕ || *ŏ очень важно обратить вниманіе на морфологическую сторону, т. е. на тѣ морфологическія категоріи, въ которыхъ встрѣчается тотъ и другой гласный. Мы не будемъ перебирать всѣхъ категорій, укажемъ лишь на самыя типичныя: какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ, гласный *ĕ свойственъ категоріи настоящаго времени корневыхъ или непроизводныхъ глаголовъ, а гласный *ŏ является въ родственныхъ существительныхъ муж. р. (срв. еще везу́ || возъ, теку́ || потокъ, стерегу́ || сторожъ и др.; лат.

---

[1]) Дифтонгомъ называется такое сочетаніе двухъ гласныхъ, которое произносится слитно въ одинъ слогъ, напр. нѣм. *Haus* и т. п.

[2]) Въ этомъ случаѣ *ŏ развилось въ аріо-европейскомъ праязыкѣ изъ *ĕ; а такъ какъ тогда передъ палятальными гласными согласные еще не смягчались, то и передъ *ŏ, развившимся изъ *ĕ, согласный не смягченъ. Этимъ древнее *о* изъ *е* отличается отъ *о*, развившагося изъ *е* на русской почвѣ и имѣющаго передъ собою смягченный согласный; напр. въ словѣ «возъ» имѣется древнее *о*, а въ словѣ «вёзъ» (в'ос)—позднѣйшее, русское.

prĕcor || prŏcus, греч. λέγω || λόγος и т. п., [1]) а также въ глаголахъ, происходящихъ отъ этихъ существительныхъ, напр. возъ<возить, греч. φόρος<φορέω и т. п.; при этомъ замѣтимъ, что корни съ *ĕ называютъ первымъ полнымъ видомъ, а соотвѣтствующіе корни съ *ŏ—вторымъ полнымъ видомъ, чтобы отличить отъ сокращеннаго вида корней, о которомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Настоящему времени корневыхъ глаголовъ совершенно не свойственъ гласный * ŏ; если же, тѣмъ не менѣе, въ корнѣ нѣкоторыхъ непроизводныхъ глаголовъ русскаго языка и другихъ славянскихъ встрѣчается гласный *о*, напр. *о*рю, пою и др., то это объясняется тѣмъ, что гласный *о* этихъ глаголовъ восходитъ не къ аріо-европ. *ŏ, но къ ае. *ă, какъ это видно изъ другихъ родственныхъ языковъ, напр. орю=греч. ἀρόω=лат. *ă*ro.

Въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовало и исконное *ŏ (не изъ *ĕ, а потому и не чередующееся съ ĕ), и для отличія оно нѣкоторыми лингвистами обозначается посредствомъ особаго символа * ǫ; отраженіе такого * ǫ можно видѣть въ словѣ в о с е м ь = греч. ὀκτώ = лат. *o*cto [2]).

---

[1]) Мы ограничиваемся приведеніемъ изъ родственныхъ языковъ лишь греческихъ и латинскихъ примѣровъ, такъ какъ въ другихъ аріо-европейскихъ языкахъ чередованіе *ĕ || *ŏ успѣло уже такъ или иначе видоизмѣниться.

[2]) Нужно указать еще одинъ звукъ праязыка, давшій въ русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ гласный *о*, напр. стою, срв. греч. στᾰτος= лат. st*ă*tus=санскр. sth*i*tás; эти случаи отдѣляютъ отъ праязыковаго *ŏ, такъ какъ въ нихъ греческому и латинскому ă соотвѣтствуетъ въ санскритѣ не ă, но *i*, и возводятъ къ праязыковому краткому слабому гласному, обозначаемому обыкновенно посредствомъ символа * ə; обычно праязыковое * ə чередовалось съ долгимъ гласнымъ (срв. греч. дорич. ἵστᾱμι || στᾰτός, рус. стать || стою), почему и разсматривается какъ ослабленіе долгаго гласнаго. Такимъ образомъ, русско-славянское *о* можетъ быть четверякаго происхожденія: 1) *ǫ, 2) *ŏ, 3) *ă, 4) *ə. Къ этому присоединились на почвѣ рус-

Переходя къ *дифтонгамъ* аріо европейскаго праязыка, сначала замѣтимъ, что въ составъ ихъ могли входить разсмотрѣнные нами средне-широкіе краткіе гласные въ качествѣ перваго компонента (составной части), вторымъ же компонентомъ служили краткіе узкіе гласные *і* и *и* (такимъ образомъ въ праязыкѣ имѣлись дифтонги—*ĕi, *ŏi, *ăi, *ĕu, *ŏu, *ău). [1])

Въ русскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, эти древніе дифтонги не сохранились, измѣнившись при однихъ условіяхъ (въ положеніи передъ гласными) въ гласный съ согласнымъ, при другихъ же условіяхъ (въ положеніи передъ согласными)—въ простые гласные. Въ первомъ случаѣ (*передъ гласными*) дифтонгъ распадался такимъ образомъ, что второй его компонентъ измѣнялся въ соотвѣтствующій согласный (ĭ→j, ŭ→v) [2]) и послѣдній въ слоговомъ отношеніи отдѣлялся къ слѣдующему гласному, напр. въ корнѣ глагола по*j*-у мы имѣемъ отраженіе первоначальнаго дифтонга *ăi, а въ корнѣ глагола ко*в*-áть—отраженіе *ău; во

скаго языка новые случаи *о* при развитіи перваго полногласія, напр. борода, далѣе—изъ ъ (ŭ), напр. *лобъ*, и наконецъ, *'о* изъ *'е* (ст.-сл. **є**, **ь**) напр. вёзъ, лёнъ. Здѣсь мы имѣемъ примѣръ конвергенціи или совпаденія цѣлаго ряда первоначально разныхъ звуковъ въ одинаковомъ звукѣ *о*. Въ позднѣйшую пору жизни русскаго языка гласный *о*, какого бы онъ ни былъ происхожденія, въ свою очередь развѣтвляется, какъ мы видѣли, на разные гласные, въ зависимости отъ того или другаго положенія относительно ударенія; такимъ образомъ, къ конвергенціи присоединился процессъ дивергенціи.

[1]) Такъ какъ о тонкостяхъ произношенія дифтонговъ въ праязыкѣ мы знать не можемъ, то нужно ихъ выговаривать буква въ букву, заботясь лишь о томъ, чтобы произносить ихъ связно въ одномъ слогѣ.

[2]) Въ приведенной формулѣ латинское начертаніе ŭ соотвѣтствуетъ русскому ў, лат. v = рус. в; необходимо помнить также, что начертаніемъ j обозначается согласный й.

второмъ случаѣ *(передъ согласными)* такого разъединенія компонентовъ дифтонга не происходило, но оба они измѣнились въ одинъ простой гласный (ае *ăi→ѣ, ае. *ău→у), срв. отъ тѣхъ же корней слова: пль-ть, ку-знецъ. Что касается морфологической стороны въ употребленіи дифтонговъ, то она одинакова съ средне-широкими гласными въ ихъ самостоятельномъ употребленіи. Отсюда слѣдуетъ, что дифтонговъ, содержащихъ *ŏ, т. е. *ŏi и *ŏu, мы не встрѣтимъ въ настоящемъ времени непроизводныхъ глаголовъ, а въ такихъ глаголахъ, какъ пою, нужно видѣть отраженіе первоначальнаго дифтонга *ăi (срв. греч. *παιάν* „пѣснь"), въ случаѣ же кую || ковать корень въ своемъ вокализмѣ отражаетъ праязыковой дифтонгъ *ău (срв. греч. *καίσω*). Эти дифтонги, какъ и простое *ă, не знаютъ чередованій перваго и втораго полнаго вида. Кромѣ дифтонговъ *ăi и *ău, въ настоящемъ времени корневыхъ глаголовъ мы можемъ встрѣтить дифтонги *ĕi и *ĕu, напр. вижу (*и* восходитъ къ *ĕi, срв. греч. *εἴδομαι*), блюдешь (*ю* восходитъ къ ĕu, срв. греч. *πεύθομαι*, при чемъ обще-славянскій корень *beud* сначала измѣнился въ *bjud*, а затѣмъ начальное *bj* дало бл'); этимъ дифтонгамъ въ соотвѣтствующихъ глаголахъ отъименныхъ (т. е. подобныхъ глаголу „возить") отвѣчаютъ дифтонги, свойственные второму полному виду, т. е. *ŏi и *ŏu, напр. вѣдать, гдѣ *ѣ* отражаетъ *ŏi (срв. греч. *οἶδα*), будить, гдѣ *у* отражаетъ *ŏu. Такимъ образомъ, сравнительная грамматика устанавливаетъ соотвѣтствіе по корневому гласному между словами съ первымъ и вторымъ полнымъ видомъ корня, русскіе примѣры которыхъ мы и приведемъ:

Праязыковое обозначеніе гласныхъ и дифтонговъ 1-го полн. вида.	Слова съ первымъ полнымъ видомъ корня.	Праязыковое обозначеніе гласныхъ и дифтонговъ 2-го полн. вида.	Соотвѣтствующія слова со вторымъ полнымъ видомъ корня.
*ĕ	везти	*ŏ	возить
	метать		мостъ
	мелю		размолъ
	чесать		коса
	щемить		оскомина
*ĕr	веретено	*ŏr	воротъ
*ĕn	смятеніе (*я*=ст.-сл. ѧ изъ *ĕn).	*ŏn	смущеніе (*у*=ст.-сл. ѫ изъ *ŏn)
*ĕi	видѣть	*ŏi	вѣдать
	тихій		тѣшить
	вить		вѣтвь
	почить		покой
	пить		запой (примѣръ распад. дифтон.)
*ĕu	блюсти	*ŏu	будить

Мы говорили, что если корень содержитъ *ĕ, то въ такомъ случаѣ его называютъ *первымъ* полнымъ видомъ, а если содержитъ *ŏ, то—*вторымъ* полнымъ видомъ. Кромѣ этого можетъ быть еще *сокращенный* видъ корня, развившійся въ праязыкѣ изъ перваго полнаго вида въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ путемъ ослабленія *ĕ, напр. К. $m^e n$: мѧну, ст.-сл. мьнѫ (срв. греч. $\mu\iota\mu\nu\acute{\eta}\sigma\kappa\omega$), К. $m^e r$: мѧру, ст.-сл. мьрѫ.

Приведенныя ослабленія корней *mĕn и *mĕr имѣютъ мѣсто въ положеніи передъгласны ми и j, въ положеніи же передъ согласными развивались или носовой гласный (напр. въ словѣ п а м я т ь=ст.-сл. памать, литов. atmintìs) или же т. называемое второе полногласіе (напр. въ словѣ с м е р т ь, др.-рус. съмьрть=ст.-сл. съмрьть). Такимъ образомъ, второе полногласіе съ точки зрѣнія сравнительно-грамматической представляетъ собою слабый или сокращенный видъ корней, первое же полногласіе соотвѣтствуетъ полному виду корня, при чемъ полногласіе съ *е* соотвѣтствуетъ первому полному виду корня (напр. стерегу), а полногласіе съ *о*—второму полному виду корня (напр. сторожъ), если только такое *о* не восходитъ къ ае. *ă (напр. борода); вполнѣ естественно, что послѣднее *о* уже не будетъ чередоваться съ *е*.

Въ дифтонгахъ въ сокращенномъ видѣ, съ потерею перваго компонента, остается одинъ второй, т. е. *ĭ или *ŭ (=ст.-сл. ь и ъ); напр. честь (ст.-сл. ѹсть), бдѣть (ст.-сл. бъдѣти).

Что касается первоначальныхъ *долгихъ* средне-широкихъ гласныхъ, то примѣромъ ихъ могутъ служить: 1) *ē, напр. о-дѣть (срв. греч. τί-θη-μι); 2) *ā, напр. стать (полный видъ корня, греч. ἵ-στη-μι) || стою (сокращ. видъ корня, срв. греч. τοᾰ́-τός); 3) *ō, напр. дать (срв. греч. δί-δω-μι). Долгимъ *ī и *ū соотвѣтствуютъ въ русскомъ языкѣ первому гласному —*и* (напр. грива), а второму—*ы* (напр. ты).

Сдѣлавъ сравнительно-грамматическій очеркъ русскаго вокализма, я долженъ сказать, что въ виду сложности предмета я имѣлъ возможность лишь слегка коснуться происхожденія русско-славянскихъ гласныхъ изъ аріо-европейскихъ, полное-же знакомство съ этими вопросами получается изъ сравнительной грамматики, къ которой и долженъ обратиться любознательный читатель.

Примѣчаніе. Такъ какъ каждый изъ русскихъ орѳографическихъ гласныхъ можетъ происходить изъ разныхъ гласныхъ аріс-европейскаго

праязыка, то будетъ не лишне показать по крайней мѣрѣ главнѣйшіе ихъ звуки-источники въ аріо-европейскомъ праязыкѣ:

1) *А(Я)* = ст.-сл. а (ѧ) можетъ восходить къ ае. *ā (напр. стать, рыба), *ē (напр. часы; ае. *ē послѣ шипящихъ измѣнилось въ славянской вѣтви въ *а*); *Я (А)*=ст.-сл. ѧ можетъ восходить къ *ĕN (напр. пять, срв. литов. penkì, греч. πέντε) и къ *eN (напр. память, срв. литов. atmintis).

2) *О* (см. выше стр. 73, сноска 2).

3) *Е* = ст.-сл. є обычно восходитъ къ ае. *ĕ (напр везу), а кромѣ того оно можетъ быть чисто русскимъ гласнымъ въ такъ наз. первомъ полногласіи (берегу); *Е* = ст.-сл. ь можетъ восходить къ ае. *ĭ (т. е. бѣглое *е*, напр. день), къ ае. *e представляющему собою ослабленіе *ĕ, напр. въ случаѣ т. наз. втораго полногласія (срв. вертѣть, смертъ).

4) *Ѣ* = ае. *ē (дѣлать), *ŏi (цѣна), ăi (лѣвый).

5) *У* = ае. *ŏu (*буд*ить), *ŏN (пу*ть*, вез*утъ*).

6) *Ю* = ае. *ĕu (бл*ю*сти), *ŏu (кол*ю*тъ, т. е. въ мягкомъ типѣ спряженія).

7) *И* = ае. *ēi (видѣть), *ī (грива. скт. grīvā), а также является въ случаяхъ славянскаго подъема въ видѣ чередованія ĭ ‖ ī (лѣнуть ‖ прилипать).

8) *Ы* = ае. *ŭ (напр. ты срв. лат. tū), а также въ славянскомъ подъемѣ въ видѣ чередованія ŭ ‖ ū (с*ы*пать ‖ засыпать).

Глава V.

Консонантизмъ: физіологическія измѣненія согласныхъ въ положеніи передъ гласными и другими согласными; акустическія замѣны.

Явленія въ области согласныхъ мы можемъ прежде всего раздѣлить на *физіологическія* измѣненія и *акустическія* замѣны. Разсматривая первыя, необходимо имѣть въ виду, что они имѣютъ мѣсто не при всякомъ сочетаніи звуковъ: въ однихъ сочетаніяхъ согласные болѣе устойчивы, въ другихъ же менѣе устойчивы. Изучая физіологическія измѣненія согласныхъ въ разныхъ сочетаніяхъ, мы разсмотримъ сначала измѣненія согласныхъ въ сочетаніи съ гласными звуками, а затѣмъ измѣненія въ сочетаніи съ другими согласными.

I. Физіологическія измѣненія.

А. *Сочетанія согласныхъ съ гласными.* Согласные въ сочетаніи съ орѳографическими гласными *А*, *О*, *У*, *Ы* не измѣняются, а потому мы обратимся къ разсмотрѣнію измѣненій согласныхъ въ сочетаніи съ гласными, обозначаемыми въ орѳографіи черезъ *Е*, *Ѣ*, *И* (*І*). Въ сочетаніи съ послѣдними согласные представляютъ измѣненія, называемыя *смягченіемъ* и зависящія отъ того, что означенные гласные произносятся или же произносились прежде при приближеніи къ небу средней

части языка; [1]) эта артикуляція, сообщаясь предшествующему согласному, вызывала мягкое его произношеніе. Разсмотримъ измѣненія разныхъ согласныхъ въ сочетаніи со смягчающими гласными: согласные *губные* и *передне-язычные* смягчаются въ соотвѣтствующіе мягкіе, срв. труба || труб'ѣ (трубѣ), вѣда́ || вѣд'ѣ (водѣ); согласные *задне-язычные* въ сочетаніи со смягчающими гласными измѣнились въ согласные шипящіе, срв. пра́рок || пра́рочьт' (пророчить), мно́гй || мно́жът' (множить), стра́х || стра*шы*т' (страшить). Измѣненіе к→ч, г→ж, х→ш произошло такимъ образомъ, что согласные *к*, *г* и *х* сначала смягчились въ *к'*, *г'* и *х'*, а затѣмъ эти послѣдніе постепенно переродились въ мягкіе *ч*, *ж* и *ш*. Такимъ образомъ, согласные губные и передне-язычные въ своемъ смягченіи прошли только одну фазу (напр. п.....п', т....т'), согласные задне-язычные прошли двѣ фазы (напр. к....к' .....ч). Смягченіе задне-язычныхъ согласныхъ въ шипящіе свойственно всѣмъ славянскимъ языкамъ и потому развитіе этого смягченія можно отнести ко временамъ славянскаго праязыка, смягченіе же согласныхъ губныхъ и передне-язычныхъ въ соотвѣтствующіе мягкіе подъ вліяніемъ слѣдующихъ палятальныхъ гласныхъ, наблюдаемое лишь въ нѣкоторыхъ изъ славянскихъ языковъ, слѣдуетъ считать развившимся уже при обособленіи послѣднихъ. И такъ, *смягченіе передъ палятальными гласными задне-язычныхъ согласныхъ въ шипящіе древнѣе смягченія передне-язычныхъ и губныхъ согласныхъ въ соотвѣтствующіе мягкіе* [2]). Задне-язычные согласные кромѣ смягченія въ шипящіе знаютъ еще смягченіе въ свистящіе

---

[1]) Нёбо по-латыни palatum, почему эти гласные нерѣдко называются палятальными или нёбными, хотя правильнѣе называть по дѣйствующему органу—средне-язычными.

[2]) Къ разсматриваемой группѣ относятся также случаи смягченія согласныхъ передъ ореограф. *Я* (послѣ шипящихъ—*А*) = ст.-сл. ѧ (напр. пять=ст.-сл. ПѦТЬ, начать=ст.-сл. НАѦТИ), такъ какъ сначала здѣсь былъ

(к⇒п, г⇒з, х⇒с). Это смягченіе обычно встрѣчается передъ *ѣ* позднѣйшаго происхожденія (т. е. передъ *ѣ* изъ дифтонговъ ае. **ǒi* и **ăi*), напр. въ словѣ *цѣна* (срв. литов. kaina, греч. *ποινή*); такое смягченіе наблюдается въ церковно-славянскомъ языкѣ въ Дат. и Предл. ед. основъ на задне-язычный согласный (напр. рѫцѣ, ногѣ, доусѣ и т. п.), а также въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіи, но въ великорусскомъ оно замѣнилось соотвѣтствующимъ согласнымъ задне-язычнымъ по аналогіи къ другимъ падежамъ (срв. рукѣ, ногѣ, духѣ). *Смягченіе задне-язычныхъ согласныхъ въ свистящіе* (*цѣна* и пр.) *принадлежитъ болѣе поздней эпохѣ по сравненію со смягченіемъ въ шипящіе*, въ зависимости отъ того, что *ѣ* въ этомъ случаѣ образовалось изъ дифтонга сравнительно поздно, *но это смягченіе все-таки древнѣе разсмотрѣннаго выше смягченія передне-язычныхъ и губныхъ согласныхъ*. Наконецъ, нужно указать уже сравнительно *новый слой* современныхъ мягкихъ задне-язычныхъ согласныхъ въ слогахъ *ки*, *ги*, *хи* изъ древнихъ слоговъ *кы*, *гы*, *хы*, напр. *гибель* (ст.-сл. гыбѣль), Род. ед. *руки* (ст.-сл. рѫкы) и т. п.

Б. *Сочетанія согласныхъ съ согласными.* При сочетаніи согласныхъ съ согласными наблюдаются разнообразные случаи аккоммодаціи [1]), сводящіеся главнымъ образомъ къ *ассимиляціи* или *уподобленію* и частію къ *диссимиляціи* или *расподобленію*. Мы должны напомнить, что

смягчающій гласный *е* съ носовымъ назвукомъ; сюда же принадлежатъ случаи смягченія согласныхъ передъ гласнымъ ь (ĭ) впослѣдствіи исчезнувшимъ (напр. т'ма = орѳ. *тьма*, лóш=орѳ. *ложь*, гдѣ *ж* изъ *г*, срв. *лать*).

[1]) Подъ *аккоммодаціею* звуковъ понимаются измѣненія звуковъ въ направленіи *удобства* произношенія; терминъ происходитъ отъ латинскаго слова *commodus* «удобный».

разныя комбинаціи согласныхъ неодинаково удобосочетаемы, вслѣдствіе чего однѣ изъ нихъ, болѣе *удобосочетаемыя*, являются болѣе устойчивыми противъ измѣненій, другія же, будучи *неудобосочетаемы*, измѣняются въ направленіи удобства или облегченія, какъ бы согласно началу экономическому (срв. *к* въ сочетаніи съ *в* сохраняется глухимъ, напр. въ выраженіи „къ вамъ“, тогда какъ передъ *д* измѣнилось уже въ соотвѣтствующій звонкій, т. е. *г*, напр. въ выраженіи „къ дому“). Въ аріо-европейскихъ языкахъ направленіе при ассимиляціи согласныхъ обычно бываетъ *регрессивное* (идущее назадъ), т. е. слѣдующій звукъ оказываетъ вліяніе тѣмъ или другимъ своимъ свойствомъ или свойствами на предшествующій звукъ, напр. *фтом* (= орѳ. въ томъ), *ланнo* вм. ладно (въ части сѣв.-великорусскихъ говоровъ) и т. п. Кромѣ указанныхъ случаевъ, гдѣ дѣйствіе ассимиляціи происходитъ между непосредственно соприкасающимися звуками, есть еще случаи ассимилирующаго дѣйствія одного согласнаго на другой на разстояніи, т. е. когда согласные принадлежатъ двумъ разнымъ слогамъ и раздѣлены гласнымъ, напр. срв. вульгарное произношеніе „*ш*ашинька“ (гдѣ *ш* вм. с) и т. п.

Разнообразныя явленія аккоммодаціи согласныхъ мы разсмотримъ въ той послѣдовательности, въ которой мы обозрѣвали, при изложеніи физіологіи рѣчи, отдѣльныя части говорильнаго аппарата.

1) *Дыхательный аппаратъ*. Наблюденій надъ аккоммодаціею согласныхъ по дѣятельности дыхательнаго аппарата почти еще нѣтъ; можно только сказать, что различія силы выдыханія при ударенности и неударенности свойственны не только гласнымъ звукамъ, но также и согласнымъ, при чемъ—какъ уже упоминалось—въ связи съ измѣненіемъ силы выдыханія измѣняется и напряженность дѣйствія органовъ произношенія.

2) *Гортань*. Какъ мы знаемъ, въ зависимости отъ разнаго дѣйствія гортани согласные распадаются на звонкіе и глухіе. Вполнѣ естественно, что сочетанія глухихъ согласныхъ съ глухими (напр. от*т*уда) и звонкихъ съ звонкими (напр. об*д*ѣлать), какъ вполнѣ удобосочетаемыя, измѣненію по дѣйствію гортани не подлежатъ. Если же приходитъ въ соприкосновеніе глухой согласный съ слѣдующимъ звонкимъ, но не-плавнымъ, не-носовымъ, также не *в* и не *j*, то происходитъ уподобленіе, напр. въ выраженіи „*съ* *д*омъ“ глухой звукъ *с* передъ звонкимъ *д* измѣнился въ соотвѣтствующій звонкій, т. е. *з*; въ случаяхъ же „*св*ой“, „съёмка“(=*сj*о́мкă), „*сл*абый“, „*съ* *н*ами“, т. е. въ положеніяхъ передъ *в*, *j*, плавнымъ или носовымъ согласнымъ, глухой согласный не измѣнился въ звонкій, такъ какъ такія сочетанія глухаго согласнаго съ звонкимъ удобопроизносимы и безъ ассимиляціи. Что касается обратнаго случая, когда звонкій согласный приходитъ въ соприкосновеніе съ слѣдующимъ глухимъ, то всѣ звонкіе согласные, для которыхъ имѣются парные глухіе, измѣняются въ глухіе, напр. ба*б*ка, ла*в*ка и т. п. произносятся ба́*п*кă, ла́*ф*кă; непарные согласные, т. е. плавные, носовые и *j*, передъ слѣдующими глухими согласными естественно сохраняются звонкими (напр. ка*рт*а, *лент*а, по*йт*и, ла*йк*а), хотя иногда болѣе или менѣе заглушаются въ особенно благопріятствующихъ для того условіяхъ (напр. надсмот*р*щикъ). Здѣсь же упомянемъ о замѣнѣ звонкихъ согласныхъ (опять за исключеніемъ плавныхъ, носовыхъ и j) глухими въ концѣ слова; напр. слова—да*въ*, са*дъ* и пр. произносятся да́*ф*, са́*т* и т. д.; въ словахъ же—да*ръ*, да*лъ*, да*мъ*, да*нъ*, да*й* конечные согласные сохраняютъ свою звонкость; впрочемъ конечные плавные и носовые, предшествуемые глухимъ согласнымъ и особенно двумя глухими (срв. драх*мъ*, магист*ръ*), могутъ быть болѣе или менѣе заглушены. Этимъ объясняютъ дальнѣйшее исчезновеніе конечнаго приглушеннаго *-л* въ прош. времени

глаголовъ въ положеніи послѣ орѳографическихъ *б*, *к*, *г*, *х*, *с*, *з* и *р* (гребъ вм. гребль, срв. ж. р. гребла; текъ, могъ, опухъ, несъ, везъ, теръ) и въ сущ. рубль, нерѣдко произносимомъ какъ ру́п'.

3) *Мягкое небо.* Въ отношеніи мягкаго неба русскій языкъ почти не представляетъ явленій аккоммодаціи согласныхъ, такъ какъ чистые (не-носовые) согласные сохраняются передъ слѣдующими носовыми (напр. надобно, страшно) и наоборотъ (напр. лента), хотя нѣкоторые случаи аккоммодаціи наблюдаются въ народныхъ говорахъ (напр. ланно). Своеобразный случай аккоммодаціи представляетъ развитіе вторичнаго *д* между носовымъ согласнымъ *н* и дрожащимъ *р* въ народн. произношеніи ндравъ вм. нравъ. Постараемся разъяснить физіологически этотъ случай. При переходѣ отъ *н* къ слѣдующему *р* сходная работа гортани (оба они звонкіе) сохраняется, смѣниться же должны артикуляція мягкаго неба (такъ какъ при *н* мягкое небо опущено, а при *р* поднято) и еще передней части языка (хотя оба звука требуютъ дѣйствія передней части языка, но при произношеніи *н* оно совершается относительно верхнихъ зубовъ и по способу имѣетъ характеръ замкнуто-взрывной, тогда какъ *р* согласный по мѣсту артикуляціи альвеолярный, а по способу произношенія дрожащій). Не трудно видѣть, что смѣна уложенія мягкаго неба болѣе проста и легка, нежели смѣна въ уложеніи языка, вслѣдствіе чего перемѣна въ уложеніи мягкаго неба легко можетъ наступить раньше, нежели начнется перемѣна положенія языка и въ этотъ моментъ звукъ утратитъ свой носовой характеръ, вслѣдствіе чего должно послышаться *д*; отъ этого послѣдняго согласнаго, при которомъ, какъ не-носовомъ, прижатіе органа произношенія болѣе сильно, переходъ къ произношенію *р* уже легокъ, такъ какъ теперь движеніе исходитъ какъ бы отъ болѣе твердой точки опоры; здѣсь мы видимъ, что и зарожденіе новаго звука вызывается условіями удобства произношенія, при чемъ самая аккоммодація являет-

ся сложною, такъ какъ касается взаимнаго приспособленія работъ *мягкаго неба + органа произношенія.*

4) *Органы произношенія:*

а) *мѣсто артикуляціи.* Въ общемъ, согласные звуки въ русскомъ языкѣ являются устойчивыми относительно мѣста артикуляціи, вслѣдствіе чего ассимиляція въ разсматриваемомъ отношеніи встрѣчается лишь въ узкихъ предѣлахъ. Здѣсь отмѣтимъ прежде всего случаи ассимиляціи при соприкосновеніи передне-язычныхъ согласныхъ зубныхъ и альвеолярныхъ (напр. вм. „*съ шапкой*“ говорится ша́пкъj) и затѣмъ при соприкосновеніи согласныхъ твердыхъ, т. е. произносимыхъ безъ участія средней части языка, съ мягкими, произносимыми съ участіемъ средней части языка (напр. „*свѣтъ*“ произносится *с*в'ӕ̀т). Если въ словѣ „*послѣ*“ *с* произносится мягко передъ мягкимъ *л*, а въ выраженіи „*несъ-ли*“ при тѣхъ же фонетическихъ условіяхъ произносится твердо, то эта разница объясняется тѣмъ, что во второмъ случаѣ твердое произношеніе *с* обязано вліянію аналогіи отдѣльнаго произношенія того же слова („несъ“), т. е. безъ частички -ли. Въ такихъ случаяхъ, какъ т'ˌм'ӕ̀ (тьмѣ, ст.-сл. тьмѣ) мягкость согласнаго *т*, вызвана не слѣдующимъ мягкимъ *м*, но гласнымъ ъ (ĭ), слѣдовавшимъ нѣкогда за *т*. Если же смягчающій гласный ъ (ĭ) исчезалъ передъ твердымъ согласнымъ, то вызванная имъ мягкость предшествующаго согласнаго въ однихъ условіяхъ удерживается (особенно передъ губными и задне-язычными, напр. *тьма*, *усадьба*)[1]), при другихъ же условіяхъ наступило его отвердѣніе передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ (особенно передъ передне-язычными, срв. *славно*=славьно, *братъ*=бьратн

[1]) Особенность представляетъ только мягкое *р*, которое при тѣхъ же условіяхъ можетъ встрѣчаться и отвердѣвшимъ, напр. *первый*=п'ӗ́р'въj, чаще п'ӕ́рвъj, *верхъ*=в'ӗ́р'х, иногда в'ӕ́рх.

и даже передъ отвердѣвшимъ *ц*, напр. вѣн*ц*а, куп*ц*а) [2]).—Теперь мы перейдемъ къ древнѣйшимъ случаямъ смягченія согласныхъ—посредствомъ j. Особенно удобно изучать это смягченіе въ формахъ настоящаго времени такихъ глаголовъ, въ которыхъ это время образуется съ j, какъ напр. писать || пи*ш*у (*ш* изъ cj); разсмотрѣніе этихъ глаголовъ приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ: а) *губные* согл.+j измѣнились въ губн. согл+л', напр. тре*пл*ю (срв. трепать), коле*бл*ю, дре*мл*ю, б) согласные передне-язычные *т, д, с, з*+j измѣнились въ шипящіе, напр. пря*ч*у, гло*ж*у, пи*ш*у, ма*ж*у; в) согласные передне-язычные плавные *л, р* и носовой *н*+j измѣнились въ соотвѣтствующіе мягкіе, т. е. *л', р', н'*, напр. стелю, ор*ю*, сте*н*ю; наконецъ, г) согласные *задне-язычные*+j измѣнились въ шипящіе, напр. пла*ч*у, движу, па*ш*у, и*щ*у. Смягченіе посредствомъ j наблюдается еще въ сравнительной степени прилагательныхъ и нарѣчій, оканчивающейся на *-е* (-je), напр. деше*вл*е изъ *дешевје (срв. дешевый), хуже изъ *худје (срв. худой), а также въ нѣкоторыхъ существительныхъ и прилагательныхъ, въ образованіе которыхъ привошло j, напр. ме*ж*а (срв. лат. media), чу*ж*ой (К. чуд-). Въ глаголахъ втораго спряженія въ 1 ед. наст. j развилось изъ гласнаго *і* передъ другимъ гласнымъ, напр. кра*ш*у (ш←cj←си) || крас*и*ть, моро*ж*у || моро*з*ишь, ло*вл*ю || ло*в*ишь, гру*щ*у || гру*ст*ишь и пр.; иностранные глаголы, вошедшіе въ этотъ типъ спряженія, слѣдуютъ тѣмъ же законамъ чередованія согласныхъ, какъ и природные глаголы, напр. гра*фл*ю || гра*ф*ишь, конфу*ж*у || конфу*з*ишь и т. п. Въ церковно-славянскомъ языкѣ законы смягченія согласныхъ посредствомъ j тѣ же, что̀ и въ русскомъ языкѣ, за исключеніемъ согласныхъ *т* и *д*, изъ которыхъ первый смягчается въ **шт** (**щ**), а второй въ **жд**, напр. **свѣшта**=

[2]) Исключеніе представляетъ мягкое *л*, которое при всякихъ условіяхъ сохраняетъ свою мягкость, срв. *льна*=л'на́ и пр.

рус. свѣ*ч*а, ме*ж*да=рус. ме*ж*а; отсюда, такія слова въ русскомъ языкѣ, какъ освѣ*щ*еніе, ме*ж*ду при чисто русскомъ ме*ж*ъ, гра*ж*данинъ при чисто русскомъ горо*ж*анинъ, и проч.—должны объясняться заимствованіемъ изъ церковно-славянскаго языка. Всматриваясь въ явленіе смягченія согласныхъ посредствомъ *j*, не трудно замѣтить, что этотъ процессъ привелъ въ русскомъ языкѣ къ частному совпаденію согласныхъ передне и задне-язычныхъ въ шипящихъ звукахъ; такъ, *ч* можетъ происходить изъ *tj* и *kj* (также изъ смягченія *к* передъ слѣдующими палатальными гласными и изъ группъ *гт* и *кт* при слѣдующемъ палатальномъ гласномъ, напр. въ неопред. накл. „мочь“, „течь“ изъ *мог-ти, *тек-ти, и въ словахъ „ночь“ и „дочь“, какъ это видно изъ соотвѣтствующихъ литовскихъ словъ naktìs и duktẽ); *ж* можетъ происходить изъ *dj*, *зj*, *гj* (а также изъ *г* передъ смягчающими гласными) и, наконецъ, *ш* можетъ происходить изъ *сj* и *хj* (также изъ *х* передъ смягчающими гласными).

б) *способъ артикуляціи*. Здѣсь нужно указать на переходъ взрывнаго произношенія согласныхъ въ придувное, напр. *х*то́ = орѳ. *к*то, *ш*то́ = орѳ. *ч*то, ка̊п'*ѣ**ш*нъ = орѳ. коне*ч*но; *д*, *т* + *т*=*ст*, напр. упа*ст*ь, ме*ст*и, [1]) а затѣмъ и на полное изчезновеніе согласныхъ въ извѣстныхъ группахъ, напр. гру́с⊿нъj= орѳ. грустный. Здѣсь же укажемъ случаи зарожденія новаго согласнаго (передне-язычнаго взрывнаго) для удобства произношенія между передне-язычными придувными (*с*, *з*, *ш*, *ж*) и слѣдующимъ *р*, напр. въ словахъ одного и того же корня: „*стр*уя“ и „о*стр*овъ“ (срв. литов. sriovẽ); народн. „*стр*убъ“ вм. срубъ и т. д.

---

[1]) Въ приведенныхъ случаяхъ изъ двухъ соприкасающихся взрывныхъ первый переходитъ въ придувной (к→х, ч→ш, т→с), почему явленіе на основаніи этого внѣшняго признака называютъ *расподобленіемъ*; передъ взрывнымъ *к* согласный *ч* оказывается устойчивымъ и не измѣняется въ *ш*, напр. птичка, ручка и т. п.

5) Объ аккоммодаціи въ отношеніи работы *нижней челюсти* трудно говорить, въ виду болѣе или менѣе сходнаго раствора при согласныхъ, какъ съуженныхъ звукахъ.

II. Акустическія замѣны согласныхъ.

Акустическія замѣны звуковъ имѣютъ—какъ мы знаемъ—спорадическій характеръ и наблюдаются преимущественно въ простонародномъ языкѣ въ словахъ одинокихъ и заимствованныхъ, при чемъ особенно легко подвергаются замѣнамъ начальные согласные, какъ имѣющіе менѣе всего морфологической поддержки. [1]) Замѣны эти основываются на томъ или другомъ акустическомъ (слуховомъ) сходствѣ звуковъ, которое естественно находится въ соотношеніи съ анатомо-физіологическою природою тѣхъ же звуковъ. Представимъ теперь главнѣйшія категоріи акустическихъ замѣнъ, придерживаясь въ общемъ того же порядка, какъ и при разсмотрѣніи физіологическихъ измѣненій.

1) Смѣшеніе звонкихъ и соотвѣтствующихъ глухихъ согласныхъ; напр.: *э*такъ || *э*дакъ; *п*рыскать || *б*рызгать (здѣсь гармонируютъ между собою по звонкости и глухости начальный согласный корня и согласные суффикса); случаевъ смѣшенія не много, что̀ можетъ объясняться отчетливымъ различіемъ звуковъ въ русскомъ языкѣ той и другой категоріи.

2) Смѣшеніе носоваго съ соотвѣтствующимъ неносовымъ: діалектическое хобякъ вм. хомякъ, *б*аклакъ (псков.) вм. *м*аклакъ.

3) Смѣшеніе одного носоваго съ другимъ носовымъ же, особенно мягкихъ [2]): *М*икита вм. *Н*икита (такое произноше-

---

[1]) Нужно имѣть въ виду, что акустическія замѣны звуковъ нерѣдко усложняются вліяніемъ народной этимологіи.

[2]) Причина, почему мягкіе согласные легче смѣшиваются между со-

ніе извѣстно еще отъ XIV в.—грам. Рязан. кн. послѣ 1356 г.), уменьшит. *Миколя* вм. *Николя* (уже въ 1282 г.—*микула*), *небель*; примѣромъ смѣшенія тѣхъ же согласныхъ въ случаѣ твердаго произношенія можетъ служить народное произношеніе *мырять* вм. *нырять* (казан., нижегор., тамб.); нерѣдко встрѣчается въ просторѣчіи замѣна сочетанія *мб* посредствомъ *нб* (напр. *Синбирскъ*, *тунбычка*), быть можетъ—подъ вліяніемъ большей звучности сочетанія *нб*.

4) Смѣшеніе плавныхъ между собою (чаще мягкихъ). Звуки *л* и *р* очень сходны между собою, почему легко замѣняются одинъ другимъ, особенно въ неударяемыхъ слогахъ, часто для избѣжанія повторенія *р* въ двухъ слогахъ одного и того же слова; напр. *колидоръ*, Порфильевна, *секлетарь*, цырульникъ (польск. cyrulik, отъ лат. chirurgus; замѣна втораго *р* посредствомъ *л* можетъ стоять въ связи съ обычностью *-льникъ* въ концѣ словъ); примѣромъ замѣны твердаго *р* можетъ служить слово „пролубь“ (каз.); примѣръ замѣны *л'* посредствомъ *р'*: перемень (п'ьр'ем'ен') вм. пельмень (↑ къ *пере-*, при чемъ и вторая часть какъ будто получаетъ смыслъ—„мѣнять“); перестановка *л'* и *р'*: *пер*елинка (п'ьр'ел'инкă) вм. пелеринка (каз.; слово происходитъ отъ франц. la pèlerine) по аналогіи къ знаменательному сочетанію *пере-*.

5) Смѣшеніе плавныхъ съ передне-язычнымъ носовымъ, особенно мягкихъ: *сумлѣніе* вм. *сомнѣніе* (въ связи съ большею обычностью сочетанія мл' сравнительно съ мн'); въ примѣрѣ *маненькій*, *маненько* (каз.) сказывается вліяніе *н*

бою, нежели соотвѣтствующіе имъ твердые, заключается въ томъ, что при мягкихъ согласныхъ, вслѣдствіе приближенія къ небу средней части языка, артикуляціонныя полости уменьшены и потому зависящіе отъ нихъ мягкіе звуки оказываются болѣе сходными между собою, чѣмъ твердые.

смежнаго слога (въ словѣ же „мало“ нѣтъ этой замѣны, такъ какъ не было дальнѣйшаго слога съ *н*, послѣдовать же аналогіи производныхъ отъ него словъ не могло, такъ какъ имѣло твердое *л*); ярманка (ја́рмънкă) вм. ярмарка и фонтал҃ вм. фонтан҃ (на замѣну плавныхъ въ этихъ примѣрахъ посредствомъ *н* могла вліять обычность окончаній *нка* и *-а́л҃*.

6) Смѣшеніе твердыхъ взрывныхъ разнаго органа произношенія сравнительно рѣдко: „малькостъ“ (индивид. произн.) вм. „мальпостъ“; смѣшеніе же мягкихъ взрывныхъ передне-язычнаго и заднеязычнаго согласнаго, какъ особенно близкихъ между собою по артикуляціи, наблюдается въ простонародномъ языкѣ весьма нерѣдко, напр. *к*іятеръ, *ти*парисъ, анделъ; довольно обычна замѣна сочетаній *тл'* и *дл'* посредствомъ *кл'* и *гл'*, напр. ко*кл*еты, *гл*я (вм. *дл*я).

7) Смѣшеніе придувныхъ *х* и *ф*: *ф*омякъ вм. *х*омякъ (вят.; срв. выше иную замѣну въ томъ же словѣ —хобякъ, изъ чего видимъ, что акустическія замѣны звуковъ могутъ представлять варіаціи по говорамъ), ку*ф*арка; смѣшеніе твердаго задне-язычнаго взрывнаго съ соотвѣтствующимъ придувнымъ, напр. *к*уторъ вм. *х*уторъ, *к*ороводъ вм. хороводъ.

Случаи *перестановки* согласныхъ чаще наблюдаются при плавныхъ, напр. ка*лб*укъ вм. ка*бл*укъ, же*вл*акъ вм. же*лв*акъ. Объ *исчезновеніи* согласныхъ въ группахъ мы уже имѣли случай упомянуть выше; замѣтимъ еще, что неударенность при сравнительной маловажности даннаго звука также благопріятствуютъ исчезновенію, срв. произношеніе здра́сст'ъ вм. здравствуйте.

Чтобы закончить изложеніе фонетики, мы сгруппируемъ на основаніи всего предшествующаго изложенія въ хронологическомъ порядкѣ указывавшіяся нами эпохи, начиная съ древнѣйшихъ эпохъ славянскаго праязыка.

I. *Эпоха упрощенія однородныхъ дифтонговъ* *ĕi→ī,*ŏu→ū и *измѣненія дифтонга* *ĕu въ jū. [1])

II. *Эпоха смягченія задне-язычныхъ согласныхъ въ шипящіе.* Можно думать, что тогда же началось постепенное смягченіе всякихъ согласныхъ посредствомъ j; судя же по нѣкоторому различію рефлексовъ этого смягченія въ славянскихъ языкахъ, заключаемъ, что уже въ эту эпоху стали намѣчаться въ славянскомъ праязыкѣ нѣкоторыя діалектическія различія.

III. *Эпоха измѣненія* *ē→ā *послѣ шипящихъ и* j (напр. **къжагати**, легчайшій и т. п.).

IV. *Эпоха возникновенія ъ дифтонгическаго происхожденія и смягченія задне язычныхъ согласныхъ въ свистящіе.* Получившееся изъ дифтонга долгое ē совпало съ древнимъ *ē въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднее не измѣнилось въ *a*.

V. *Эпоха непереходнаго смягченія согласныхъ переднеязычныхъ и губныхъ подъ вліяніемъ слѣдовавшихъ за ними палятальныхъ гласныхъ*, съ нѣкоторыми различіями между діалектами славянскаго праязыка.

VI. *Эпоха русскаго полногласія* (а въ другихъ славянскихъ языкахъ—перестановки), *носовыхъ гласныхъ и вообще стремленія къ устраненію закрытыхъ слоговъ.*

VII. *Измѣненіе носовыхъ гласныхъ въ чистые въ русскомъ языкѣ*: *ō→у, ē→'а (т. е. *а* со смягченіемъ предшествующаго согласнаго).

VIII. *Эпоха двоякаго развитія* ъ и ь (ĭ) или, другими словами, эпоха образованія „бѣглыхъ“ гласныхъ *о* и *е*. Этотъ процессъ представляетъ нѣкоторую неодинаковость развитія

---

[1]) Когда наконецъ *ŏu далъ ū и *ĕu→jū, тогда старое ае. *ū болѣе или менѣе измѣнилось въ сторону ы, отчего и не произошло совпаденія этихъ разновременныхъ ū.

въ великорусскомъ и малорусскомъ нарѣчіи (именно—неодинаково комбинируется съ процессомъ слѣдующей эпохи), а потому уже въ эту эпоху необходимо предположить существованіе нѣкоторыхъ различій между сѣвернымъ и южнымъ отдѣломъ русскаго праязыка.

IX. *Эпоха измѣненія* 'е→'о, присоединяющаяся къ предъидущей. Въ эпоху древнѣйшаго дошедшаго до насъ письменнаго памятника—Остромирова Евангелія (полов. XI в.)—великорусское нарѣчіе представляло уже болѣе или менѣе развившимся явленіе бѣглыхъ гласныхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ болѣе или менѣе совершившимся измѣненіе 'е→'о. Съ этой эпохи изученіе исторіи русскаго языка уже начинаетъ опираться на письменные документы.

X. *Эпоха образованія акающаго произношенія въ великорусской области.* Въ памятникахъ первыя указанія аканья относятся къ XIV—XV в., но первыя фазы процесса естественно относить къ болѣе раннему времени. Въ самой великорусской области выдѣляются западные или бѣлорусскіе говоры, развивающіе полугласный ў изъ *в* передъ согласными, т. е. подобно смежному малорусскому нарѣчію, и кромѣ того *ц'* и *дз'* вм. *т'* и *д'*, т. е. сходно со смежнымъ польскимъ языкомъ.

Не должно однако представлять себѣ установленныя здѣсь эпохи рѣзко ограниченными: явленія, начавшіяся въ одну, могли и не закончиться въ ней, но продолжаться и закончиться въ слѣдующую или слѣдующія эпохи, и такимъ образомъ эпохи могутъ какъ бы частично налегать одна на другую. Далѣе, эпохи могли быть длинными періодами, въ которые могли развертываться и другіе процессы; при болѣе детальномъ изслѣдованіи можно будетъ, слѣдовательно, установить въ главныхъ эпохахъ болѣе частныя,—пріемы лингвиста въ этомъ случаѣ представляютъ большое сходство съ

пріемами геолога. Наконецъ, при представленіи прошлаго состоянія языковъ нужно помнить, что въ различныхъ діалектахъ одни и тѣ же процессы нерѣдко развертываются съ неравномѣрною скоростью.

Морфологія.

Глава VI.

Введеніе въ морфологію: отношеніе между фонетикою и морфологіею; морфологическія категоріи, морфологическіе процессы и факторы, съ психологическимъ ихъ освѣщеніемъ.

Въ *фонетикѣ* мы изучали звуковыя явленія, происходящія въ словахъ и ихъ знаменательныхъ частяхъ и, такимъ образомъ, имѣли дѣло съ простѣйшими элементами слова—звуками. *Морфологія* изучаетъ въ словахъ не отдѣльные звуки, но знаменательныя (морфологическія) части словъ, каковы: корень, префиксъ, суффиксъ, окончаніе и основа; при этомъ она показываетъ, какъ языкъ пользуется ими для измѣненія словъ по склоненіямъ и спряженіямъ, а также для словопроизводства. Вмѣстѣ съ тѣмъ морфологія группируетъ самыя слова по характеру ихъ значенія и формы въ тѣ наиболѣе крупные разряды, которые извѣстны подъ названіемъ частей рѣчи. Прежде чѣмъ приступить къ изложенію морфологіи русскаго языка, мы дадимъ предварительно общія понятія о морфологическихъ категоріяхъ и ихъ измѣненіяхъ во времени, стараясь освѣтить всѣ эти вопросы съ точки зрѣнія психологической.

Морфологическія части словъ, флексія и словопроизводство. Слова нашей рѣчи, имѣя опредѣленное значеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ разлагаются на части, тоже имѣющія значеніе— на части знаменательныя или морфологическія (называемыя также морфемами), каковыми являются: *корень*, *префиксъ*, *суффиксъ*, *окончаніе* и *основа*. Такъ, напр., въ словѣ „набрасывалъ" часть *брас*—главная, к о р е н ь, выражаетъ идею извѣстнаго дѣйствія; къ этой части, сосредоточивающей въ себѣ главное значеніе слова, присоединяются придаточныя морфологическія части, дополняющія главное значеніе; напр. въ томъ же словѣ—морфологическая часть *на*, предшествующая корню и указывающая направленіе дѣйствія (именно— выражаетъ, что дѣйствіе, обозначенное корнемъ, направляется на поверхность чего-нибудь), называется п р е ф и к с о м ъ, морфологическая часть *ыв*, стоящая между корнемъ и окончаніемъ и указывающая на характеръ или способъ дѣйствія (на многократный и также несовершенный видъ дѣйствія), называется с у ф ф и к с о м ъ и, наконецъ, послѣдняя морфологическая часть *ал*, показывающая, что общее значеніе всѣхъ предшествующихъ частей слова нужно понимать въ смыслѣ одного изъ трехъ лицъ ед. ч. (смотря по подлежащему) прошедшаго вр. муж. р., называется о к о н ч а н і е м ъ; совокупность морфологическихъ частей, предшествующихъ окончанію (въ нашемъ примѣрѣ *на*+*брас*+*ыв*), называется о с н о в о ю (темою) слова. Въ томъ случаѣ, когда корень слова не распространенъ ни префиксомъ, ни суффиксомъ, основа въ словѣ совпадаетъ съ корнемъ, напр. *вед*-у, *сад*-омъ. Не трудно видѣть, что морфологическія части слова не имѣютъ въ языкѣ независимаго существованія, всегда являясь соединенными между собою для образованія словъ.

При морфологическомъ дѣленіи слова самымъ крупнымъ является дѣленіе на *основу* и *окончаніе*. Здѣсь нужно отмѣтить рѣзкую разницу между этими частями по характеру зна-

ченія: основа, значеніе которой образуется изъ корневаго значенія, дополненнаго значеніемъ префикса и суффикса, является носителемъ *собственнаго значенія слова*, присоединяющіяся же къ основѣ окончанія служатъ для показанія *отношеній* между собственными значеніями словъ въ предложеніи. Такимъ образомъ, окончанія имѣютъ *синтаксическое* значеніе, такъ какъ при помощи ихъ слова соединяются въ предложенія.

Примѣчаніе. Говоря объ основѣ, необходимо указать на неточность, которая содержится въ томъ опредѣленіи, какое она обыкновенно имѣетъ въ учебникахъ, т. е. что «основою называется *неизмѣняемая* часть слова при склоненіи или спряженіи». Такое опредѣленіе, очевидно, опирается на общепринятое правописаніе словъ; но какъ скоро мы обратимся къ живому произношенію, то встрѣчаемся съ варіаціями (разновидностями) основы. Такъ, напр., разсматривая склоненіе слова «годъ» въ живомъ произношеніи, мы откроемъ рядъ звуковыхъ варіацій основы: 1) конечный согласный основы (т. е. *д*) сохраняется звонкимъ передъ окончаніями, начинающимися съ гласнаго (напр. го́дъ̆, го́дꙋ̆ и т. д.), на концѣ же слова смѣняется соотвѣтствующимъ глухимъ (го́*т*); далѣе, тотъ же согласный основы (т. е. *д*) является твердымъ передъ несмягчающими гласными, но передъ окончаніемъ -ѣ̆ (*ѣ*) смѣняется на соотвѣтствующій мягкій (го́*д'*ѣ̆); 2) что касается гласнаго основы, то въ зависимости отъ мѣста ударенія онъ является или ударнымъ о́ (напр. го́ду) или же неударяемымъ а̊ (напр. га̊да́), а затѣмъ находится или въ открытомъ слогѣ или же закрытомъ, передъ твердымъ или же мягкимъ согласнымъ; 3) начальный согласный основы (*г*) является наименѣе варіирующимъ, такъ какъ находится почти въ однообразныхъ условіяхъ; онъ варіируетъ лишь въ отношеніи ударенности и неударенности (срв. го́дꙋ̆ ‖ га̊да). Звуковыя варіаціи открываемъ и въ присоединяющихся къ основѣ окончаніяхъ; такъ напр. слова «рабомъ» и «садомъ» орѳографически представляютъ совершенно одинаково написанное окончаніе, въ живомъ же произношеніи эти окончанія различаются: раб-о́м ‖ са́д-ъм. Вообще, каждая морфологическая часть можетъ представлять варіаціи звуковъ соотвѣтственно существующимъ въ языкѣ звуковымъ чередованіямъ, изученіе которыхъ относится къ фонетикѣ. Въ такихъ случаяхъ, какъ пек-у ‖ печ-ешь даже и орѳографія указываетъ на звуковое чередованіе въ основѣ. Ученіе объ основѣ, какъ о неизмѣняемой части, можетъ быть приложимо развѣ къ исходному состоянію въ аріо-европейскомъ праязыкѣ, предшествовавшему возникавшимъ въ разныя эпохи фонетическимъ видоизмѣненіямъ основы.

Въ области окончаній нужно разъяснить своеобразный ихъ характеръ, который они имѣютъ *въ разныхъ частяхъ рѣ-*

ии. Сначала отмѣтимъ разницу между глагольными и падежными окончаніями, состоящую въ томъ, что личныя окончанія глагола представляютъ синтаксически бо́льшую независимость по сравненію съ падежными окончаніями существительныхъ. Такъ, если я употреблю въ рѣчи просто личную форму глагола (особенно первыхъ двухъ лицъ), напр. „иду“, то эта форма будетъ вполнѣ понятна слушающему, тогда какъ если скажу какую-нибудь падежную форму, напр. „столу“, то на основаніи этой формы, отдѣльно сказанной, слушателю остается неяснымъ, что̀ именно я хотѣлъ выразить. Причина этой разницы заключается въ томъ, что при личной формѣ глагола подразумѣвается личное мѣстоименіе соотвѣтствующаго лица какъ подлежащее, вслѣдствіе чего личная форма глагола имѣетъ смыслъ предложенія, тогда какъ отдѣльная падежная форма существительнаго (за исключеніемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ Именит. и Зват. падежа, а въ отвѣтахъ и другихъ падежей) не можетъ принимать смысла предложенія. Падежныя окончанія прилагательныхъ, употребляющихся не въ смыслѣ существительныхъ, служатъ не столько для указанія падежнаго оттѣнка значенія, сколько для согласованія съ существительнымъ, т. е. для обозначенія того, къ какому существительному прилагательное относится. Чрезъ присоединеніе къ основѣ мѣняющихся окончаній получается въ языкѣ *словоизмѣненіе* или *флексія*, т. е. грамматическія системы склоненій и спряженій. [1])

Мы говорили, что основа можетъ совпадать съ корнемъ слова, но чаще она представляетъ собою распространеніе корня *префиксами* и *суффиксами*; напр. въ словѣ „*вод*-а“ основа и корень совпадаютъ, но отъ того же корня имѣются

[1]) Иногда въ грамматическихъ сочиненіяхъ и самыя окончанія, присоединяющіяся къ основѣ, называются флексіями, но это не совсѣмъ точное примѣненіе термина.

и распространенныя основы, напр. *водиц*-а, *водичк*-а, *водян*-ой, *водянк*-а, *водн*-ый, *безводн*-ый, *обезвод*-ить и т. п. Въ томъ случаѣ, когда основа совпадаетъ съ корнемъ, соотвѣтствующія слова называются *корневыми*, напр. „*вод*-а"—корневое существительное, „*льв*-ый"—корневое прилагательное, *пек*-у—корневой глаголъ и т. п.; если же основа получается путемъ прибавленія суффиксовъ или префиксовъ, то соотвѣтствующія слова называются *производными*, напр. отъ корневаго существительнаго „вода" происходитъ производное сущ. „*водиц*-а", а отъ послѣдняго новое производное сущ. „*водичк*-а" и т. п.; при этомъ слово, отъ котораго непосредственно производится другое, по отношенію къ послѣднему называется его *производящимъ*. Префиксы и суффиксы, служа для образованія основъ, рѣзко отличаются по значенію отъ флексіи: они служатъ для полученія новаго *собственнаго* значенія слова, тогда какъ флексія служитъ для показанія *отношеній* между собственными значеніями словъ въ предложеніи. Теперь разъяснимъ разницу по характеру значенія между префиксами и суффиксами: основное значеніе первыхъ заключается въ указаніи направленія дѣйствій (напр. *пере*возить), а также въ указаніи пространственныхъ отношеній (напр. *под*свѣчникъ), основное же значеніе вторыхъ—классифицирующее, т. е. заключается въ указаніи класса представленій, въ который зачислено данное представленіе. Отсюда становится понятнымъ, почему именно *существительныя* представляютъ наибольшее богатство и разнообразіе суффиксовъ, а именно—соотвѣтственно обилію и разнообразію предметовъ, подлежащихъ группировкѣ; глаголы же, будучи бѣдны суффиксами, широко пользуются префиксами. Что касается въ частности суффиксовъ, то ихъ значеніе двояко: а) основное значеніе остается то же, измѣняется только оттѣнокъ, какъ напр. въ уменьшительныхъ существительныхъ (срв. столъ<*столикъ*), б) получается новое представленіе, хотя и стоящее въ нѣкоторомъ соотношеніи къ то-

му представленію, которое принадлежитъ производящему слову, напр. печь<печ-*никъ* (послѣднее существительное обозначаетъ уже совсѣмъ другой предметъ—человѣка, дѣлающаго печи), при чемъ самое отношеніе по смыслу между производящимъ и производнымъ остается невыраженнымъ, подразумѣвается; нужно еще прибавить, что во второмъ случаѣ, т. е. при производствѣ словъ съ новымъ собственнымъ значеніемъ, можетъ мѣняться и часть рѣчи, напр. домъ<домовой<домовникъ<домовничать. Мы видимъ здѣсь, что производство словъ съ новымъ собственнымъ значеніемъ при посредствѣ суффиксовъ указываетъ на замѣчательную экономію силъ, какая обнаруживается въ языкѣ при нахожденіи словесныхъ символовъ для обозначенія новыхъ идей, такъ какъ прибавка соотвѣтствующаго суффикса избавляетъ отъ труда создаванія совсѣмъ новыхъ словъ. Имѣя ограниченный рядъ корней и придаточныхъ элементовъ, говорящій получаетъ возможность путемъ сочетанія ихъ выражать всю массу представленій.

Особый случай словопроизводства представляютъ *сложенія* (сложныя слова), напр. водолазъ, черноглазый, боготворить и т. п. Словосложеніе тоже касается собственнаго значенія словъ и служитъ восполненіемъ обыкновеннаго (суффиксальнаго) производства. Связь между ними ясно видна въ томъ случаѣ, когда языкъ, слабо развивъ одинъ способъ словопроизводства, компенсируетъ (вознаграждаетъ) его другимъ; такъ, въ нѣмецкомъ языкѣ существительныя очень бѣдны суффиксами, вслѣдствіе чего тамъ многимъ русскимъ суффиксамъ существительныхъ соотвѣтствуетъ употребленіе сложеній; напр. въ русскомъ языкѣ классъ ягодъ обычно выражается посредствомъ суффикса *-ика* или *-ника*, напр. *ежевика*, *земляника* и т. д., а въ нѣмецкомъ видимъ сложенія съ словомъ *beere* т. е. „ягода“ (срв. *земляника*=н ѣ м. Erdbeere, *ежевика*=Brombeere, *костяника*=Steinbeere, *черника*=Heidelbeere, Schwarzbeere и т. п.), или многимъ русскимъ существительнымъ на *-никъ*

(какъ напр. *сапожникъ* и т. п.) въ нѣмецкомъ соотвѣтствуютъ сложенія съ словомъ *-macher* т. е. „дѣлающій“ (Stiefelmacher и т. п.). Второй членъ сложеній, въ случаѣ своей большой употребительности, иногда понижается въ своей знаменательности до роли суффикса, примѣровъ чего не мало встрѣчаемъ опять-таки въ нѣмецкомъ (таковы суффиксы -bar, -haft, -tel и др.); въ русскомъ языкѣ въ такихъ сложныхъ прилагательныхъ, какъ „стекловидный“ и т. п., вторая часть *-видный* стала уже если не вполнѣ, то почти суффиксомъ. Какъ при обыкновенномъ словопроизводствѣ, такъ и въ сложеніяхъ содержится элементъ *подразумѣваемости*: подразумѣвается (остается невыраженнымъ, предоставляется догадливости слушателя, угадывается) отношеніе между представленіями, обозначаемыми обоими членами сложенія (срв. водолазъ || водовозъ). Благодаря возможности подразумѣванія въ сложеніяхъ, послѣднія нерѣдко составляются изъ цѣлыхъ выраженій (напр. немогузнайка и т. п.). Въ русскомъ языкѣ кромѣ природныхъ сложеній встрѣчаемъ не мало переводныхъ, которыя частію вошли въ языкъ въ древнее время при переводѣ съ греческаго (богатаго сложеніями) книгъ церковныхъ сочиненій для назидательнаго чтенія (срв. благоуханіе = *εὐωδία*, благодушіе = *εὐψυχία*, малодушіе = *μικροψυχία*, первообразный = *ἀρχέτυπος*, сребролюбіе = *φιλαργυρία* и др.), частію же въ новое время при переводѣ Одиссеи Жуковскимъ, который ввелъ цѣлый рядъ новыхъ сложныхъ прилагательныхъ, образованныхъ въ подражаніе греческимъ, напр. „*широкошумящее* море“, „*широковершинныхъ* деревъ“, „къ облакамъ *темносвѣтлымъ*“, „*мягкоодутлой* рукою“ и т. п.; изъ послѣдующихъ писателей вліяніе Жуковскаго въ этомъ отношеніи сильнѣе сказалось на Гоголѣ и затѣмъ Тургеневѣ.

Слова и ихъ морфологическій составъ съ точки зрѣнія психологической. Мы знаемъ, что каждый звукъ въ словѣ съ точки зрѣнія произношенія представляетъ сумму двигательныхъ импульсовъ, вызывающихъ мышечныя работы говорильнаго аппарата, которыя въ свою очередь сопровождаются соотвѣтствующимъ мышечнымъ чувствомъ; съ точки зрѣнія слышанія звукъ представляетъ тоже сумму простѣйшихъ слуховыхъ ощущеній, изъ которыхъ слагается данный слышимый звукъ. Когда произносимъ слово, то послѣднее представляетъ рядъ такихъ произносимыхъ и вмѣстѣ слышимыхъ звуковъ; слѣдовательно, съ точки зрѣнія психологической, каждое слово представляетъ собою ассоціацію по смежности соотвѣтствующихъ звуковыхъ идей. Однако слова нашей рѣчи являются не просто рядами звуковъ произносимыхъ и слышимыхъ, но эти ряды связаны съ тѣмъ или другимъ *значеніемъ*. Нужно замѣтить, что сами по себѣ звуковыя идеи словъ не связаны съ объективнымъ міромъ, но только какъ символы служатъ для обозначенія другихъ представленій субъективно-объективныхъ. Когда происходитъ обмѣнъ мыслями между говорящимъ и слушающимъ, то у перваго мысль предшествуетъ и вызываетъ собою произношеніе слова (символа), а у втораго предшествующимъ является слышимое слово (символъ), которое и вызываетъ собою мысль. Въ обоихъ случаяхъ легкость процесса вызыванія зависитъ отъ упражненія или повторенія, благодаря которымъ связь слова и значенія болѣе и болѣе закрѣпляется. Кромѣ ассоціаціи въ силу *полнаго сходства* (иначе—по тожеству), происходящей при повтореніи одного и того же слова, можетъ происходить ассоціація по *частичному сходству*, именно—когда произносятся слова родственныя по какой-либо морфологической части; такъ, слова „*вы*вожу“ и „*вы*ходить“, различаясь по корню и окончанію, представляютъ примѣръ ассоціаціи по частичному сходству—по сходству префикса, и т. п. Благодаря такимъ частичнымъ ассоціаціямъ,

въ нашемъ умѣ образуются морфологическія части словъ, а самыя слова комбинируются по сходству значенія и словоизмѣненія въ грамматическія системы, т. е. получаются сложныя ассоціаціи типовъ склоненія, спряженія и пр.; само собою разумѣется, что предложеніе представляетъ собою еще болѣе сложный комплексъ ассоціацій. [1]) Сложный ассоціативный аггрегатъ словъ постепенно пріобрѣтается съ дѣтства при усвоеніи родной рѣчи; вслѣдствіе упражненія, ассоціаціи становятся настолько сильными, что какъ бы вырабатывается механизмъ рѣчи, благодаря которому достаточно появиться въ нашемъ умѣ какой-нибудь мысли, и мы выражаемъ ее почти безсознательно въ словахъ, а слушающіе такъ же легко воспринимаютъ и понимаютъ ее.

Морфологическіе процессы. Не только звуки нашей рѣчи, но и морфологическія категоріи въ теченіи времени подвергаются измѣненіямъ. Такъ какъ слова и вообще морфологическія категоріи представляютъ двѣ стороны — *внутреннюю* или сторону значенія и *внѣшнюю* или звуковую, то мы прослѣдимъ

---

[1]) Такимъ образомъ, грамматическія категоріи являются категоріями нашего ума; но, чтобы не приписать уму фиктивныхъ категорій, необходимо приводить доказательства въ пользу дѣйствительнаго существованія тѣхъ или другихъ грамматическихъ категорій въ умѣ говорящихъ. Такъ, въ фактахъ рѣчи можно найти рядъ подтвержденій того, что морфологическія части, на которыя разлагаются слова, дѣйствительно существуютъ въ нашемъ умѣ; ограничусь двумя доказательствами: 1) если заимствуется слово изъ другаго языка, то оно обычно принимаетъ префиксы, суффиксы и окончанія, свойственныя языку заимствующему (напр. срв. образованія отъ заимствованнаго слова «лимонъ»—лимону, лимонщикъ, слимонить и т. п.) и которыхъ раньше заимствуемое слово не имѣло; 2) явленія аналогіи представляютъ подстановку однѣхъ морфологическихъ частей вмѣсто другихъ (напр. срв. произношеніе «держут» вм. «держатъ»), чѣмъ доказывается дѣйствительное существованіе въ языкѣ этихъ частей. Итакъ, слово, съ точки зрѣнія психологической, есть рядъ идей звуковъ произносимыхъ и слышимыхъ, связанный со значеніемъ и могущій разлагаться на знаменательныя или морфологическія части.

измѣненія въ морфологическихъ категоріяхъ сначала съ внутренней или семазіологической, а затѣмъ съ внѣшней стороны. [1])

Обращаясь къ семазіологической сторонѣ морфемъ, мы прежде всего замѣтимъ, что представленія и понятія, обозначаемыя тѣми или другими словами, у каждаго человѣка, начиная съ дѣтства, развиваются и измѣняются, такъ какъ получаются новыя ощущенія, возникаютъ новыя ассоціаціи между представленіями и пр. Отсюда слѣдуетъ, что представленія и понятія, обозначаемыя въ языкѣ опредѣленными словами, у разныхъ лицъ не тожественны, такъ какъ у каждаго имѣютъ свою особую исторію образованія. Такъ напр. представленіе звука, грозы и т. п. у простолюдина и у ученаго физика весьма различно. Съ другой стороны, одинаковость условій жизни и обстановки благопріятствуетъ сходству представленій; напр. тѣ же представленія звука и грозы у разныхъ физиковъ будутъ весьма сходны.

Что касается *развитія значенія словъ въ языкѣ*, то одна изъ причинъ его заключается въ томъ, что названіе какого-нибудь предмета, дѣйствія и пр. можетъ по *ассоціаціи смежности* переноситься на сопутствующую обстановку, и такимъ образомъ слово пріобрѣтаетъ новое значеніе. Такъ, слово „питье“ означаетъ собственно извѣстное дѣйствіе, но это же названіе со временемъ распространилось и на то, что̀ пьется; подобнымъ же образомъ слово „ѣда“ означаетъ не только дѣйствіе ѣды, но и то, что̀ ѣдятъ; слово „жалоба“ можетъ означать и соотвѣтствующее дѣйствіе, а затѣмъ—по смежности—бумагу съ жалобой; слово „судъ“ можетъ означать судебный

---

[1]) Вопросы развитія значенія словъ нерѣдко выдѣляются въ лингвистикѣ въ особый отдѣлъ, носящій названіе *семазіологіи* (отъ греческаго слова σημαίνω=означаю).

разборъ, судящихъ какъ лицъ, производящихъ дѣйствіе, наконецъ зданіе суда какъ мѣсто дѣйствія, и т. п.

Другимъ источникомъ развитія значенія словъ служатъ *ассоціаціи по сходству*, когда названіе съ одного предмета, дѣйствія и пр. переносится на другіе въ силу частичнаго между ними сходства, что особенно часто встрѣчается въ поэтическомъ языкѣ, всегда болѣе богатомъ уподобленіями. Отмѣтимъ такіе переносы значенія въ извѣстномъ стих. Кольцова „Нива“: „наливать“—собственно говорится о сосудѣ, который наполняется жидкостью, но по сходству слово перенесено на колосья, которые спѣютъ; „ходить“—это слово съ человѣка или животнаго, подвигающихся шагъ за шагомъ, перенесено и на движеніе волнъ; „виться“—собственно говорится о веревкѣ, но по сходству витья веревки съ полетомъ жаворонка слово „виться“ перенесено и на полетъ послѣдняго.

И такъ, развитіе значенія словъ обусловливается уже извѣстными намъ факторами ассоціацій смежности и сходства; но неправильно говорятъ въ этомъ случаѣ объ „измѣненіи“ значенія словъ, такъ какъ тутъ въ дѣйствительности происходитъ примѣненіе слова къ новому значенію подъ вліяніемъ ассоціаціи смежности или сходства. Такимъ путемъ слово получаетъ разныя значенія, но нужно помнить, что при каждомъ отдѣльномъ актѣ мысли слово берется только въ одномъ опредѣленномъ значеніи. Возникающія явленія культуры и цивилизаціи нуждаются въ обозначеніи, и для этого изъ запаса словъ примѣняются по ассоціаціи смежности или сходства тѣ или другія слова, которыя покажутся наиболѣе подходящими, при чемъ нерѣдко для новыхъ обозначеній примѣняется не вполнѣ то же слово, но распространенное другими существующими въ языкѣ придаточными морфемами соотвѣтственно оттѣнку значенія (срв. *подсвѣчникъ*, *нагрудникъ* и т. п.).

Что касается измѣненія морфологическихъ частей съ *внѣшней* стороны, то укажемъ слѣдующіе процессы: а) *опро́щеніе*, б) *переразложеніе*, в) *аналогія* и г) *дифференціація* (послѣдніе два тѣсно связаны между собою),—къ разсмотрѣнію которыхъ мы и перейдемъ.

а) *Опро́щеніе*. Опро́щеніемъ называется морфологическій процессъ, посредствомъ котораго слово съ сложнымъ морфологическимъ составомъ утрачиваетъ значеніе отдѣльныхъ своихъ морфологическихъ частей и становится простымъ символомъ даннаго представленія. Такъ, напр., слова „вкусъ“ (срв. *кус*-ать, *кус*-окъ), „забыть“ и т. п. имѣютъ только цѣлостное значеніе и морфологическій составъ этихъ словъ (в-кусъ, за-быть и т. п.) уже не чувствуется. Такимъ образомъ при опро́щеніи связь слова съ родственными ему словами утрачивается, вслѣдствіе чего оно обособляется отъ нихъ. Во многихъ словахъ опро́щеніе еще не произошло и они, имѣя цѣлостное значеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняютъ связь съ другими родственными по морфологическимъ частямъ словами; такъ, напр. слово „столикъ“ связывается съ цѣлою группою словъ, родственныхъ по корню (напр. *стол*овый, *стол*ьникъ и т. д.) и суффиксу (напр. рубл*икъ*, штоф*икъ* и т. п.). Здѣсь мы видимъ явленіе антагонизма или борьбы между ассоціаціею по смежности (слова съ его цѣлостнымъ значеніемъ) и ассоціаціею по сходству (морфологическихъ частей съ другими родственными словами). А такъ какъ въ живой рѣчи играетъ преимущественную роль цѣлостное (реальное) значеніе, то въ этомъ направленіи и совершается измѣненіе, т. е. морфологическій составъ многихъ словъ, благодаря употребленію ихъ, перестаетъ чувствоваться, при чемъ слова становятся простыми символами представленій, и такимъ образомъ на мѣсто *генетическаго* значенія въ нихъ выступаетъ значеніе *реальное*. Нѣкоторыя обстоятельства особенно благопріятствуютъ утвержденію опро́щенія словъ; такъ, въ словѣ могутъ произойти звуковыя измѣненія, вслѣд-

ствіе которыхъ оно можетъ такъ разойтись съ родственными словами, что уже не можетъ ассоціироваться съ ними (срв. *оскомина* || *щемить*; *конецъ* || *начало* и т. п.); далѣе, могутъ выйти изъ употребленія родственныя слова, вслѣдствіе чего данное слово становится одинокимъ и уже не разлагается (срв. *кольцо*, первоначально уменьшительное для слова *коло*, которое вышло изъ употребленія). Такимъ образомъ слова, *въ умахъ индивидуумовъ прежняго времени* разлагавшіяся на морфологическія части, *въ умахъ индивидуумовъ послѣдующаго времени* (при нѣкоторыхъ условіяхъ) уже не разлагаются, становятся простыми. Воспріятіе словъ съ сложнымъ морфологическимъ составомъ въ качествѣ простыхъ въ особенности падаетъ на періодъ *дѣтства* (т. е. на долю каждой новой генераціи), благодаря преимущественной роли въ этомъ возрастѣ *ассоціаціи по смежности*, посредствомъ которой устанавливается тѣсная связь образа или представленія съ его названіемъ какъ простымъ символомъ. Такимъ путемъ слова, новообразованныя предшествовавшею генераціею, у которой они чувствовались въ своемъ морфологическомъ составѣ, могутъ стать простыми для чутья слѣдующей генераціи. Морфологическое опрбщеніе ведетъ къ возникновенію въ языкѣ новыхъ корней на почвѣ прежнихъ префикса и корня (напр. по-долъ, по-суда, по-ясъ, в-кусъ, за-быть и т. п.) или же корня и суффикса (кольц-о, палк-а, песк-омъ и т. п.). Слова, въ которыхъ произошло опрбщеніе, могутъ распространяться новыми префиксами и суффиксами, напр. забыть<перезабыть, вкусъ<вкусный и т. п. То, что генетическое значеніе уступаетъ свое мѣсто реальному значенію слова, представляетъ *огромную важность для мысли*; если бы рядомъ съ реальнымъ значеніемъ слова въ нашемъ умѣ всякій разъ являлось и генетическое, то это служило бы невообразимымъ тормазомъ мышленія.

б) *Переразложеніе*. Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію явленія, называемаго переразложеніемъ и состоящаго въ томъ,

что слова въ умахъ индивидуумовъ извѣстнаго времени ассоціируются не тѣми сходными частями, которыми они ассоціировались въ умахъ индивидуумовъ прежняго времени.

Начнемъ съ переразложенія между *основою и окончаніемъ*. Примѣромъ переразложенія такого рода могутъ служить формы *женамъ, женами, женахъ*, которыя первоначально разлагались на основу и окончаніе не такъ, какъ теперь, а именно въ нихъ *а* принадлежало къ основѣ: жена-мъ, жена-ми, жена-хъ. [1]) Но такъ какъ этотъ гласный повторялся передъ окончаніями и всѣхъ другихъ словъ того же склоненія (рыба-мъ, рука-мъ и т. п.), то онъ сталъ чувствоваться принадлежностью флексіи, и потому первоначальныя основы, кончавшіяся гласными, стали уже оканчиваться согласнымъ звукомъ, т. е. напр. жен-амъ, жен-ами, жен-ахъ. Закрѣпленію такого морфологическаго дѣленія могло способствовать то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ падежныхъ формахъ первоначальный тематическій гласный, сливаясь съ окончаніемъ, измѣнился до неузнаваемости (срв. жену, гдѣ у=ст.-сл. ѫ и восходитъ къ ае. *-ām), а потому его какъ бы не стало въ основѣ. Что дѣйствительно такое переразложеніе наступило, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что новыя окончанія *-амъ, -ами* и *-ахъ* въ русскомъ языкѣ распространились по аналогіи и на всѣ прочія склоненія (срв. въ муж. р. рабахъ || ст.-сл. рабѣхъ, средн. р. дѣлахъ || ст.-слав. дѣлѣхъ и пр.). Подобное же сокращеніе основъ въ пользу окончаній произошло и въ наст. времени глаголовъ; напр. *несетъ, несемъ* первоначально морфологически разлагались на несе-тъ, несе-мъ, а впослѣдствіи

---

[1]) Такіе гласные, первоначально оканчивавшіе собою основу или *тему*, называются въ сравнительной грамматикѣ *тематическими*; въ склоненіи муж. рода, напр. срв. Твор. ед. «рабомъ», такимъ тематическимъ гласнымъ является *о*, и т. п.

тематическій гласный отошелъ къ окончанію, т. е. нес-етъ, нес-емъ и т. п.

Процессъ переразложенія наблюдается также въ области *суффиксовъ* при производствѣ словъ, при чемъ звуки, которые въ производящемъ словѣ заканчивали основу, отходятъ къ вновь прибавляемому суффиксу; напр., когда отъ прилагательныхъ на *-ный* образуются существительныя на *-икъ*, то всѣ эти производныя слова, имѣя передъ своимъ суффиксомъ согласный *н*, ассоціируются между собою уже по сходству новаго суффикса *-никъ* (напр. озор-н-ой<озор-никъ, охотн-ый<охот-никъ); подобнымъ же путемъ развились новые суффиксы *-щикъ*, *-ильникъ*, *-альщикъ*, *-овщикъ* и т. п., могущіе затѣмъ получать особые оттѣнки значенія и употребляться независимо отъ первоначальныхъ условій возникновенія. Болѣе разросшіеся суффиксы, естественно, образовались въ языкѣ позже по сравненію съ болѣе простыми.

Переразложеніе между *предлогами* (или *префиксами*) и *корнемъ* встрѣчается сравнительно рѣдко. Сюда надо отнести возникновеніе *н* въ формахъ мѣстоименія 3-го лица : его || *н*его, ему || *н*ему и пр.; начальное *н* вторыхъ формъ первоначально принадлежало тремъ предлогамъ—*съ*, *въ*, *къ*, которые оканчивались имъ; но такъ какъ это *н* удерживалось только въ положеніи передъ начальными гласными или j слѣдующаго слова, передъ согласными же не сохранялось, то постоянною частью нашихъ предлоговъ стали комплексы безъ *н*, т. е. *въ*, *съ* и *къ*, съ которыми и ассоціировалось значеніе, свойственное этимъ предлогамъ, конечное же *н* въ тѣхъ случаяхъ, когда удерживалось, стало чувствоваться принадлежащимъ слѣдующей мѣстоименной формѣ; путемъ же аналогіи формы съ начальнымъ *н* стали употребляться и послѣ всѣхъ прочихъ предлоговъ, напр. *о н*емъ и т. п. Отдѣленіе *н* отъ предлога произошло также при существительныхъ—*н*утрь, *н*утро (срв.

утроба), *сн*ѣдь (срв. ѣда). Аналогичнаго происхожденія *н* въ глаголахъ в*н*ушить, в*н*имать (а путемъ аналогіи—по*н*имать и пр.), *сн*ѣдать (срв. съѣдать). Такимъ образомъ старое объясненіе разсматриваемаго *н* благозвучіемъ оказывается несостоятельнымъ, такъ какъ это *н* имѣетъ этимологическое основаніе. Къ примѣрамъ переразложенія между корнемъ и предлогомъ нужно отнести также простонародное произношеніе „овторникъ“, „Аршава“ и т. п., объясняющееся слѣдующимъ образомъ. Въ русскомъ языкѣ предлоги, оканчивающіеся на согласный, кромѣ этой краткой своей формы, являются еще въ полной формѣ съ бѣглымъ *о*, напр. въ || во, надъ || надо и пр.; въ своей краткой формѣ эти предлоги являются передъ формами, начинающимися съ гласнаго звука или простаго согласнаго (напр. въ *о*гонь, въ *А*рхангельскъ, въ *В*аршаву), а при формахъ, начинающихся двумя согласными, являются въ полномъ видѣ (напр. во *вт*орникъ). Отсюда возникли случайныя совпаденія выраженій по начальнымъ звукамъ: *во* вторникъ и *въ о*гонь, *въ А*рхангельскъ и *въ В*аршаву (гдѣ вмѣсто *вв* можетъ слышаться простое *в*) и т. п.; а эти совпаденія повели къ неправильному разложенію путемъ пропорціональной аналогіи:

*во*гонь : *о*гонь = *во*вторникъ : *x*
x = овторникъ;
*ва*рхангельскъ : *а*рхангельскъ = *ва*ршаву : x
x = аршаву.

в) *Аналогія.* Такъ какъ въ предъидущемъ намъ уже не разъ приходилось объяснять языковыя явленія посредствомъ аналогіи, то здѣсь будетъ достаточно коснуться лишь сущности этого процесса. Нерѣдко случается, что значеніе, свойственное какой-либо морфологической части, выражается не однимъ, а двумя и болѣе символами (звуковыми комплексами), напр. 3 л. мн. ч. въ настоящемъ времени имѣетъ два оконча-

нія -утъ (-ютъ) и -атъ (-ятъ). Можетъ случиться, что идея значенія не одинаково тѣсно связана съ каждымъ изъ этихъ символовъ, вслѣдствіе неодинаковой частоты ихъ употребленія или неодинаковой выразительности; тогда одинъ изъ символовъ будетъ прочнѣе связываться съ идеей значенія, вслѣдствіе чего будетъ вызываться и тамъ, гдѣ прежде употреблялся другой, напр. окончаніе *-утъ* (*-ютъ*), въ случаѣ неударенности, вытѣснило собою въ живой рѣчи окончаніе *-атъ* (*ятъ*), срв. произношеніе „держутъ“, „ходютъ“. Про такіе случаи и выражаются, что въ нихъ одна морфема замѣнена другою „по аналогіи“. Въ народныхъ говорахъ явленія аналогіи возникаютъ съ большею легкостью по сравненію съ литературнымъ языкомъ, благодаря отсутствію сдерживающаго вліянія со стороны письменной традиціи. Если обратимся къ дѣтской рѣчи, то увидимъ, что ребенокъ выучивается склонять и спрягать не каждое слово отдѣльно, но и самъ создаетъ формы по аналогіи съ тѣмъ, что̀ уже знаетъ, при чемъ естественно у него могутъ быть и ошибки. Нѣкоторыя изъ такихъ ошибочныхъ образованій, приспособленныя къ строю языка, могутъ быть разсматриваемы какъ задатокъ будущихъ перемѣнъ въ языкѣ.

г) *Дифференціація* (различеніе). Въ умѣ говорящихъ могутъ вырабатываться новые оттѣнки значенія, еще не имѣющіе въ языкѣ особаго выраженія; а такъ какъ языку присуще стремленіе къ выразительности, т. е. чтобы особые оттѣнки имѣли по возможности особое обозначеніе, то можетъ случиться, что одна разновидность морфемы закрѣпится за однимъ оттѣнкомъ значенія, другая за другимъ и т. д., и такимъ образомъ произойдетъ „дифференціація“ морфемъ. Типичные примѣры дифференціаціи встрѣчаемъ въ склоненіи существительныхъ муж. рода, напр. дифференціація по оттѣнку значенія окончаній Р. ед. *-а* и *-у*, срв. выраженія:

"цвѣтъ снѣга" || „много снѣгу",—во второмъ случаѣ Род. над. съ окончаніемъ -*у* какъ въ названіи вещественномъ, зависящемъ отъ слова, обозначающаго количество. Дѣйствіе фактора дифференціаціи такъ же широко распространено въ языкѣ, какъ и фактора аналогіи; мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ явленіемъ разнообразія окончаній для одной и той же формы; хотя бы эти окончанія и не были дифференцированы между собою по смыслу, но они дифференцированы внѣшнимъ образомъ—по типамъ склоненія или спряженія, и чѣмъ съ большимъ удобствомъ для памяти имѣется такая внѣшняя дифференціація, тѣмъ устойчивѣе разновидности морфемъ противъ дѣйствія аналогіи.

Части рѣчи. Мы уже упоминали, что слова группируются въ тѣ наиболѣе крупные морфологическіе разряды, которые извѣстны подъ названіемъ *частей рѣчи.* При классификаціи частей рѣчи нужно имѣть въ виду какъ сторону значенія ихъ, такъ и сторону словоизмѣненія, а кромѣ того необходимо обратить вниманіе на соподчиненіе однѣхъ частей рѣчи другимъ, что въ школьныхъ грамматикахъ обыкновенно игнорируется, при чемъ всѣ части рѣчи ставятся на одну линію. Говоря о значеніи, должно замѣтить, что одни слова имѣютъ полное собственное значеніе, носителемъ котораго, какъ мы знаемъ, служитъ основа, соединяющаяся съ соотвѣтствующими окончаніями (напр. дуб-омъ, бѣл-ый, ст-о, мн-ою, дѣл-аю, умн-о), другія же слова не имѣютъ собственнаго значенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ основы, и служатъ въ своемъ цѣломъ лишь для показанія разнаго рода отношеній въ предложеніи между словами съ собственнымъ значеніемъ или также между предложеніями (напр. *при, но*). Слова перваго отдѣла мы можемъ назвать *полнозначными* или *словами съ собственнымъ значеніемъ,* а слова втораго отдѣла *словечками отно-*

шеній или *частицами*; [1]) съ точки же зрѣнія словоизмѣненія первыя можно назвать *измѣняемыми* частями рѣчи, а вторыя—*неизмѣняемыми*.

Въ отдѣлѣ словъ съ полнымъ собственнымъ значеніемъ одни слова болѣе самостоятельны, другія же подчиняются имъ, такъ какъ служатъ опредѣленіемъ ихъ. Слова съ самостоятельнымъ собственнымъ значеніемъ дѣлятся на 1) слова, служащія для обозначенія предметовъ (или точнѣе—бытій) и ихъ представленій въ нашемъ умѣ, и 2) слова, служащія для обозначенія дѣйствій и ихъ представленій въ нашемъ умѣ. Къ этимъ двумъ обширнымъ категоріямъ словъ нужно присоединить 3) отдѣльныя слова, служащія для личныхъ указаній 1-го и 2-го лица, противополагающихся остальному міру предметовъ, обозначаемому 3-имъ лицомъ. Этимъ тремъ категоріямъ словъ отвѣчаютъ грамматическіе термины: 1) *имя существительное*, 2) *глаголъ* и 3) *личное мѣстоименіе*. По характеру словоизмѣненія имена существительныя, какъ названія предметовъ, и мѣстоименія, какъ личныя указанія предметовъ, рѣзко отличаются отъ глагола: первыя измѣняются для показанія отношеній предметовъ къ дѣйствіямъ и между собою, и такое измѣненіе называется склоненіемъ; глаголъ же измѣняется для показанія способа и времени дѣйствія, а также для показанія отношенія дѣйствія къ подлежащему извѣстнаго лица и числа, и такое измѣненіе называется спряженіемъ. Семазіологическому различію между существительными и личными мѣстоименіями соотвѣтствуютъ нѣкоторыя различія въ области ихъ словоизмѣненія, какъ напр. отсут-

---

[1]) Въ русскихъ грамматикахъ этому дѣленію въ общемъ соотвѣтствуетъ дѣленіе частей рѣчи на главныя или знаменательныя и служебныя, въ нѣмецкихъ грамматикахъ—Begriffswörter и Formwörter. Весьма типичны соотвѣтствующіе термины въ китайскихъ грамматикахъ—слова полныя и пустыя.

ствіе категоріи рода въ личныхъ мѣстоименіяхъ 1-го и 2-го лица и нѣкоторыя особыя падежныя окончанія.

Переходя къ словамъ съ собственнымъ значеніемъ, но не имѣющимъ полной самостоятельности, прежде всего замѣтимъ, что они распадаются на двѣ группы: относящіяся къ существительному и относящіяся къ глаголу. Части рѣчи, являющіяся придаточными къ существительному, служатъ для опредѣленія послѣдняго 1) относительно качества, 2) относительно числа и 3) относительно указанія; соотвѣтственно этому они распадаются на *имена прилагательныя*, *имена числительныя* и *мѣстоименія опредѣлительно-указательныя*. Входящія въ составъ этой группы части рѣчи придаются къ существительному, что̀ выражается внѣшнимъ образомъ въ *согласованіи* ихъ съ существительнымъ. Аналогичныя опредѣленія могутъ быть и къ глаголу (напр. хорошо, дважды, тамъ), и они имѣютъ общее названіе—*нарѣчія*. Къ придаточнымъ частямъ рѣчи, имѣющимъ собственное значеніе, слѣдуетъ еще отнести *причастія*, представляющія собою образованія прилагательныхъ отъ глагола съ удержаніемъ нѣкоторыхъ глагольныхъ свойствъ и занимающія какъ бы посредствующее положеніе между глаголомъ и именемъ прилагательнымъ, и *дѣепричастія*, представляющія собою образованія нарѣчій по причастіямъ.

Перечисленныя нами знаменательныя части рѣчи не представляютъ собою совершенно обособленныхъ категорій, но часто отъ одной части рѣчи или—точнѣе—отъ ея основы образуется другая часть рѣчи путемъ распространенія соотвѣтствующимъ суффиксальнымъ элементомъ, какъ на это уже указывалось выше при разсмотрѣніи словопроизводства (напр. бѣлый<бѣлякъ, бѣлить, бѣло́, бѣлѣющій, бѣлѣя; богатый<богатство, богатѣть, богато, разбогатѣвшій, разбогатѣвъ; свой<своякъ, свойственный, усвоить, по-свойски и т. д.).

Говоря о частяхъ рѣчи знаменательныхъ или имѣющихъ собственное значеніе, носителемъ котораго является основа,

нужно еще замѣтить, что полное свое значеніе, представляемое не только основою, но вмѣстѣ и окончаніемъ, онѣ получаютъ лишь въ предложеніи, становясь членами предложенія.

Что касается словъ или словечекъ, не имѣющихъ полнаго собственнаго значенія и не составляющихъ въ предложеніи особыхъ членовъ, то сюда относятся *предлоги* и *союзы*. Нѣкоторыя словечки съ пониженною знаменательностью не подходятъ ни подъ ту, ни подъ другую изъ указанныхъ группъ, а потому могутъ быть просто называемы *частицами* или *частичками*, напр. *ли*, *же*, *бы* и т. п.

Кромѣ указанныхъ словъ и словечекъ, мы должны еще назвать *междометія*, которыя служатъ выраженіемъ нашихъ эмоціональныхъ состояній.

Все вышеизложенное о частяхъ рѣчи мы можемъ резюмировать въ слѣдующей таблицѣ:

Слова, относящіяся къ области умствен. представленій:			Восклицанія, относящіяся къ области эмоціональной:
Слова съ собств. знач.:		Слова безъ собств. значен.:	
Самостоят:	Подчиненныя:		
1) *Существ.*:	а) *Прилагательныя (также—прич.).*	1) *Предлоги.*	*Междометія.*
	б) *числительныя.*	2) *Союзы.*	
	в) *опред.-указат. мѣстоименія.*	3) *Частички*, не подходящія подъ предъидущіе два разряда.	
2) *Лич. мѣст.*			
3) *Глаголъ.*	*Нарѣчія (также—дѣепричастія).*		

То разнообразіе частей рѣчи, какое мы теперь видимъ въ русскомъ языкѣ, конечно, развилось не сразу; однако изслѣдованіе возникновенія и перваго развитія ихъ лежитъ да-

леко за предѣлами русской грамматики, ибо, какъ показываетъ сравнительная грамматика, уже въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовали въ главномъ тѣ части рѣчи, какія находимъ теперь; въ теченіе же обособленной жизни языковъ нашего семейства произошелъ рядъ дальнѣйшихъ измѣненій въ сферѣ этихъ частей рѣчи, представляющій особенности въ разныхъ вѣтвяхъ этого семейства; такъ, напр., въ прилагательныхъ еще въ славянскомъ праязыкѣ развилась рядомъ съ простою формою сложная, служащая въ современномъ русскомъ для отличія прилагательныхъ въ роли опредѣленія и сказуемаго, въ русскомъ глаголѣ наблюдаемъ потерю многихъ временныхъ формъ, но за то видимъ богатое развитіе видовыхъ оттѣнковъ и т. д.

Примѣчаніе. По причинѣ трудности дать точное опредѣленіе каждой части рѣчи, при начальномъ прохожденіи грамматики слѣдуетъ избѣгать такихъ опредѣленій, вдобавокъ не соотвѣтствующихъ и умственному развитію дѣтей. Всего проще—знакомить учениковъ съ частями рѣчи, послѣ самаго общаго ихъ разъясненія, по различіямъ словоизмѣненія; напр., по ознакомленіи со склоненіемъ такихъ словъ, какъ «столъ» и т. п., переходятъ къ склоненію такихъ словъ, какъ «черный», и ученики замѣтятъ особенность склоненія, какъ и то, что эти послѣднія слова склоняются совмѣстно съ существительными. Когда будетъ проходиться такое словоизмѣненіе, какъ «несу», «несешь» и пр, то ученики легко ознакомятся съ внѣшнимъ признакомъ глагола—способностью къ спряженію. Вообще, по значенію, указываемому въ опредѣленіяхъ, ученику труднѣе различать части рѣчи, нежели по формальнымъ отличіямъ.

Глава VII.

Имя существительное съ семазіологической стороны. Классификація склоненій именъ существительныхъ; типы ударенія.

Обычное школьное опредѣленіе имени существительнаго, что оно есть названіе всякаго предмета, вполнѣ понятно, пока рѣчь идетъ о такихъ названіяхъ, какъ: *столъ*, *стулъ*, *лошадь*, *гусь* и т. п. Но къ категоріи именъ существительныхъ относятся также слова въ родѣ: *красота*, *ходьба* и т. п. Едва ли мы будемъ говорить о нихъ, какъ о названіяхъ предметовъ, скорѣе скажемъ, что словомъ „красота“ обозначается нѣкоторое качество, а словомъ „ходьба“—нѣкоторое дѣйствіе. Послѣ этого естественно возникаетъ вопросъ, какая же разница между именемъ существительнымъ и именемъ прилагательнымъ, между существительнымъ и глаголомъ.

Остановимся сначала на самомъ простомъ случаѣ, на названіяхъ въ родѣ—„столъ“. Не достаточно сказать, что это названіе служитъ для обозначенія извѣстнаго предмета. Кромѣ этой объективной стороны есть еще субъективная. Слово „столъ“ служитъ обозначеніемъ соотвѣтствующаго умственнаго акта—нашего представленія даннаго предмета: мы можемъ говорить и думать о столѣ, не видя его, а лишь имѣя въ умѣ представленіе или идею этого предмета. Идея стола—сложная и образовалась въ нашемъ умѣ изъ массы ощущеній, полу-

ченныхъ нами въ теченіе жизни и относящихся къ данному классу предметовъ. Въ сложную идею стола привходятъ, въ качествѣ частныхъ, идеи величины, формы, цвѣта, твердости и т. д. Возможно, что изъ массы частныхъ идей стола мы обратимъ особенное вниманіе на одну какую-либо, положимъ, на признакъ красноты. Въ этомъ случаѣ мы назовемъ сложное или цѣлое представленіе и его частное Названіе послѣдняго будетъ имя прилагательное. Вполнѣ понятна связь частнаго представленія со своимъ сложнымъ. Въ сферѣ языка эта связь выражается согласованіемъ прилагательнаго съ существительнымъ: красный столъ, красная доска и т. п. [1]) Одно и то же частное представленіе можетъ входить въ составъ многихъ различныхъ сложныхъ представленій и потому простое или частное представленіе можетъ мыслиться и какъ самостоятельное или независимое. Въ такомъ случаѣ его названіе, получивши нѣкоторое отличіе посредствомъ соотвѣтствующаго суффикса, становится существительнымъ, при чемъ это послѣднее обозначаетъ собою уже не сложную идею, но простую, напр.: красн-*ота* и т. п. Впрочемъ иногда прилагательныя становятся существительными безъ присоединенія особаго суффикса; напр., слова *мастеровой*, *полицейскій*, *столовая* и т. д., хотя по формѣ и прилагательныя, но, употребляясь безъ существительнаго, они въ силу значенія становятся существительными. Разъяснимъ нѣсколько подробнѣе эти примѣры. Существительное „мастеровой“ получилось изъ выраженія „мастеровой человѣкъ“. Выраженіе это обозначаетъ собственно одно цѣльное субстантивное представленіе, и когда слово

---

[1]) Англійскій языкъ представляетъ въ этомъ отношеніи особенность: въ немъ прилагательное безъ всякой перемѣны присоединяется къ своему существительному. Также дѣло обстоитъ въ турецко-татарскихъ языкахъ съ тою однако существенною разницею, что въ нихъ такое состояніе первично, тогда какъ въ англійскомъ вторично.

человѣкъ въ данномъ выраженіи опускается, то представленіе остается все то же, т. е. субстантивное. Подобнымъ же образомъ слово „столовая“ (собственно прилагат. женск. р.) чаще всего употребляется въ соединеніи съ существительнымъ *комната*, такъ что наконецъ это послѣднее опускается, при чемъ слово „столовая“, хотя по формѣ и остается по-прежнему прилагательнымъ, но по своему значенію становится существительнымъ, такъ какъ означаетъ то, что прежде выражалось посредствомъ прилагательнаго + существит. [1]) Отсюда слѣдуетъ, что идея такихъ существительныхъ, какъ *мастеровой*, *столовая* и проч., въ противоположность такимъ, какъ *красота*, будетъ уже болѣе сложной вслѣдствіе подразумѣваемаго существительнаго.

Многія существительныя, подобно глаголамъ, обозначаютъ дѣйствіе, напр. *ходьба*, *чтеніе* и т. п. Разница между такими существительными и соотвѣтствующими глаголами (срв. *хожу* || *ходьба*, *читаетъ* || *чтеніе* и т. п.) заключается въ томъ, что глаголы обозначаютъ дѣйствіе въ его совершеніи, т. е. съ оттѣнкомъ времени, лица и числа, между тѣмъ какъ въ существительныхъ (ходьба, чтеніе и пр.) уже не встрѣчаемъ указанныхъ оттѣнковъ: такія существительныя обозначаютъ простое представленіе дѣйствія, благодаря имъ дѣйствіе какъ бы опредмечивается и мы мыслимъ его какъ нѣчто самостоятельное, какъ бы бытіе.

---

[1]) Что касается самаго пропуска существительнаго, то подобное явленіе наблюдается очень нерѣдко въ повседневной рѣчи, когда существительное не договаривается, напр. «вы пьете постный (т. е. чай)?» и т. п. Мы видимъ здѣсь пропускъ существительнаго, легко подразумѣваемаго по обстоятельствамъ разговора, тогда какъ прилагательное необходимо для различенія. Разница съ ранѣе разсмотрѣнными случаями та, что здѣсь явленіе временное, а тамъ оно стало уже постояннымъ.

Такія существительныя, какъ *столъ*, *лошадь*, которымъ въ объективномъ мірѣ соотвѣтствуютъ воспринимаемые помощію нашихъ чувствъ предметы, называются конкретными, а такія какъ *красота*, *ходьба*—умственными или отвлеченными (абстрактными). Однако было бы точнѣе назвать первыя *конкретно-умственными*, такъ какъ и предметамъ конкретнымъ соотвѣтствуютъ въ нашемъ умѣ представленія (умственные акты); въ соотвѣтствіи съ этимъ терминомъ послѣднія можно назвать *абстрактно-* или *чисто-умственными*. Впрочемъ конкретность и абстрактность не являются въ языкѣ чѣмъ-либо постояннымъ; такъ, весьма часто одно и то же слово въ одномъ своемъ значеніи бываетъ абстрактнымъ, а въ другомъ—конкретнымъ, что̀ получается въ языкѣ или вслѣдствіе того, что нерѣдко слова съ абстрактнымъ значеніемъ получили еще и конкретное подъ вліяніемъ ассоціацій смежности (напр. питьё = *абстр.* — именное названіе дѣйствія, *конкрет.* — то, что̀ пьется), или же—наоборотъ—слова съ конкретнымъ значеніемъ могутъ стать еще и отвлеченными, переносясь въ силу ассоціацій сходства съ конкретныхъ предметовъ на явленія міра умственнаго и духовнаго (напр. плодъ, корень, пылъ и т. п.).

Имена существительныя конкретныя, какъ обозначающія настоящіе предметы, подраздѣляются на *нарицательныя* и *собственныя*: первыя служатъ для обозначенія отдѣльныхъ предметовъ одного и того же класса (человѣкъ, волкъ, дерево, домъ и пр.), вторыя—для обозначенія единичныхъ предметовъ того же класса (Викторъ, Петербургъ). Обыкновенно существительныя *собственныя* происходятъ изъ нарицательныхъ такимъ путемъ, что послѣднія принимаютъ (иногда съ прибавленіемъ особаго суффикса) новое индивидуальное значеніе, подъ вліяніемъ представляющейся въ томъ

необходимости, какъ напр. при названіи лицъ и мѣстностей срв. Владиміръ, Торжокъ и т. п.). [1])

Какъ нарицательныя, такъ и собственныя имена существительныя распадаются на *одиночныя* и *собирательныя*, при чемъ одиночныя примѣняются къ отдѣльнымъ предметамъ (человѣкъ, Викторъ и проч.), а собирательныя обозначаютъ цѣлое собраніе однородныхъ предметовъ, представляющихся уму какъ одно цѣлое (лѣсъ, стадо, Мордва, Чудь и т. п.). Существительныя *собирательныя* по происхожденію своему или представляютъ самостоятельныя слова для выраженія сообщества существъ и предметовъ, напр. *толпа*, *стадо*, *стая*, *лѣсъ*, *куча*, или же происходятъ отъ одиночныхъ путемъ распространенія названія на все сообщество такихъ предметовъ (напр. слово *боръ* первоначально означало сосну, а затѣмъ хвойный лѣсъ), иногда съ присоединеніемъ соотвѣтствующаго суффикса, напр. сосна<*соснягъ*, береза<*берёзникъ*. [2])

Далѣе, существительныя конкретныя служатъ для обозначенія или *одушевленныхъ* предметовъ или же *неодушевленныхъ*. Предметы одушевленные представляютъ собою два естественныя различія рода — *мужескій родъ* и *женскій*, названія же этихъ предметовъ принимаютъ различныя окончанія соотвѣтственно роду, напр. братъ, волкъ || сестр*а*, волчиц*а*. Названія неодушевленныхъ предметовъ, хотя и представляютъ также различія мужескаго и женскаго рода (напр. садъ || вод*а*),

---

[1]) Кромѣ того, въ повседневномъ разговорѣ многія нарицательныя имена становятся какъ бы собственными, когда одного нарицательнаго имени въ связи съ обстоятельствами рѣчи достаточно для того, чтобы слушающій догадался, о которомъ именно предметѣ идетъ рѣчь. Особенно много примѣровъ можетъ представить понимаемый съ полуслова семейный разговоръ.

[2]) Нѣмецкій языкъ, какъ мы видѣли, въ послѣднемъ случаѣ нерѣдко пользуется сложными словами; напр., срв. der Birken*wald*=березникъ, die Erd*beeren*=земляника.

но это различіе – чисто внѣшнее, грамматическое, опирающееся лишь на различіе окончаній. [1]) Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что, при всемъ кажущемся сходствѣ по окончанію между названіями предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ одного и того же рода, русскій языкъ выработалъ одно грамматическое различіе, указывающее на принадлежность имени одушевленному или же неодушевленному предмету, особенно въ словахъ мужескаго рода: въ нихъ Вин. падежъ ед. ч. сходенъ съ Род. падежомъ того же числа, когда они обозначаютъ предметы одушевленные (напр. Вин. и Род.—человѣка), и съ Имен.—когда обозначаютъ предметы неодушевленные (напр. садъ); во множественномъ же числѣ это различіе, т. е. одинаковость Вин. съ Родит. (въ названіяхъ предметовъ одушевленныхъ) или же съ Имен. (въ названіяхъ предметовъ неодушевленныхъ), проводится во всѣхъ родахъ. Каковъ бы ни былъ путь образованія въ русскомъ языкѣ этого формальнаго различія, но важенъ фактъ его существованія.

Теперь возникаетъ интересный вопросъ. что̀ нѣкогда побудило говорившихъ отнести названія однихъ неодушевленныхъ предметовъ (напр. столъ, садъ) къ одной категоріи съ названіями предметовъ одушевленныхъ мужескаго пола, а названія другихъ неодушевленныхъ предметовъ (напр. нога, вода) къ одной категоріи съ названіями предметовъ одушевленныхъ женскаго пола? При выясненіи этого вопроса мы не выйдемъ за

---

[1]) Замѣтимъ, что въ послѣднемъ случаѣ грамматическій родъ существительнаго какъ бы закрѣпленъ за названіемъ извѣстнаго неодушевленнаго предмета, тогда какъ въ первомъ случаѣ наблюдается нерѣдко производство именъ женскаго рода отъ именъ мужескаго рода для соотвѣтствующаго пола одушевленныхъ предметовъ (купецъ<купчи*ха*, аптекарь<аптека*рша*, шалунъ<шалу*нья*, медвѣдь<медвѣ*дица* и проч.).

предѣлы фактовъ, если скажемъ, что подобное зачисленіе въ категорію мужескаго или женскаго рода происходило частію въ силу усматривавшихся въ неодушевленномъ предметѣ характерныхъ чертъ того или другаго пола, частію же въ силу того, что между самими неодушевленными предметами замѣчалось какое-либо сходство, которое могло заставить отнести названіе новаго предмета къ одному роду съ прежде зачисленными. Но какіе именно моменты заставляли причислить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ неодушевленные предметы къ тому или другому роду,—вопросъ этотъ для удовлетворительнаго рѣшенія потребовалъ бы весьма сложнаго сравнительно-историческаго изслѣдованія по всѣмъ языкамъ аріо-европейскаго семейства.

Однако названія не всѣхъ неодушевленныхъ предметовъ были подведены подъ категоріи муж. и женск. рода, нѣкоторыя остались не подведенными, составивъ особую группу, называемую безъ всякаго основанія среднимъ родомъ, хотя точнѣе было бы назвать *неродовою*. [1]) Любопытно, что къ данной категоріи относятся также названія нѣкоторыхъ одушевленныхъ предметовъ, какъ напр. *дитя*, или въ старо-славянскомъ названія молодыхъ животныхъ (напр. **жрѣбѧ**, **телѧ**, **прѧ**-**сѧ**); названія этихъ предметовъ легко могли попасть въ неродовую категорію, такъ какъ въ этомъ случаѣ не представлялось существеннымъ отмѣтить различіе по естественному полу. Съ другой стороны можно указать такія существительныя, какъ—ребенокъ, теленокъ и т. п., которыя по своей формѣ принадлежатъ къ категоріи муж. рода, хотя бы соотвѣтствующіе

---

[1]) Нѣкоторые языки, какъ напр. романскіе и семитическіе, не знаютъ такой категоріи именъ и различаютъ только два рода въ существительныхъ —мужескій и женскій, а другіе языки, напр. англійскій и турецко-татарскіе, совсѣмъ не имѣютъ въ существительныхъ родовыхъ различій.

предметы по своему естественному полу и не подходили къ этой категоріи. [1])

Существительныя абстрактныя, подобно названіямъ предметовъ неодушевленныхъ, имѣютъ грамматическій родъ, напр. *раздѣлъ*—муж., *ходьба*—жен., *чтеніе*—средн.

Затѣмъ, имена существительныя представляютъ еще различія количественныя; это—такъ называемыя *единственное* и *множественное число*. [2]) Не всѣ однако существительныя имѣютъ оба числа, есть такія существительныя, которыя являются въ формѣ одного только числа—единственнаго или же множественнаго. Къ категоріи существительныхъ, имѣющихъ лишь единственное число, естественно относятся имена собственныя, а также субстантивныя названія качествъ и дѣйствій (Петербургъ, краснота, ходьба),—къ категоріи же существительныхъ съ однимъ множественнымъ числомъ принадлежатъ названія такихъ предметовъ, которые хотя и мыслятся нами какъ одинъ предметъ, но въ представленіе которыхъ привходитъ идея парности или же множественности. Сюда относятся названія нѣкоторыхъ предметовъ *одежды* (брюки, помочи), предметовъ служащихъ для *ѣзды* (сани, дрожки, салазки), а также нѣкоторыхъ другихъ предметовъ *парнаго* симметричнаго строенія, напр. щипцы, ножницы, очки и т. п. Подъ идею множественности такъ или иначе можно подвести названія нѣкоторыхъ

---

[1]) Подобнымъ же чисто формальнымъ образомъ въ нѣмецкомъ языкѣ относятся къ неродовой категоріи всѣ умеьшительныя на *-chen* и *-lein*, напр. Fräulein, Mütterchen, Brüderchen и т. п.

[2]) Въ старо-славянскомъ языкѣ, равно какъ и въ древне-русскомъ, было еще двойственное число, сохраняющееся доселѣ въ нѣкоторыхъ изъ славянскихъ нарѣчій.

пищевыхъ веществъ, напр. сливки, дрожжи, отруби и т. д., а затѣмъ отглагольныя названія нѣкоторыхъ совмѣстныхъ *игръ*, напр. горѣлки, прятки, жмурки и т. п.

Категорія множественнаго числа имѣетъ кажущееся сходство съ категоріей существительныхъ собирательныхъ: и тутъ и тамъ обозначается множественность однородныхъ предметовъ. Разница между этими категоріями заключается въ слѣдующемъ. Существительныя собирательныя (collectiva) обозначаютъ сумму однородныхъ предметовъ какъ одно цѣлое и соотвѣтственно этому имѣютъ форму единственнаго числа (стадо, тряпье, воронье), при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ могутъ подобно обыкновеннымъ существительнымъ принимать и форму множественнаго числа, какъ напр. стадо—стада, лѣсъ—лѣса; категорія множественнаго числа не содержитъ въ себѣ такой идеи цѣлаго, но обозначаетъ простую множественность предметовъ. Кажущееся сходство существительныхъ собирательныхъ съ категоріей множественнаго числа могло быть поводомъ къ употребленію при существительномъ собирательномъ ед. ч., какъ подлежащемъ, сказуемаго во множ. числѣ, напр. въ древне-русскомъ языкѣ: „дружина моя сему смѣятися начнуть“ (Лавр. лѣтоп. подъ 965 г.); „Чюдь даша плеща“ [1]) (Новгор. лѣтоп. подъ 1242 г.).

Кромѣ измѣненій по числамъ, имена существительныя представляютъ еще измѣненія по падежамъ. Въ учебныхъ грамматикахъ обыкновенно насчитывается семь падежей (Именительный, Родительный, Дательный, Винительный, Звательный, Творительный и Предложный), тогда какъ въ дѣйствительномъ языкѣ можно различить еще другіе падежи. Къ по-

[1]) даша плеща=побѣжали.

слѣднимъ нужно отнести падежъ *Исходный*, напр. изъ лѣсу; затѣмъ въ области такъ называемаго Предложнаго падежа нужно различать: *Мѣстный*—принимающій часто въ существительныхъ муж. р. окончаніе -ѹ, напр. на домѹ; *Изъяснительный*—въ тѣхъ же существительныхъ съ окончаніемъ -ѣ, напр. о домѣ; и др. Такъ какъ значеніе падежныхъ оттѣнковъ выступаетъ полностью въ связной рѣчи, то детальное разсмотрѣніе ихъ относится къ синтаксису.

Разсмотрѣвъ имя существительное съ семазіологической стороны, мы перейдемъ къ его формальной сторонѣ,—къ словоизмѣненію по *склоненіямъ* и постараемся представить *классификацію* этихъ послѣднихъ. Здѣсь нужно обратить вниманіе на различіе окончаній и на различіе ударенія.

Что касается распредѣленія склоненій по различію *окончаній*, то самыя крупныя группы соотвѣтствуютъ различію *родовъ*—мужескаго, женскаго и средняго. Каждая изъ этихъ группъ имѣетъ основное склоненіе (столъ, царь; рыба, земля; окно, поле) и побочное (муж.—путь, женск.—дверь, ср.—имя и т. п.), отличающееся отъ основнаго склоненія нѣкоторыми особенностями въ окончаніяхъ. Въ каждой группѣ основнаго склоненія въ свою очередь различаются разновидности—*твердая* и *мягкая*; напр. слова „столъ“, „рыба“, „окно“ принадлежатъ къ твердымъ типамъ склоненій, а слова „царь“, „земля“, „поле“—къ мягкимъ. Въ учебникахъ русской грамматики различіе твердаго и мягкаго склоненія обыкновенно относится на счетъ окончаній (напр. Р. ед. стол-*а* || кул-*я*, Д ед. стол-*у* || кул-*ю*), но это потому, что авторы ихъ разсматриваютъ склоненіе исключительно съ точки зрѣнія *орѳографіи*. Но если мы станемъ на точку зрѣнія *произношенія*, то убѣдимся, что въ большинствѣ случаевъ, не смотря на разное орѳографическое обозначеніе, окончанія въ твердомъ и соот-

вѣтствующемъ мягкомъ склоненіи одинаковы, разница же сводится къ твердости и мягкости предшествующаго согласнаго, т. е. того согласнаго, которымъ заканчивается основа (срв. тѣ же формы въ научно фонетической транскрипціи: ста̊л-*а́* || кул'-*а́*, ста̊л-*у́* || кул'-*у́*.[1]) Конечно, можно изучать различія склоненій, опираясь на правописаніе, но въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать о соотношеніи между правописаніемъ и произношеніемъ. И въ твердомъ и въ мягкомъ склоненіи слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторыя частныя группы; такъ, въ твердомъ склоненіи выдѣляются въ особую группу слова, основа которыхъ кончается однимъ изъ отвердѣвшихъ согласныхъ (*ш*, *ж*, и *ц*), напр. отъ слова „мужъ“ въ Р. мн. вмѣсто ожидаемаго окончанія *-овъ* имѣется *-ей*, какъ остатокъ прежней мягкой флексіи (впрочемъ, въ словахъ муж. р. на *-цъ* Р. мн. получилъ уже окончаніе *-овъ*, т. е. твердаго склоненія). Что касается прочихъ основъ твердаго склоненія, т. е. кончающихся первично-твердыми согласными, то нужно различать основы, кончающіяся согласными губными и передне-язычными отъ основъ на задне-язычные согласные: первыя могутъ сочетаться съ падежнымъ окончаніемъ *-ы*, а при вторыхъ вмѣсто этого окончанія является *-и* (напр. срв. столы || волки; жены || руки). Въ мягкомъ склоненіи муж. р. нужно различать склоненіе основъ на j отъ основъ на мягкіе согласные: въ послѣднихъ Р. мн. имѣетъ окончаніе *-ей* (напр. царей), а въ первыхъ *-евъ* (чаевъ). Объ особенностяхъ Вин. падежа въ склоненіи предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ (В. ед. столъ || волка и т. д.) говорилось выше.

---

[1]) Правда, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ самыя окончанія по-видимому различны въ твердомъ и мягкомъ склоненіи, какъ напр. слов-омъ || пол-емъ, рыб-ы || бур-и, однако сравнительная грамматика доказываетъ, что эти различія окончаній не первичны, представляя позднѣйшія развѣтвленія одного соотвѣтствующаго окончанія.

При изученіи *ударенія* въ склоненіи нужно различать случаи *постояннаго* ударенія, когда послѣднее во всемъ склоненіи остается на одномъ и томъ же мѣстѣ (напр. споръ) и случаи *переходнаго* ударенія, когда послѣднее мѣняетъ свое мѣсто (напр. вóлкъ || волкáмъ). Постоянное ударéніе можетъ находиться не только на основѣ (напр. „споръ“), но и на окончаніи, напр. срв. столá, столу́, столáми и т. д. [1]) Что касается переходнаго ударенія, то законы его представляютъ особенности въ склоненіяхъ мужескаго, женскаго и средняго рода, при чемъ однако типы ударенія въ твердой и мягкой разновидности каждаго изъ этихъ склоненій одни и тѣ же. Такимъ образомъ, мы принимаемъ за главное основаніе классификаціи склоненій существительныхъ различіе рода, а затѣмъ въ каждомъ склоненіи разсматриваемъ законы ударенія параллельно въ твердой и мягкой разновидностяхъ. [2])

А. *Мужескій родъ.*

Въ склоненіи именъ существительныхъ мужескаго рода можно установить четыре главныхъ типа по ударенію:

1) *споръ*, *родитель*. Въ склоненіи этихъ словъ, изъ которыхъ первое принадлежитъ твердой разновидности, а вто-

---

[1]) Правда, въ приведенномъ примѣрѣ И. ед. уже не имѣетъ ударенія на окончаніи, но необходимо допустить на основаніи сравненія съ родственными языками, что нѣкогда и здѣсь на мѣстѣ нуля имѣлось ударяемое окончаніе (ъ=ŭ), впослѣдствіи утраченное; съ утратою же окончанія, ударéніе передвинулось по необходимости на основу.

[2]) Нерѣдко приходится сталкиваться съ ходячимъ воззрѣніемъ, совершенно ошибочнымъ, что будто бы законы ударенія въ русскомъ языкѣ не изслѣдованы; но это происходитъ отъ незнакомства съ тѣмъ, что сдѣлано въ наукѣ: уже въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія законы русскаго ударенія въ склоненіи и спряженіи были весьма обстоятельно разработаны А. Х. Востоковымъ.

рое—мягкой, удареніемъ во всѣхъ падежахъ ед. и множ. числа сопровождается основа. Другіе примѣры—твердаго склоненія: стонъ, звукъ, трупъ, шумъ, хрипъ, станъ, бракъ, храмъ, шарфъ, братъ (И. мн. -ья), брусъ (И. мн. -ья), мягкаго склоненія: житель, пахарь, рыцарь и т. д. Слова, сложныя съ префиксомъ, какъ односложныя, такъ и неодносложныя, имѣютъ большею частію постоянное удареніе на основѣ, напр. с-поръ, вз-глядъ, в-кусъ, за́-пахъ, по́ двигъ, во про́съ, на ро́дъ, о-го-ро́дъ, пере-во́зъ и т. п., при чемъ нѣкоторыя изъ этихъ словъ въ простомъ видѣ (т. е. безъ префикса) принадлежатъ къ другимъ типамъ ударенія (напр. родъ, городъ, возъ). Однако нѣкоторыя слова, будучи сложны съ префиксомъ, имѣютъ переходное удареніе, напр. о́-стровъ, о́-кругъ, по́-гребъ; они отличаются отъ предшествующихъ тѣмъ, что принимаютъ въ И. мн. вмѣсто окончанія *-ы* ударяемое *-а́*. Какъ видно изъ памятниковъ, послѣднее окончаніе въ словахъ муж. рода появляется сравнительно поздно взамѣнъ окончанія *-ы*, и можно думать, что и такія слова, какъ „островъ“ и пр., нѣкогда имѣли тоже постоянное удареніе на основѣ. Это подтверждаютъ случаи, когда слово имѣетъ оба окончанія, напр. „округъ“—И мн. о́круги || округа́. Къ односложнымъ словамъ въ разсматриваемомъ типѣ принадлежатъ нѣсколько церковно-славянскихъ, напр. храмъ, гласъ, при чемъ соотвѣтствующія полногласныя русскія существительныя частію тоже имѣютъ постоянное удареніе (срв. хоромы), частію же переходное (срв. голосъ съ И. мн. на *-а́*).

2) *зубъ, звѣрь*. Въ этомъ типѣ удареніе имѣется на основѣ во всемъ единственномъ числѣ и И. мн. (въ названіяхъ же неодушевленныхъ предметовъ также и въ В. мн.), начиная же съ Р. мн.—на окончаніи. Другіе примѣры: воръ, волкъ, кругъ, видъ, бѣсъ; гость, го́лубь, ко́зырь, но́готь, гусь, груздь, ла́поть.

3) *полъ, чай.* Въ словахъ этого типа удареніе въ ед. ч. на основѣ, а во мн. ч. на окончаніи. Другіе примѣры: носъ, сотъ, долгъ, торгъ, верхъ, пудъ, валъ, паръ, садъ, рядъ, жиръ, миръ, сватъ (Им. мн. на *-ья́*), сынъ и кумъ (И. мн. на *-овья́*), бой, рой, зять (И. мн. на *-ья́*). Нужно имѣть въ виду, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывается смѣшеніе втораго и третьяго типа, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что нѣкоторыя существительныя могутъ принимать въ И. мн. какъ окончаніе *-ы*, такъ и окончаніе *-а́* (напр. хлѣбы || хлѣба́, вѣтры || вѣтра́), при чемъ первое окончаніе обычно является неударенным, а второе—съ удареніемъ (какъ отступленіе можно указать: цвѣты́ || цвѣта́); чаще же видимъ утвержденіе одного окончанія—*а́*, напр. въ словахъ: лѣсъ, снѣгъ, берегъ, погребъ, островъ.

4) *столъ, царь.* Здѣсь удареніе на основѣ только въ И. ед. (въ названіяхъ предметовъ неодушевленныхъ и въ В. ед.), въ остальныхъ же падежахъ ед. ч. и во множ. числѣ—на окончаніи. Такъ какъ въ И. ед. удареніе перешло на основу по необходимости, вслѣдствіе исчезновенія конечныхъ краткихъ гласныхъ, то удареніе въ этомъ типѣ можетъ разсматриваться какъ постоянное на окончаніи. Другіе примѣры: волъ, дворъ, бобъ, попъ, снопъ, клопъ, плодъ, плотъ (очень много словъ съ постояннымъ гласнымъ *о* въ корнѣ), ротъ, ленъ, полкъ, столбъ, серпъ, быкъ, клыкъ, стыдъ, грибъ, цѣпъ, рабъ; пень, ключъ, лучъ, соловей́.

Изъ указанныхъ типовъ первый и четвертый—самые частые, потому что къ нимъ принадлежатъ кромѣ словъ первообразныхъ также производныя, напр. сто́ликъ—сто́лика, голи́къ—голика́; па́лецъ—па́льца, дѣле́цъ—дѣльца́ и т. п.

Слово *путь*, составляющее по своимъ окончаніямъ осо-

бое склоненіе [1]), по ударенію относится къ четвертому типу.

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній объ отдѣльныхъ окончаніяхъ склоненія словъ мужескаго рода.

Родит. ед. имѣетъ два окончанія: *-а* и *-у*, напр. „цвѣтъ снѣг*а*“ || „много снѣг*у*“. Окончаніе *-а* служитъ собственно окончаніемъ Р. ед.; окончаніе же *-у* преимущественно употребляется въ именахъ существительныхъ вещественныхъ и вообще измѣряемыхъ въ зависимости отъ словъ, содержащихъ идею количества, какъ напр. въ приведенномъ выраженіи, а кромѣ того при предлогахъ исходнаго и достигательнаго значенія (иногда принимая смыслъ нарѣчія), напр. у Тургенева: „онъ поднялъ фонарь *съ* пол*у*“, „плясать *до* упад*у*“, „наконецъ *до*бился я толк*у*“. [2]) Дифференціація окончаній *-а* и *-у* начинаетъ обнаруживаться еще въ XI в., срв. „отъ льн*у*“ Свят. Сб. 1073 г. (соединеніе вещественнаго названія съ предлогомъ исходнаго значенія), а въ XIV в. встрѣчаемъ въ памятникахъ примѣры и другихъ оттѣнковъ значенія, именно—исходный и достигательный оттѣнки значенія отъ именъ, не принадлежащихъ къ названіямъ вещественнымъ, напр. со брег*у*, до търг*у*.

---

[1]) Первоначально къ этому склоненію, какъ видно изъ старо-славянскаго и древне-русскаго языка, принадлежали еще нѣкоторыя другія существительныя, напр. **гость, зѧть, тьсть, голѫбь, огнь, дьнь** и нѣк. др.; въ современномъ русскомъ языкѣ они принадлежатъ уже къ мягкому мужескому склоненію, въ которое перешли путемъ аналогіи, напр. гость—гостя (Р. ед.) и т. д.

[2]) Кромѣ указаннаго различія въ употребленіи окончаній Р. ед. *-а* и *-у*, имѣетъ еще значеніе характеръ стиля, а именно—въ возвышенной рѣчи предпочитается окончаніе *-а*, на мѣстѣ котораго въ простой рѣчи можетъ быть употреблено *-у*; на это различіе въ употребленіи окончаній обратилъ вниманіе еще Ломоносовъ въ своей Россійской Грамматикѣ.

Первоначально же окончанія *-а* и *-у* принадлежали разнымъ типамъ склоненія: окончаніе *-а* принадлежало обычнымъ словамъ муж. р. (напр. рабъ), окончаніе же *-у* немногочисленнымъ основамъ муж. р. на *-ŭ-*, какъ это встрѣчаемъ приблизительно въ старо-славянскомъ (напр. въ словахъ сынъ, врьхъ, которымъ соотвѣтствуютъ въ литовскомъ sūnùs, viršùs). Но очень рано эти склоненія начали смѣшиваться (начало этого смѣшенія, наблюдаемаго и въ другихъ славянскихъ языкахъ, вѣроятно восходитъ еще въ общеславянскую эпоху). Все-таки въ Род. ед. удержались окончанія обоихъ склоненій, дифференцировавшіяся въ русскомъ языкѣ между собою по значенію указаннымъ выше образомъ.

Предлож. ед. представляетъ два окончанія: *-ѣ* (неударяемое или ударяемое) и *-ý* (только ударяемое), напр. „говорить о снѣгѣ“ || „стоять на снѣгý“. Какъ можно видѣть изъ этихъ примѣровъ, форма съ окончаніемъ *-ѣ* имѣетъ значеніе дополнительное или объяснительное, а форма съ окончаніемъ *-ý* — мѣстное (соотвѣтственно съ этимъ второе окончаніе употребляется въ литературной рѣчи лишь при предлогахъ *въ* и *на*); форма съ окончаніемъ *-ý* примѣняется также при обозначеніи времени, когда что-либо совершалось, напр. „въ седьмомъ часу утра“. Вотъ еще нѣсколько примѣровъ (изъ произведеній Тургенева) для иллюстраціи разницы по оттѣнку значенія разбираемыхъ формъ: „Потапъ въ лѣсу“ || „знаетъ толкъ въ лѣсѣ“ (во второмъ случаѣ форма съ окончаніемъ *-ѣ* служитъ простымъ дополненіемъ на вопросъ—въ чемъ?); „на каждомъ шагý“ || „чуть не спотыкаясь на каждомъ шагѣ“ (т. е. своемъ,—опять предложный дополненія). [1])

[1]) Замѣтимъ еще, что—по замѣчанію Ломоносова—въ возвышенной рѣчи предпочитается окончаніе *-ѣ* вм. *-ý* въ повседневной рѣчи (срв. выше аналогичное замѣчаніе относительно окончаній Р. ед.).

Такъ какъ окончаніе -*у* (-*ю*) встрѣчается не только въ Предл. ед., но и въ Род. ед., то въ языкѣ проявляется стремленіе къ различенію этихъ падежей посредствомъ ударенія, или же путемъ замѣны одного изъ парныхъ окончаній другимъ. Различеніе посредствомъ ударенія наблюдается въ словахъ первыхъ трехъ типовъ ударенія (напр. съ вéрху || на верхý); что касается различенія посредствомъ замѣны окончаній, то оно наблюдается въ словахъ, принадлежащихъ къ четвертому типу ударенія, и обусловливается тѣмъ, что языкъ избѣгаетъ одного и того же ударяемаго окончанія (-*ý*) въ двухъ падежахъ. Поэтому, если слово, по ударенію принадлежащее къ 4-ому типу, въ Род. ед. имѣетъ окончаніе -*ý* (напр. пескý), то Предл. ед. будетъ уже имѣть другое окончаніе, т. е. -*ѣ* (напр. на пескѣ, въ табакѣ); если же слово принадлежащее по ударенію къ 4-ому типу, въ Предл. ед. имѣетъ уже ударенное окончаніе -*ý*, то окончаніемъ Род. ед. будетъ -*á* (наприм. въ углý || углá). Окончаніе Дат. ед. -*у* (-*ю*), не имѣя парнаго окончанія, не связано дифференціаціей ни съ Род. ед., ни съ Предл. ед.

Что касается происхожденія окончанія -ý въ Предл. ед., то оно, подобно такому же окончанію въ Р. и Д. ед., происходитъ отъ древняго склоненія основъ на -ŭ-.

Имен. множ. кромѣ окончанія -*ы*, которое бываетъ ударяемое и неударяемое, нерѣдко принимаетъ окончаніе -*á*, всегда сопровождающееся удареніемъ. Что касается перваго окончанія, то оно въ этомъ падежѣ не исконное и раньше вмѣсто него было окончаніе одинаковое съ старо-славянскимъ языкомъ, т. е. -*и*; окончаніе же -*ы* въ И. мн. явилось въ русскомъ языкѣ по аналогіи къ В. мн. того же склоненія подъ вліяніемъ другихъ склоненій, гдѣ эти падежи были сходны, особенно же подъ вліяніемъ существительныхъ женскаго рода на -*а*, въ которыхъ И. и Вин. мн. имѣли окончаніе -*ы*; впервые въ древне-русскихъ памятникахъ окончаніе -*ы* въ И. мн

муж. встрѣчается съ XIII в., напр. чины въ Житіи Нифонта 1219 г. (съ этого же вѣка видимъ распространеніе и другихъ окончаній множ. числа женскаго рода на мужеское склоненіе, именно окончаній Д. Тв. и Предл. множ. *-амъ, -ами, -ахъ*). Что касается втораго окончанія *-а́*, то для уясненія его происхожденія, важно обратить вниманіе на то обстоятельство, что это окончаніе способны принимать только существительныя, принадлежащія по ударенію къ первымъ тремъ типамъ, въ которыхъ подобное же окончаніе Род. ед. не имѣетъ на себѣ ударенія (таковы—бокъ, глазъ, домъ, лѣсъ, островъ и т. п.). Можно думать, что окончаніе *-а́* въ И. мн. муж. явилось по аналогіи къ среднему роду; тамъ тоже И. мн. оканчивается на *-а* съ ударені́емъ, когда въ Род. такое же окончаніе не имѣетъ ударенія (напр. дѣ́ло, сло́во); это распространеніе окончанія средняго рода на мужескій могло совершиться тѣмъ легче, что склоненіе словъ средняго рода почти одинаково со склоненіемъ мужескаго рода, разница лишь въ Им. Вин. обоихъ чиселъ. Время перенесенія окончанія *-а́* въ И. мн. муж. рода довольно позднее: XV—XVI вв.

Б. *Женскій родъ.*

Слова, принадлежащія къ женскому склоненію, относительно ударенія классифицируются на слѣдующіе типы:

1) *рѣ́па, ду́ля.* Ударе́ніе постоянное на основѣ. Другіе примѣ́ры: ло́дка, доро́га, коро́ва, ка́рта, бу́хта; бу́ря, ба́шня, па́шня и пр.

2) *рука́, земля́.* Ударе́ніе въ большей части падежей, какъ и въ Им. ед., падаетъ на окончаніе; на основу ударе́ніе переходитъ въ Вин. ед. и въ Им. мн., а также въ Р. мн. Переходъ ударенія на основу въ В. ед. не поддается объясненію по крайней мѣрѣ на почвѣ одного русскаго языка; что касается перехода ударенія на основу въ И. мн., то онъ, вѣ-

роятно, вызванъ дифференціаціей къ однозвучной формѣ Р. ед.; переходъ же ударенія на основу въ Род. мн. вызванъ фонетическою причиною, именно—утратою произношенія конечныхъ -ъ и -ь, какъ это ясно видно на принадлежащихъ къ данному типу полногласныхъ существительныхъ: сторона́—сто́рону || сторо́нъ, также—голова́, борода́, сковорода́. Другіе примѣры: вода́, гора́, доска́, рука́, спина́, стѣна́, щека́.

3) *корма́, свѣча́*. Этотъ разрядъ отличается отъ предшествующаго только тѣмъ, что въ немъ В. ед. уже относится къ падежамъ съ удареніемъ на окончаніи, такъ что переходъ ударенія на основу ограничивается только Им. и Род. множ. Другіе примѣры: овца́, верста́, волна́, рѣка́, слеза́; ноздря, головня́ (Р. множ. на -е́й). Впрочемъ, во многихъ словахъ даннаго типа ударѐніе, будучи постояннымъ на окончаніи во всемъ единств. числѣ, можетъ переходить на основу не только въ Им. и Род. множ., но и въ остальныхъ падежахъ множ. числа; срв.: вдова́, гроза́, серьга́, скула́, ветла́, десна́, игра́, волна́; судья́ и свинья́ (Р. мн. на -е́й); сюда надо отнести также многосложныя существительныя на -ота́, напр. кислота́ (во мн. ч. кисло́ты и пр.), высота́, острота́, красота́, нечистота́. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ примѣровъ ударѐніе колеблется, т. е. при образованіи отъ такихъ словъ падежныхъ формъ ударѐніе можетъ быть двоякое, напр. се́рьгамъ || серьга́мъ; срв. далѣе—труба́, скала́, слуга́, роса́, коза́, пила́, изба́, гряда́. Затруднительность опредѣленія ударенія въ этихъ случаяхъ обнаруживается изъ того, что спрашиваемый обыкновенно не сразу опредѣляетъ ударѐніе, но старается придумать фразу съ искомою формой и произнести эту фразу такъ, какъ она сама скажется, т. е. какъ бы невольно. Вполнѣ естественно, что при этомъ встрѣчаются и индивидуальныя колебанія.

4) *княжна́, простыня́*. Сюда относится немногочисленная группа существительныхъ, въ которыхъ ударѐніе остается на

окончаніи во всѣхъ падежахъ единств. и множ. числа (оставляя въ сторонѣ извѣстную особенность Р. мн.); другіе примѣры: госпожа́, статья́.

Къ женскому склоненію принадлежатъ еще такія слова, какъ „кость“, т. е. оканчивающіяся въ И. ед. мягкими (или также отвердѣвшими *ж* и *ш*) согласными. Въ этихъ существительныхъ два типа по ударенію: 1) ударѐніе постоянное на основѣ, напр. мысль, крова́ть, возвы́шенность; 2) ударѐніе остается на основѣ во всѣхъ падежахъ ед. ч., а во мн. ч. оно находится на основѣ только въ Имен. падежѣ, въ остальныхъ же падежахъ переходитъ на окончаніе, напр. дверь, кость, мышь, соль, во́лость, вѣ́домость, до́лжность, це́рковь и проч. [1]) Односложныя слова въ Предл. ед. при мѣстныхъ предлогахъ *въ* и *на* переносятъ ударѐніе на окончаніе, особенно если получаютъ значѐніе обстоятельственное, напр. на печи́.

В. *Средній родъ.*

Существительныя средняго рода относительно законовъ ударенія въ склоненіи представляютъ слѣдующіе четыре типа:

1) *бога́тство, гада́нье*: ударѐніе постоянное на основѣ въ обоихъ числахъ, подобно такому же типу въ склоненіяхъ муж. и женск. рода. Другіе примѣры: пи́ршество, кня́жество, жили́ще, заня́тіе.

2) *сло́во, по́ле:* въ единств. числѣ ударѐніе на основѣ, во множ. числѣ на окончаніи, т. е. подобно третьему типу въ

---

[1]) Къ этому типу принадлежатъ слова «мать» и «дочь», имѣющія въ прочихъ падежахъ передъ окончаніями древніе звуки -ер-, теперь кажущіеся какъ бы «наращеніемъ».

мужескомъ склоненіи. Другіе примѣры: дѣ́ло, мѣ́сто, зе́ркало, по́ле, мо́ре.

3) *вино́, ружьё*: въ единств. числѣ удареніе на окончаніи, а во множ. числѣ на основѣ, т. е. обратно съ предъидущимъ типомъ и подобно четвертому типу въ женскомъ склоненіи. Другіе примѣры: бедро́, весло́, ребро́, вино́, гнѣздо́, долото́, колесо́, рѣшето́, лицо́, копьё.

4) *вещество́, остріё* (остреё): удареніе во всѣхъ падежахъ единств. и множеств. числа на окончаніи. Другіе примѣры: торжество́, существо́, лезвеё, бытіе́. Подобный типъ ударенія мы встрѣчали и въ склоненіи другихъ родовъ.

Изъ представленныхъ четырехъ типовъ склоненія средняго рода наиболѣе характерными являются второй и болѣе по сравненію съ нимъ многочисленный—третій. Такъ называемыя имена съ наращеніемъ (и́мя, сѣ́мя и др.) принадлежатъ ко второму типу (только слово „зна́мя“ можетъ имѣть и другое передвиженіе ударенія—„знаме́на“.

Мы прослѣдили цѣлый рядъ типовъ ударенія въ русскомъ склоненіи. Сравнительная грамматика позволяетъ показать связь этихъ типовъ съ типами ударенія другихъ аріо-европейскихъ языковъ—санскритскаго, греческаго и литовскаго (только они сохранили болѣе или менѣе древнее удареніе). Такъ, въ нихъ мы встрѣчаемъ оба типа постояннаго ударенія, т. е. на основѣ и окончаніи, напр. греч. *λόγος, βωμός*. Для выясненія типовъ русскаго переходнаго ударенія нужно обратить вниманіе на т. наз. третье [1]) склоненіе особенно односложныхъ словъ въ языкахъ санскритскомъ и греческомъ:

---

[1]) Къ этому склоненію относятся основы, кончавшіяся первоначально согласнымъ, напр. греч. ὀπ-ός (Р. ед. отъ ὄψ) и т. д. Въ русскомъ языкѣ эти согласныя основы перешли въ гласныя склоненія, напр. мышь (греч. μῦς, лат. mus), соль (греч. ἅλς, лат. sal). Этотъ переходъ, вѣроятно, обусловъ-

въ этихъ словахъ удареніе въ косвенныхъ падежахъ (т. е. не Им. и Вин.) всѣхъ чиселъ удареніе переходитъ на окончаніе. Въ русскомъ языкѣ подобный переходъ ударенія мы наблюдали въ одномъ множественномъ числѣ, напр. гу́си—гусе́й, мы́ши—мыше́й, во́лки—волко́въ и проч., при чемъ въ единственномъ числѣ тѣхъ же словъ удареніе оказывается постояннымъ на основѣ и это однообразіе могло получиться подъ вліяніемъ аналогіи. Другія модификаціи русскаго переходнаго ударенія могли обусловливаться, какъ мы указывали, стремленіемъ къ дифференціаціи по ударенію различныхъ падежей сходнаго окончанія, напр. срв. жены || же́ны, окна́ || о́кна и проч.; присоединившееся же къ дифференціаціи дѣйствіе аналогіи могло въ иныхъ случаяхъ провести одинъ типъ ударенія черезъ ед. ч., а другой типъ черезъ мн. ч. однихъ и тѣхъ же словъ, какъ напр. въ среднемъ родѣ. Подъ вліяніемъ факторовъ аналогіи и дифференціаціи и совершилось видоизмѣненіе древняго переходнаго ударенія въ нѣсколько типовъ. Литовское удареніе въ склоненіи представляетъ большое сходство съ русскимъ; такъ, въ немъ мы встрѣчаемъ переходъ ударенія на основу въ Вин. ед., подобный русскому типу въ женскомъ склоненіи рука́—ру́ку, какъ напр. въ соотвѣтствующемъ литовскомъ словѣ ranka (Им. ед.)—ranką (В. ед.). Особенно же большое согласіе въ системахъ русскаго ударенія съ тѣми славянскими языками, которые удержали подвижность ударенія, особенно съ сербскимъ, напр. русскому раз-

---

ленъ сильнымъ различіемъ формы И. ед. отъ другихъ падежей, происшедшимъ благодаря исчезновенію въ славянскихъ языкахъ конечныхъ согласныхъ въ И. ед. Въ такомъ случаѣ переходъ словъ третьяго склоненія въ гласныя склоненія надо отнести ко временамъ славянскаго праязыка. Остаткомъ первоначальнаго третьяго склоненія въ русскомъ языкѣ является т. наз. склоненіе съ наращеніемъ: мать—матери, имя—имени и пр., т. е въ древнихъ основахъ на плавный и носовой согласный.

личію вода́—во́ду—во́ды соотвѣтствуетъ въ сербскомъ во̀да—во̏ду—во̑де, или русскому различію село́—се́ла отвѣчаетъ въ сербскомъ сѐло—се̑ла. Въ виду такого согласія можно относить начало русскихъ видоизмѣненій древняго переходнаго ударенія въ общеславянскую эпоху.

Глава VIII.

Имя прилагательное; степени сравненія. Нѣкоторыя замѣчанія объ имени числительномъ и мѣстоименіи.

Именемъ прилагательнымъ называется измѣняемая часть рѣчи, обыкновенно служащая для опредѣленія имени существительнаго. Самый терминъ „прилагательное“ выражаетъ, что эта часть рѣчи употребляется въ приложеніи къ существительному, при чемъ прилагательнымъ обозначается какое-либо частное представленіе въ общемъ представленіи даннаго предмета. Связь же частнаго представленія со своимъ сложнымъ въ сферѣ языка выражается *согласованіемъ* прилагательнаго съ существительнымъ, напр. красн*ый* столъ, красн*ая* доска и т. п. [1]) Имя прилагательное, относясь къ

---

[1]) По поводу даннаго нами опредѣленія прилагательнаго можно было бы возразить, что, напр., въ выраженіи: передай книгу въ переплетѣ—слово «въ переплетѣ», согласно съ нашимъ опредѣленіемъ, нужно считать прилагательнымъ, такъ какъ оно обозначаетъ *одинъ изъ признаковъ другаго представленія* Это замѣчаніе было бы справедливо въ томъ случаѣ, если бы часть рѣчи опредѣлялась только по значенію, но въ опредѣленіе каждой части рѣчи должна входить также характеристика ея со стороны формальной, почему мы и указали, что прилагательное согласуется со своимъ существительнымъ, т. е. что ему свойственна опредѣленная форма.

существительному, можетъ являться въ предложеніи не только опредѣленіемъ (красный столъ и т. п.), но также входить въ составъ сказуемаго, напр. столъ — красенъ, доска — красна и т. п. Соотвѣтственно этому синтаксическому различію, прилагательное имѣетъ двѣ формы: *простую*—для сказуемаго (напр. красенъ, -а, -о), и *сложную*—для опредѣленія (красный, -ая, -ое). [1]) Сложная форма образовалась изъ простой чрезъ присоединеніе древняго мѣстоименія *и, я, е,* (т. е. напр. добръ+*и*, добра+*я*, добро+*е*), представляющаго собою родъ члена. Раньше простая форма прилагательнаго употреблялась и какъ опредѣленіе, но теперь (за исключеніемъ притяжательныхъ на *-инъ* и *-овъ*) только какъ сказуемое. Отголоски употребленія прилагательнаго въ простой формѣ въ качествѣ опредѣленія нерѣдко встрѣчаются въ произведеніяхъ народной словесности, напр. въ былинахъ, особенно въ типичныхъ сочетаніяхъ, ставшихъ какъ бы формулами, напр. „у ласкова князя Владимера“ и т. п. Такъ какъ въ современномъ литературномъ языкѣ прилагательное въ простой формѣ является, за извѣстнымъ исключеніемъ, только въ качествѣ сказуемаго, при чемъ согласуется съ своимъ подлежащимъ, подлежащее же всегда стоитъ въ Имен. падежѣ, то вполнѣ понятно, что въ литературномъ языкѣ простое прилагательное способно имѣть только форму Имен. падежа, напр. въ ед. ч.: умéнъ—умнá—умнó, во мн. ч.: умны́. [2]) Въ качествѣ же опредѣлительныхъ словъ прилагательныя имѣютъ полное склоненіе, согласуясь со своимъ су-

---

[1]) Изъ другихъ языковъ аріо-европейскихъ укажемъ на существованіе простой и сложной формъ прилагательнаго съ подобной же синтаксической дифференціаціею ихъ въ литовскомъ и нѣмецкомъ.

[2]) Что касается ударенія при этомъ, то оно частію слѣдуетъ данному примѣру (срв. еще: *жóлтъ*—желтá—желтó—желты́), въ другихъ же примѣрахъ на окончаніе переходитъ только въ женскомъ родѣ ед. ч., напр *сухъ*—сухá—сýхо—сýхи, *дóрогъ*—дорогá—дóрого—дóроги, *вéселъ*—веселá—вéсело—вéселы; наконецъ, удареніе можетъ быть постояннымъ на основѣ, напр. *здорóвъ*—здорóва—здорóво—здоровы.

ществительнымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ; поэтому склоняются всѣ сложныя прилагательныя (напр. добрый человѣкъ, добраго человѣка и пр.), а изъ прилагательныхъ съ простою формою только извѣстныя притяжательныя (напр. Ивановъ день, Иванова дня и пр.).

Что касается *системы удареніи въ склоненіи* прилагательныхъ, то эта система очень проста: удареніе здѣсь бываетъ только постоянное—или на основѣ, или на окончаніи, при чемъ прилагательныя твердаго склоненія могутъ имѣть то и другое удареніе (напр. до́брый, слѣпо́й), прилагательныя же мягкаго склоненія встрѣчаются только съ удареніемъ на основѣ (напр. ве́рхній).

И такъ, имена прилагательныя обычно являются въ *двухъ формахъ*—простой и сложной, соотвѣтственно синтаксическому различію въ употребленіи. Не всѣ однакожъ прилагательныя способны къ этимъ двумъ формамъ: нѣкоторыя прилагательныя являются *только въ одной* формѣ, или краткой (напр. Ивановъ и т. п.), или же полной (напр. деревянный и т. п.), независимо отъ того, служатъ ли они словами опредѣлительными, или же являются въ роли сказуемаго, напр.: Сашинъ карандашъ || карандашъ—Сашинъ; деревянный домъ || домъ—деревянный. Первую группу прилагательныхъ съ одною формою составляютъ извѣстнаго образованія притяжательныя, а вторую—относительныя прилагательныя.

Какъ извѣстно, имена прилагательныя могутъ измѣняться по *степенямъ сравненія* (напр. добрый—добрѣе—самый добрый). Однако многія прилагательныя не имѣютъ движенія по степенямъ сравненія, когда качество не можетъ мыслиться въ смыслѣ сравнительномъ и превосходнымъ. Къ прилагательнымъ, не измѣняющимся по степенямъ сравненія принадлежатъ всѣ *притяжательныя* и *относительныя*; прочія прилагательныя измѣняются по степенямъ сравненія и въ грамма-

тикахъ называются *качественными*. Первыя прилагательныя всегда производныя отъ другой части рѣчи, при чемъ притяжательныя происходятъ только отъ существ., напр. Иванъ< Ивановъ, относительныя же отъ разныхъ частей рѣчи, напр.: отъ сущ.—дерево<деревянный, часъ<часовой, пудъ<пудовой; отъ числ.—двое<двойной, трое<тройной; отъ нарѣчія: здѣсь<здѣшній. Къ прилагательнымъ качественнымъ относятся всѣ первообразныя прилагательныя (напр. твердый, гордый, хитрый, добрый, острый, синій, бѣлый и пр.), а также нѣкоторыя изъ производныхъ, какъ напр. умъ<умный, ласка<ласковый, печаль<печальный и т. п.

Намъ нужно теперь разсмотрѣть образованіе степеней сравненія именъ прилагательныхъ.

Сравнительная степень въ именахъ прилагательныхъ образуется посредствомъ суффиксовъ *-ѣе* или *-е*; но такъ бываетъ только въ томъ случаѣ, если прилагательное служитъ сказуемымъ; если же оно должно быть употреблено въ качествѣ опредѣленія, то сравнительная степень не имѣетъ особой формы и выражается прибавленіемъ слова „болѣе“ къ прилагательному.

Изъ приведенныхъ суффиксовъ послѣдній (*-е*) имѣетъ ограниченное употребленіе, будучи закрѣпленъ за небольшимъ числомъ прилагательныхъ корневыхъ или простѣйшаго образованія (напр. худой<хуже и т. п.), суффиксъ же *-ѣе* кромѣ другихъ прилагательныхъ простѣйшаго образованія (напр. новый<новѣе) имѣетъ широкое употребленіе въ прилагательныхъ производныхъ, образованныхъ чрезъ прибавленіе разныхъ суффиксовъ (напр. правд-ив-ый и т. д.). Въ виду различій, существующихъ между суффиксами сравнит. степени *-ѣе* и *-е*, мы дадимъ особо характеристику того и другого суффикса и остановимся сначала на болѣе употребительномъ *-ѣе*. Въ томъ случаѣ, когда этотъ суффиксъ служитъ для образованія сравнительной степени въ прилагательныхъ простѣйшаго образованія, то онъ

всегда сопровождается удареніемъ независимо отъ мѣста ударенія въ положительной степени, напр. живо́й<живѣ́е, но́вый<новѣ́е, а́лый<алѣ́е и т. д.; въ прилагательныхъ же болѣе сложнаго образованія ударе́ніе сравнительной степени слѣдуетъ ударе́нію положительной степени соотвѣтствующаго прилагательнаго, находясь на томъ или другомъ слогѣ основы, окончаніе же *-ѣе* въ этомъ случаѣ не имѣетъ на себѣ ударенія, напр. лука́вый<лука́вѣе, льсти́вый<льсти́вѣе, правди́вый<правди́вѣе. Что касается окончанія *-е* (-je), то подъ вліяніемъ j, входившаго въ составъ этого окончанія, предшествующіе согласные смягчились такъ, какъ это было указано въ фонетикѣ, т. е. напр. дешёвый<дешёвле, крутой<кру́че, худо́й<ху́же, при чемъ ударе́ніе никогда не падаетъ на окончаніе *-е*, а только на основу. Если положительная степень прилагательнаго оканчивается на *-кій* или *-окій* (короткій, гладкій, жидкій, рѣдкій, близкій, низкій, узкій, высокій, широкій), то при образованіи сравнительной степени на *-е* суффиксальный слогъ положительной степени отсутствуетъ, т. е. сравнительная степень образуется такъ, какъ будто бы въ положительной степени на концѣ имѣлось не *-кій* или *-окій*, а *-ый*; [1]) если же въ положительной степени указаннымъ окончаніямъ предшествуетъ плавный или носовой согласный, то сравнительная степень встрѣчается съ окончаніемъ *-ше*, напр. тонкій<тонь*ше*, далекій<даль*ше*, но слово „широкій“ съ такимъ образованіемъ сравн. степени (ширше) встрѣчается только въ говорахъ, въ литературномъ же языкѣ будетъ „шире“; два же прилагательныя, корень которыхъ кончается на звонкій взрывной *б* (глубокій<глуб*же*, слабкій или чаще слабый <слаб*же*) вмѣсто окончанія *-ше* подставили *-же*, вѣроятно

[1]) Это явленіе наблюдается въ родственномъ образованіи сравнит. степени и въ другихъ языкахъ, напр. лат. magnus<major (изъ *magjor), греч. ἡδύς<ἡδίων, ἐχθρός<ἐχθίων и проч.

подъ вліяніемъ аналогіи такихъ прилагательныхъ, какъ „рѣдкій“ и низкій“, въ сравн. степ. которыхъ *ж* получилось фонетически.

Превосходная степень имень прилагательныхъ образуется посредствомъ окончанія *-ѣйшій* или, послѣ шипящихъ, *-айшій* (напр. краснѣйшій, легчайшій), при чемъ иногда усиливается прибавленіемъ приставки *наи-*. Болѣе употребительное образованіе превосх. степени—посредствомъ прибавленія къ положительной степени слова *самый*. Обѣ формы превосходной степени могутъ являться какъ въ качествѣ опредѣленія, такъ и сказуемаго.

Скажемъ въ заключеніе настоящей главы нѣсколько словъ о двухъ другихъ частяхъ рѣчи, обычно придающихся для опредѣленія къ имени существительному, т. е. именахъ числительныхъ и мѣстоименіяхъ опредѣлительно-указательныхъ.

Въ именахъ числительныхъ нужно обратить вниманіе на сущность семазіологическаго различія между *количественными* и *порядковыми* числительными: первыя означаютъ сумму единицъ (напр. пять тетрадей), а вторыя—ту единицу, на которой останавливается счетъ (напр. пятая тетрадь); этому семазіологическому различію соотвѣтствуетъ различіе формальное: количественныя числительныя, начиная съ числа „пять“, имѣютъ форму существительнаго того или другаго типа (срв. пять, сорокъ, сто, тысяча), тогда какъ всѣ порядковыя по своей формѣ являются прилагательными; затѣмъ—та и другая категоріи представляютъ особенности въ согласованіи (срв. пять тетрадей, пятью тетрадями || пятая тетрадь, пятою тетрадью), при чемъ только порядковыя числительныя имѣютъ полное согласованіе со своимъ существительнымъ. [1])

---

[1]) Въ зависимости отъ того, что числительныя представляютъ послѣдовательный рядъ чиселъ, въ нихъ легко проявляется дѣйствіе аналогіи

Говоря при классификаціи частей рѣчи о мѣстоименіяхъ, мы ихъ раздѣлили на личныя и опредѣлительно-указательныя: первыя занимаютъ самостоятельное положеніе рядомъ съ именемъ существительнымъ, вторыя же, подобно прилагательнымъ, служатъ для опредѣленія существительныхъ. Къ личнымъ мѣстоименіямъ нужно причислить возвратное. Близко къ личнымъ мѣстоименіямъ подходятъ вопросительныя „кто?“ и „что?“, которыя подобно личнымъ не различаютъ въ своей формѣ категоріи рода, при чемъ первое („кто?“) спрашиваетъ объ одушевленномъ предметѣ, а второе („что?“) о неодушевленномъ. Но какъ при личныхъ и возвратномъ мѣстоименіяхъ существуетъ прилагательная форма (мой, свой, вашъ и пр.), такъ и при неродовыхъ вопросительныхъ мѣстоименіяхъ, которыя въ отвѣтѣ требуютъ названія предмета, имѣются родовыя (какой? который? чей?), требующія въ отвѣтѣ опредѣлительнаго слова. Вопросительныя мѣстоименія могутъ требовать въ отвѣтѣ указательныхъ опредѣленій разнаго рода, и здѣсь лежитъ переходъ ко всѣмъ прочимъ мѣстоименіямъ (тотъ, этотъ, самый, весь, всякій, каждый). Наконецъ, связь между вопросительными въ прилагательной формѣ и относительными мѣстоименіями видна изъ того, что форма одного мѣстоименія нерѣдко примѣняется и для обозначенія другаго, напр. въ русскомъ литературномъ вопросительныя мѣстоименія приняли значеніе и относительныхъ, въ

между названіями смежныхъ чиселъ: такъ, въ русскомъ языкѣ названіе «*девять*» имѣетъ *д* вм. первоначальнаго *н* (срв. лат. *novem*, нѣм. *neun* и проч.) по аналогіи къ смежному числительному «*десять*». Этотъ типъ аналогіи встрѣчаемъ также въ числительныхъ другихъ языковъ; срв. въ греческомъ на гераклейскихъ таблицахъ ὀκτώ, ἐννέα, гдѣ густое придыханіе объясняется аналогіей къ двумъ предшествующимъ числительнымъ; въ нѣм. *vier* начальное *f* вм. *w* по аналогіи къ слѣдующему числу—*fünf* и др.

бѣлор. и малор. встрѣчаемъ обратное явленіе, т. е. примѣненіе относительнаго мѣстоименія въ качествѣ вопросительнаго, именно „якій“ (т. е. какой), которое употребляется какъ вопросительное, такъ и относительное.

Глава IX.

Глаголъ въ отношеніи семазіологическомъ: понятіе о залогѣ, видѣ и проч. Классификація спряженій и ударѐніе въ нихъ.

Выше, говоря о категоріи имени существительнаго, мы установили разницу между нею и категоріею глагола, а именно: существительными обозначаются наши предметныя или опредмеченныя представленія, тогда какъ глаголы служатъ для выраженія нашихъ представленій или дѣйствія въ его совершеніи субъектомъ или же состоянія послѣдняго, напр. *несу*, *спитъ*. Мы видѣли также, что соотвѣтственно съ этимъ основнымъ различіемъ существительное измѣняется по падежамъ, показывающимъ разныя отношенія, въ какихъ можетъ находиться предметное представленіе въ предложеніи, между тѣмъ какъ глаголъ модифицируется оттѣнкомъ времени, а кромѣ того числа и лица соотвѣтственно субъекту предложенія. Но изъ того же основнаго различія проистекаетъ цѣлый рядъ другихъ особенностей въ той и другой части рѣчи, и мы обратимся теперь къ болѣе точному и послѣдовательному изученію смысловыхъ моментовъ русскаго глагола, каковыми являются залогъ, видъ, наклоненіе, время, число и лицо.

I. *Залогъ*. Соотвѣтственно различной природѣ нашихъ дѣйствій глаголы классифицируются на роды или *залоги*. Школьная грамматика насчитываетъ шесть самостоятельныхъ

залоговъ: дѣйствительный, страдательный, средній, возвратный, взаимный и общій. Но это подраздѣленіе не можетъ считаться правильнымъ, такъ какъ не всѣ эти залоги равноправны между собою: два изъ нихъ, *дѣйствительный* и *средній*, какъ соотвѣтствующіе двумъ основнымъ родамъ дѣйствій, должны быть признаны главными, остальные же могутъ разсматриваться какъ частные случаи этихъ главныхъ.

Обратимся теперь къ разъясненію этихъ двухъ основныхъ родовъ дѣйствій: одни дѣйствія мы представляемъ себѣ какъ совершаемыя надъ какимъ-либо предметомъ (объектомъ), напр. *вяжу* чулокъ, *читаю* книгу и т. п., другія же какъ просто проявляемыя субъектомъ безъ отношенія къ какому-либо объекту, напр. *иду*, *лежу* и пр. Глаголы, обозначающіе дѣйствія перваго рода, называются *переходными* (дѣйствительными), глаголы же обозначающіе дѣйствія втораго рода—*непереходными* (средними). Мы можемъ также назвать эти два рода глаголовъ глаголами *дѣйствія* и глаголами *состоянія*, при чемъ внѣшнимъ образомъ это смысловое различіе выражается присутствіемъ или же отсутствіемъ при глаголѣ Винит. падежа.

Попробуемъ вникнуть въ различіе природы дѣйствій переходныхъ и непереходныхъ, для чего сначала остановимся на дѣйствіяхъ простѣйшаго класса—физическихъ и притомъ обозначаемыхъ глаголами *первичными* (непроизводными). Не трудно замѣтить, что наши физическія дѣйствія распадаются на два класса: одними мы оперируемъ надъ міромъ объективнымъ (сюда относятся такіе глаголы, какъ: бью, трясу, ѣмъ, сосу и пр.), другія касаются состоянія самого субъекта или его перемѣщенія въ пространствѣ (сюда относятся глаголы: *лежу*, *стою*, *бѣгу*, *пду* и т. п.). Первыя дѣйствія принадлежатъ къ разряду переходныхъ, а вторыя —непереходныхъ. Что касается дѣйствій, относящихся къ нашей психической жизни, то одни изъ нихъ принадлежатъ къ области *сенсорной*, т. е. къ области умственнаго воспріятія, другія же

къ области *чувствованій* или эмоцій и вообще нашихъ внутреннихъ состояній. Глаголы, служащіе для обозначенія первыхъ принадлежатъ къ переходнымъ (вижу, слышу), а служащіе для обозначенія вторыхъ—къ непереходнымъ (скорблю). [1])

Все сказанное относится лишь къ кореннымъ глаголамъ. Что касается *отчименныхъ* глаголовъ, то они принадлежатъ какъ къ переходнымъ, такъ и къ непереходнымъ, при чемъ залогъ ихъ опредѣляется отношеніемъ между значеніями производящаго имени и производимаго глагола. Напр. отъ прилагат. *черный* происходятъ глаголы: *чернить* и *чернѣть*. Разъяснимъ на приведенномъ примѣрѣ связь между значеніями производящаго имени и производимаго глагола. Въ первомъ случаѣ (чернить) глаголъ означаетъ: дѣлать что-либо такимъ, каково значеніе производящаго прилагательнаго (напр. чернить бумагу=дѣлать ее черною). Соотвѣтственно этому оттѣнку значенія глаголъ естественно принадлежитъ къ отдѣлу переходныхъ. Во второмъ случаѣ (чернѣть) глаголъ означаетъ, что самъ субъектъ испытываетъ измѣненіе, становясь такимъ, каково значеніе производящаго прилагательнаго, и, соотвѣтственно такому смыслу, глаголъ принадлежитъ къ отдѣлу непереходныхъ (напр. рука чернѣетъ=становится черною). [2]) Мы видимъ на тѣхъ же примѣрахъ, что смысло-

---

[1]) Различіе природы дѣйствій переходныхъ и непереходныхъ рельефно отразилось въ способѣ составленія сложныхъ глагольныхъ формъ въ новыхъ языкахъ аріо-европейскаго семейства; срв. напр. во франц.: j'ai lu le livre («я прочиталъ книгу») первоначально значило «я имѣю прочитанною книгу», но—je suis venu («я пришелъ») первоначально значило «я самъ есмь пришедшій или пришедши». Соотвѣтствующее различіе мы встрѣчаемъ въ нѣмецкомъ, англійскомъ и нѣкоторыхъ другихъ языкахъ.

[2]) Разсмотрѣнное различіе глаголовъ на *-ить* и *-ѣть*, происходящихъ отъ прилагательнаго, ясно видно на выраженіи тѣхъ же представленій въ нѣмецкомъ языкѣ; тамъ они обыкновенно передаются описательно съ помощью глаголовъ «*machen*» (дѣлать) и «*werden*» (становиться), напр. чернить=*schwarz machen* (также schwärzen), чернѣть—*schwarz werden*.

вое различіе залога сопровождается и формальнымъ различіемъ, проходящимъ черезъ спряженіе этихъ глаголовъ (чернить -ю, чернѣть -ѣю). Но смысловыя соотношенія между отъименными глаголами и производящими именами весьма разнообразны, и не всегда удается подвести отдѣльные отъименные глаголы къ какой-либо опредѣленной категоріи, тѣмъ болѣе, что не вездѣ эти смысловыя соотношенія легко выяснить и не всегда они сопровождаются одними и тѣми же формальными отличіями. [1])

Кромѣ отъименныхъ глаголовъ въ языкѣ есть еще категорія *отглагольныхъ* глаголовъ, тоже производныхъ, но уже не отъ именъ, а отъ другихъ глаголовъ, корневыхъ или отъименныхъ (мету<подметаю, слѣплю<ослѣпляю). Значеніе залога въ глаголахъ отглагольныхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ значенію залога глагола производящаго.

Во всѣхъ трехъ указанныхъ классахъ глаголовъ (коренныхъ, отъименныхъ и отглагольныхъ) можно встрѣтить случаи, когда присоединеніе префикса къ непереходному глаголу превращаетъ послѣдній въ переходный, напр. хожу по площади || прохожу площадь. Въ этомъ случаѣ присоединеніе префикса, ограни-

---

[1]) Разсмотримъ для примѣра еще нѣсколько типовъ отъименныхъ глаголовъ. Глаголы, происходящіе отъ существительныхъ, тоже могутъ быть какъ переходными (напр. золото<золотить), такъ и непереходными (напр. рыбакъ<рыбачить). Это различіе происходитъ отъ того, что въ первомъ случаѣ производный глаголъ выражаетъ—«*обрабатывать* (покрывать) *что-либо* тѣмъ матеріаломъ, какой обозначенъ производящимъ существительнымъ», а во второмъ случаѣ—«*быть кѣмъ-либо*, соотвѣтственно значенію производящаго существительнаго». Такимъ образомъ переходный или же непереходный смыслъ глагола опредѣляется значеніемъ производящаго существительнаго. Подобнымъ же образомъ глаголы на *-овать*, происходящіе отъ существительныхъ, являются частію переходными (напр.
довать), частію непереходными (напр. царь<царство<царствовать). Такимъ образомъ глаголы, происходящіе отъ существительныхъ и обозначающіе «быть кѣмъ-либо», оканчиваются неодинаково: на *-ить* или же *-овать*.

чивая область глагольнаго дѣйствія, заставляетъ представлять послѣднюю, какъ объектъ дѣйствія. Аналогичное явленіе можно встрѣтить и въ другихъ языкахъ, при чемъ часто значеніе такого производнаго глагола оказывается измѣненнымъ сравнительно съ простымъ. Напр. лат. venire „приходить“ || invenire „находить“, или нѣм. kommen „приходить“ || bekommen „получать“, stehen „стоять“ || verstehen „понимать“ (соотвѣтственно различію залога, сложныя времена этихъ глаголовъ образуются въ нѣмецкомъ съ помощью глагола *sein* или же *haben*, напр. ich *bin* gekommen || ich *habe* bekommen).

Такъ какъ съ однимъ и тѣмъ же глаголомъ обыкновенно соединяется по нѣскольку значеній, то иногда бываетъ, что глаголъ въ одномъ своемъ значеніи является переходнымъ, а въ другомъ значеніи—непереходнымъ, напр. играть въ шашки || играть пьесу, говорить что-либо || говорить о чемъ. Такое двоякое употребленіе глагола встрѣчается и въ другихъ языкахъ, напр. въ нѣм. das Wasser *kochen*=кипятить воду, das Wasser *kocht*=вода кипитъ.

Далѣе, нѣкоторые глаголы, имѣвшіе въ числѣ значеній переходное, могутъ со временемъ потерять послѣднее, напр. *воевать* (срв. воевати Болгарьску землю—Лавр. подъ 944 г.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ произойти пропускъ имени (особенно однокореннаго) въ Вин. падежѣ, послѣ чего глаголъ сталъ непереходнымъ, имѣя значеніе, раньше передававшееся двумя словами—переходнымъ глаголомъ и именемъ (ср. въ старомъ языкѣ такія выраженія, какъ пиръ пировать, думу думать; въ друг. языкахъ: нѣм. er hat ein schönes Leben gelebt, лат. pugnam pugnare, греч. *μάχην μάχεσθαι*; вмѣсто однокореннаго существительнаго можетъ стоять синонимическое, напр. фран. pleurer les larmes). Въ виду столь разнообразныхъ усложненій детальныя указанія переходнаго и непереходнаго залога глаголовъ принадлежатъ словарю.

Такъ какъ дѣйствительный залогъ обозначаетъ дѣйствіе, которое производится субъектомъ надъ кѣмъ или чѣмъ-либо, то ясно, что то же самое дѣйствіе можетъ быть представлено также и со стороны испытывающаго его объекта (напр. отецъ наказываетъ сына || сынъ наказывается отцомъ). Глагольныя выраженія такого обратнаго дѣйствія носятъ названіе *страдательнаго залога*. Что касается дѣйствій непереходныхъ (т. е. безъ объекта дѣйствія), то естественно, что выражающіе ихъ глаголы не способны къ обратной или страдательной формѣ, напр. онъ *ходитъ*. Такимъ образомъ одни дѣйствія мы можемъ представлять себѣ и выражать двояко—какъ производимыя субъектомъ и какъ испытываемыя, а другія дѣйствія мы представляемъ себѣ и выражаемъ только какъ производимыя субъектомъ. И такъ, страдательный залогъ можетъ разсматриваться какъ параллельный или дополнительный къ дѣйствительному.

Обратный или страдательный залогъ въ русскомъ языкѣ не имѣетъ особой самостоятельной формы, выражаясь трояко: 1) посредствомъ причастія съ краткимъ окончаніемъ въ соединеніи съ глаголомъ *быть*, иногда опускаемымъ (я посылаемъ, я былъ посылаемъ), 2) безлично—посредствомъ глагола дѣйствительнаго въ 3 л. множ. ч. съ присоединеніемъ Вин. пад. (меня посылаютъ) и 3) глагольною формою, получаемою изъ дѣйствительнаго залога чрезъ прибавленіе *-ся* || *-сь* (посылаюсь). Первые два способа выраженія страдательнаго залога получаются путемъ сочетанія словъ—синтаксически; что касается третьяго способа, то хотя онъ и выражается посредствомъ одной формы (на *-ся*), но эта послѣдняя, какъ увидимъ далѣе, можетъ обозначать собою и нѣкоторые другіе залоги, такъ что значеніе страдательнаго залога обнаруживается изъ смысла цѣлаго предложенія, т. е. тоже синт[illegible] чески. Вотъ почему ученіе о страдательномъ залогѣ въ русскомъ языкѣ въ значительной мѣрѣ относится къ синтак-

Давъ общее понятіе о различіи глаголовъ переходныхъ и непереходныхъ, мы должны перейти къ указанію въ той и другой группѣ частныхъ подраздѣленій.

При глаголахъ дѣйствительныхъ объектомъ можетъ быть не только сторонній предметъ, но и самъ субъектъ дѣйствія, а нѣкоторыя дѣйствія представляютъ взаимность между двумя и болѣе предметами, при чемъ каждый изъ нихъ дѣйствуетъ на другіе и вмѣстѣ съ тѣмъ самъ испытываетъ такое же дѣйствіе со стороны другихъ: *я бью* собаку || *я бью* себя || мы *бьемъ* себя(=бьемъ другъ друга). Соотвѣтственно этому дѣйствительные глаголы являются: 1) объективными, 2) возвратными и 3) взаимными. Относительно первой изъ этихъ категорій сказано нами уже достаточно, слѣдуетъ только прибавить, что при такихъ глаголахъ, смотря по обстоятельствамъ, объектъ можетъ называться и не называться. [1]) Вторая и третья категоріи въ русскомъ языкѣ при извѣстныхъ условіяхъ перешли въ отдѣлъ *непереходныхъ* глаголовъ. Благодаря этому, всѣ непереходные глаголы можно теперь раздѣлить на три категоріи: 1) собственно или первично-средніе (*иду*), 2) возвратно-средніе (*бьюсь* объ стѣну) и 3) взаимно-средніе (*бьемся* на шпагахъ).

Оставляя въ сторонѣ средніе глаголы первой категоріи (первично-средніе), такъ какъ мы говорили объ нихъ въ началѣ отдѣла о залогахъ, обратимся теперь къ выясненію развитія глаголовъ второй категоріи—*возвратно-среднихъ*.

---

[1]) Это обстоятельство дало поводъ нѣкоторымъ грамматикамъ дѣйствительный залогъ подраздѣлить на опредѣленный и неопредѣленный. Намъ это подраздѣленіе кажется лишнимъ, такъ какъ оно касается не различной природы дѣйствій, а только случайнаго объема нашей мысли, когда для нея не требуется указаніе объекта; но разъ при такихъ глаголахъ потребуется назвать объектъ, то послѣдній будетъ выраженъ посредствомъ Вин. пад.

Мы уже упомянули, что они нѣкогда принадлежали къ дѣйствительному залогу (напр. я мою себя), но со временемъ возвратное мѣстоименіе срослось съ глагольною формою и первоначальная прозрачность состава утратилась. Въ этомъ случаѣ произошло уже *опрощеніе*, только при существованіи котораго прибавка *-ся* и могла испытать такое сильное измѣненіе, превратившись при извѣстномъ фонетическомъ условіи въ *-сь* и даже *-с* (напр. м о́ ю с ь или м о́ ю с). Въ этомъ случаѣ возвратность значенія можетъ еще чувствоваться по соотношенію съ однородною дѣйствительною формою, отъ которой происходитъ возвратная (мою<моюсь). Бо́льшая степень обособленности получается, когда значеніе глагола на *-ся* разошлось съ соотвѣтствующимъ дѣйствительнымъ, напр. „онъ плачетъ и *убивается*“. [1]) Такъ какъ возвратные глаголы на *-ся* || *-сь* естественно уже не могутъ сочетаться съ Винительн. падежомъ, то и будутъ переходить по смыслу въ категорію непереходныхъ или среднихъ глаголовъ. [2])

---

[1]) Въ случаѣ примѣненія средне-возвратныхъ формъ для выраженія страдательнаго залога, такого измѣненія смысла не можетъ наблюдаться, такъ какъ страдательный залогъ является всегда дополнительнымъ къ своему дѣйствительному и значеніе его должно гармонировать съ дѣйствительнымъ, срв лошадь плетется (средне-возвр. залогъ) || кружево плетется (страд. зал.). Ясно также, что такіе глаголы, какъ *каяться*, не могутъ имѣть страд. значенія, такъ какъ нѣтъ того дѣйствит. глагола, къ которому могло бы быть составлено страдательное или обратное выраженіе.

[2]) Примѣненіе возвратнаго мѣстоименія *ся* для средне-возвратнаго значенія имѣетъ мѣсто только въ балтійско-славянскихъ языкахъ. Во франц. и нѣмецкомъ употребляются мѣстоименія соотвѣтствующаго лица, напр. франц. je *me* tiens, нѣм. ich halte *mich*. Многимъ средне-возвратнымъ глаголамъ русскаго языка соотвѣтствуютъ въ другихъ языкахъ простые средніе, напр. во франц.: уменьшаться—diminuer, возвращаться—retourner, оставаться—rester и пр. Здѣсь мы имѣемъ наглядное подтвержденіе того, что глаголы на *-ся* принадлежатъ по смыслу къ категоріи средняго залога.

Такъ какъ глаголы на *-ся* въ русскомъ языкѣ перешли въ категорію глаголовъ состоянія, то, благодаря этому обстоятельству, въ русскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ типъ особыхъ безличныхъ оборотовъ, напр. *мнѣ думлется*, рядомъ съ соотвѣтствующими личными, напр. *я думаю*; разница между приведенными выраженіями по значенію та, что личное выраженіе показываетъ, что самъ субъектъ проявляетъ данный умственный процессъ, тогда какъ безличное выраженіе констатируетъ лишь присутствіе даннаго психическаго состоянія у извѣстнаго лица; поэтому личное выраженіе имѣетъ болѣе рѣшительный характеръ, а безличное является болѣе смягченнымъ, болѣе слабымъ. Подобная же разница между выраженіями: *я хочу* || *мнѣ хочется*; срв. далѣе *я не пишу* || *мнѣ не пишется* и проч., даже въ среднихъ глаголахъ, напр. *я не сплю* || *мнѣ не спится*.

Но есть небольшое число такихъ средне-возвратныхъ глаголовъ на *-ся*, у которыхъ родственная дѣйствительная форма вышла изъ употребленія (напр. каяться, смѣяться), вслѣдствіе чего въ нихъ утратилось основаніе для поддержанія значенія возвратности. Это—уже вполнѣ обособившіеся или изолировавшіеся средне-возвратные глаголы. Для глагола „каяться“ дѣйствительная форма „каять“ извѣстна изъ памятниковъ древне-русскаго языка въ значеніи „бранить, порицать“ по XIII вѣкъ,—въ болѣе спеціальномъ значеніи „исповѣдывать“ еще и въ памятникахъ XVI вѣка, а въ поговоркахъ и до сихъ поръ въ обоихъ значеніяхъ, напр: „стараго не бьютъ, мертваго не каютъ“; „не наше дѣло попа каять: на то есть другой попъ“. Такіе глаголы, какъ „каяться“, въ грамматикахъ называются общимъ залогомъ—безъ всякаго основанія.

Переходимъ къ послѣдней группѣ непереходныхъ глаголовъ—*взаимно-среднихъ*. Они, какъ и возвратные, образуются отъ дѣйствительныхъ, но въ нихъ *-ся* имѣетъ значеніе

„другъ друга“, напр. мы боремся=мы боремъ другъ друга. Подобно возвратнымъ, и эти глаголы уже подверглись опрощенію, почему и могутъ быть названы взаимно-средними. Въ связи съ спеціальнымъ значеніемъ прибавки *-ся*, эти глаголы представляютъ нѣкоторое несоотвѣтствіе по значенію между единственнымъ и множественнымъ числомъ: если во множ. числѣ *-ся* легко понимается въ смыслѣ другъ друга, то нельзя того же сказать про един. число, напр. „я борюсь“. Естественно предположить, что сначала формы взаимнаго залога возникли во множественномъ числѣ (мы боремся...), а послѣ образовалось и единственное число по аналогіи къ другимъ глаголамъ (напр. моемся : моюсь=боремся : *x*; *x*=борюсь). [1])

Такъ какъ взаимный залогъ образуется совершенно сходно съ возвратнымъ, то и въ немъ мы встрѣчаемъ тѣ же градаціи, какъ и въ средне-возвратномъ; и здѣсь глаголы на *-ся* могутъ имѣть свою дѣйствительную форму (бью<бьюсь), могутъ разойтись по значенію съ послѣдней (деру || дерусь) и наконецъ соотвѣтствующая дѣйствительная форма можетъ быть утрачена (борюсь). [2])

II. *Видъ.* Говоря о залогахъ, мы видѣли, что дѣленіе глаголовъ на переходные и непереходные первоначально опирается на различіе природы или характера самыхъ дѣйствій. Что касается видовъ, то они обозначаютъ различные оттѣнки отдѣльныхъ дѣйствій (какъ переходныхъ, такъ и непереходныхъ) главнымъ образомъ ихъ совершаемость

---

[1]) Для иллюстраціи возникновенія подобныхъ новообразованій, приведемъ еще извѣстный разсказъ о томъ, какъ ученикъ пишетъ роднымъ, чтобы они его взяли на каникулы: «всѣ мои товарищи разъѣхались, позвольте и *мнѣ разъѣхаться*».

[2]) Во франц. и нѣм. взаимный залогъ образуется одинаково съ возвратнымъ, но въ этомъ случаѣ личное мѣстоименіе имѣетъ значеніе взаимное, напр. франц. je *me* bats, nous *nous* battons; нѣм. ich schlage *mich*, wir schlagen *uns*. Въ этихъ языкахъ взаимный залогъ, какъ и возвратный, является частнымъ случаемъ дѣйствительнаго.

или исполненность. Школьная грамматика обыкновенно насчитываетъ четыре вида въ глаголахъ—*совершенный*, *несовершенный*, *однократный* и *многократный*; однако эти виды нельзя признать равноправными, такъ какъ два послѣдніе являются лишь частными случаями первыхъ. Основными видами глагола нужно признать несовершенный и совершенный соотвѣтственно тому, что мы можемъ каждое глагольное дѣйствіе представлять себѣ двояко: какъ совершающееся и какъ исполненное. Точнѣе было бы назвать и самые виды глагола совершающимся и исполненнымъ, вмѣсто обычныхъ недостаточно точныхъ терминовъ „несовершенный“ и „совершенный“. Тотъ и другой видъ глаголовъ не одинаково богаты временами: совершающееся дѣйствіе мы можемъ представлять себѣ по отношенію ко всѣмъ тремъ временамъ (несу—несъ—буду нести) [1]), а дѣйствіе исполненное только къ двумъ—прошедшему и будущему (принесъ—принесу). Такимъ образомъ, только совершающееся дѣйствіе обладаетъ настоящимъ временемъ, которое поэтому является его типичною принадлежностью, два же другихъ времени свойственны тому и другому виду. Такимъ образомъ оттѣнки видовъ въ глагольныхъ формахъ выражаются совмѣстно съ категоріею времени; но если бы мы захотѣли представить себѣ оттѣнки совершаемости и исполненности дѣйствія независимо отъ этой категоріи, то должны обратиться къ повелительному и неопредѣленному наклоненіямъ, такъ какъ они не имѣютъ сами по себѣ различія временъ (срв. пиши || напиши, писать || написать).

Обратимся теперь къ болѣе детальному разсмотрѣнію глаголовъ того и другого вида.

---

[1]) Будущее время глаголовъ несовершеннаго вида въ русскомъ языкѣ выражается съ помощью будущаго времени глагола *быть* и неопред. наклоненія даннаго глагола.

А. *Глаголы совершающагося дѣйствія.*

Совершающееся дѣйствіе мы можемъ представлять себѣ или конкретно, какъ наличное или происходящее на глазахъ (*летѣть*, напр. „птица летитъ“), или же абстрактно, какъ обычное для субъекта или свойственное ему (*летать*, напр. „птица летаетъ“). Такимъ образомъ въ глаголахъ совершающагося дѣйствія мы будемъ различать два оттѣнка значенія— конкретный и абстрактный, назвавъ ихъ *значеніемъ первымъ* (напр. летѣть) и *вторымъ* (напр. летать). Эта разница двухъ оттѣнковъ значенія въ глаголахъ совершающагося дѣйствія, имѣетъ мѣсто какъ въ простыхъ глаголахъ не сложенныхъ съ предлогомъ (безпредложныхъ), такъ и въ глаголахъ сложенныхъ съ предлогомъ (предложныхъ). Такъ какъ послѣдніе при этомъ представляютъ нѣкоторыя особенности по сравненію съ первыми, то мы разсмотримъ передачу того и другаго значенія (т. е. перваго и втораго) сначала въ глаголахъ безпредложныхъ, а затѣмъ въ глаголахъ сложенныхъ съ предлогомъ.

1. *Глаголы безпредложные.* Сравнимъ выраженія „птица *летитъ*“ и „птица *летаетъ*“; оба выраженія содержатъ глаголъ несовершеннаго вида, но въ первомъ случаѣ обозначается дѣйствіе какъ бы совершающееся передъ глазами, тогда какъ во второмъ случаѣ дѣйствіе можетъ мыслиться какъ обычное свойство субъекта и тогда оно даже не представляется совершающимся въ данный моментъ. Указанныя два смысловыя различія мы и обозначаемъ какъ *значеніе первое* и *второе*. Только немногіе глаголы имѣютъ различную форму въ первомъ и второмъ значеніи; бо́льшая часть глаголовъ имѣетъ одну и ту же форму для обоихъ значеній, напр. „учу“=1) теперь учу, 2) вообще учу, т. е. ученіе составляетъ мое обыкновенное занятіе. Глаголы втораго значенія, имѣющіе особую форму, какъ напр. „леталъ“, могутъ

примѣняться не только для обозначенія свойства субъекта, но также и для обозначенія наличныхъ дѣйствій; въ послѣднемъ случаѣ они получаютъ особый оттѣнокъ значенія, который легко уловить, если сравнимъ напр. выраженія: „птица *летитъ* надъ садомъ“ (=теперь летитъ по опредѣленному направленію и со свойственною продолжительностью дѣйствія) || „птица *летаетъ* надъ садомъ“ (=теперь летаетъ по разнымъ направленіямъ, откуда происходитъ оттѣнокъ большей продолжительности). Возьмемъ еще примѣръ: въ выраженіи „кто вамъ несетъ (теперь на глазахъ) молоко?“ —значеніе глагола конкретное простой длительности, въ выраженіи же „кто вамъ *носитъ* (обыкновенно) молоко?“—значеніе обычности, т. е. абстрактное; послѣдняя форма можетъ быть употреблена и въ случаѣ наличности дѣйствія съ оттѣнкомъ неопредѣленности направленія и большей длительности, напр. въ выраженіи: „мать *носитъ* ребенка по комнатѣ“. Въ извѣстной баснѣ Крылова выраженіе „по улицамъ Слона *водили*“ принадлежитъ по смыслу къ послѣднему случаю.

Что касается разныхъ способовъ, существующихъ въ русскомъ языкѣ для выраженія перваго и втораго значенія въ простыхъ глаголахъ, то такихъ способовъ три: чаще всего оба значенія передаются одною и тою же глагольною формою, различаясь по контексту рѣчи (напр. *красить*, *учить*); въ нѣкоторыхъ сравнительно немногихъ случаяхъ эти значенія выражаются глаголами одного и того же корня, но разнаго суффиксальнаго образованія иногда въ соединеніи съ различіемъ корневаго гласнаго (нести || носить; летѣть || летать), и, наконецъ, очень рѣдко—глаголами разнаго корня (идти || ходить). Упомянутое чередованіе корневого гласнаго при производствѣ отъ глагола перваго значенія глагола со вторымъ значеніемъ называютъ подъемомъ [1]).

---

[1]) Въ примѣрѣ *летѣть* || *летать* хотя и имѣется одинаковый гласный но, судя по старо-славянск. **лѣтѣти** || **лѣтати**, и тутъ былъ подъемъ;

2. *Глаголы предложные* несовершеннаго вида, какъ было упомянуто, имѣютъ тоже два значенія, первое и второе, при чемъ разница съ значеніемъ соотвѣтствующихъ простыхъ глаголовъ только та, что предложный глаголъ выражаетъ вмѣстѣ съ дѣйствіемъ еще и направленіе указываемое предлогомъ (префиксомъ). Что касается внѣшней или формальной стороны предложныхъ глаголовъ несовершеннаго вида, которая служитъ для передачи значеній перваго и втораго, то оказывается неодинаковость въ зависимости отъ того, какъ обозначаются эти значенія (1-ое и 2-ое) въ соотвѣтствующихъ безпредложныхъ глаголахъ: двумя ли глаголами (напр. несу—ношу), или же однимъ (напр. крашу). Въ томъ случаѣ, когда первое и второе значеніе передаются двумя формами простаго глагола (нести—носить), предлогъ прибавляется къ глаголу втораго значенія и полученная предложная форма несовершеннаго вида совмѣщаетъ въ себѣ уже два значенія—первое и второе, напр. носить<выноси́ть (простой глаголъ „носить“ служитъ только для втораго значенія, а предложный глаголъ „выноси́ть“ употребляется и въ первомъ и во второмъ значеніи, какъ напр. въ выраженіи „кто *выноситъ* молоко?“ въ смыслѣ—теперь, или же—обычно); если же присоединить префиксъ къ простому глаголу перваго значенія, то, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, такой предложный глаголъ будетъ уже принадлежать къ совершенному виду (напр. нести<принести).

Примѣчанія. Есть впрочемъ случаи, когда и безпредложный глаголъ несовершеннаго вида втораго значенія (т. е. напр. *носить*), получивъ новый смыслъ, отсутствующій въ соотвѣтствующемъ глаголѣ перваго значенія (напр. *нести*), при этомъ послѣднемъ смыслѣ употребляется уже въ обоихъ значеніяхъ первомъ и второмъ; напр. глаголъ *носить*, кромѣ обычнаго смы-

---

подобный же подъемъ встрѣчаемъ также въ сосѣднемъ съ русскимъ языкомъ литовскомъ языкѣ, напр. meĩ̃ || mẽ̃tau. Въ нѣкот. случаяхъ подъемъ сохранился только при соединеніи съ предлогами (напр. тру || затираю и пр.).

сла можетъ имѣть, въ отношеніи къ предметамъ одежды, еще новый смыслъ—«быть одѣтымъ во что-либо» (напр. въ выраженіи «ношу платье»), и въ этомъ послѣднемъ случаѣ глаголъ «носить» употребляется уже какъ въ первомъ, такъ и во второмъ значеніи. Если къ такому глаголу съ измѣненнымъ смысломъ присоединится префиксъ, то глаголъ можетъ перейти въ совершенный видъ. Напр. сравни пары выраженій: заносить кому-л. книгу (несоверш.) ‖ заносить платье (въ особомъ знач. «много надѣвать, затаскать»—соверш.); вывозить (несов.) ‖ вывозить (соверш.). Срв. далѣе отъ глагола летать: «слетать» съ чего-либо (несов.) ‖ слетать=сбѣгать (соверш.). Если глаголъ съ измѣненнымъ значеніемъ по присоединеніи префикса перешелъ въ совершенный видъ, то несовершенный видъ при томъ же префиксѣ получается уже путемъ производства отъ даннаго глагола новаго глагола (напр. *занáшивать*, *разнáшивать* платье), о чемъ будетъ сказано ниже.

Если же въ простомъ глаголѣ несовершеннаго вида первое и второе значеніе выражены одною и тою же формою, то присоединеніе предлога къ такому глаголу переводитъ его въ категорію совершеннаго вида (напр. крашу<раскрашу); чтобы получить въ этомъ случаѣ предложный глаголъ несовершеннаго вида (въ обоихъ значеніяхъ), то данный глаголъ распространяется новымъ суффиксомъ, такъ что оканчивается въ 1 ед. наст. на *-áю* при неопр. на *-áть* (напр. теку—вытеку<вытекаю, тру<растираю, лью<разливаю), или на *'-ываю* *'-иваю* (сосу<высасываю, курю<выкуриваю)[1]). При этомъ производствѣ новаго глагола мы встрѣчаемъ уже раньше упоминавшуюся перемѣну нѣкоторыхъ корневыхъ гласныхъ (сосу<высасываю, тру<растираю), извѣстную подъ именемъ подъема, хотя—надо замѣтить—въ русскомъ языкѣ случаи подъема при этомъ рѣже по сравненію со старо-славянскимъ, срв. напр. рус. могу< помогаю=ст. слав. могѫ<помагаѭ и др. [2]) Въ нѣкоторыхъ

---

[1]) Сюда же подойдутъ по образованію и случаи несовершеннаго вида предложныхъ глаголовъ съ измѣненнымъ смысломъ, о которыхъ было сказано выше.

[2]) Аналогичные примѣры видовыхъ отношеній въ польскомъ языкѣ, какъ напр. skoczyć—skakać—wyskakiwać, brać—wybrać—wybierać слѣдуютъ въ отношеніи удареній общему правилу польскаго ударенія.

случаяхъ безпредложный глаголъ вышелъ изъ употребленія, такъ что остались только предложныя обозначенія разсматриваемаго типа, напр. „*обуваю*“ и „*разуваю*“; въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ предложные глаголы разошлись по значенію со своими простыми и чрезъ то обособились, напр. кажу< *сказываю*, пасу<*спасаю*.

Что касается значенія разсматриваемыхъ предложныхъ отглагольныхъ глаголовъ совершающагося дѣйствія на *-а́ю* и *'-ываю* (*'-иваю*), то въ нихъ можно установить нѣсколько различій по оттѣнку значенія:

а) случаи, гдѣ префиксъ придаетъ глаголу оттѣнокъ направленія, напр. *от*дирать, *пере*крашивать;

б) случаи, гдѣ префиксъ не выражаетъ направленія, при чемъ 1) значеніе глагола оказывается измѣненнымъ, напр. занашивать (въ смыслѣ—затаскивать) платье, 2) значеніе глагола не измѣнено, а префиксъ указываетъ, что дѣйствіе начинается или заканчивается, напр. *за*пѣвать, *про*читывать (начинательность обычно выражается префиксомъ *за*, а заканчиваемость не имѣетъ для своего выраженія одного постояннаго префикса), 3) префиксъ можетъ придавать оттѣнокъ уменьшительности или ласкательности, напр. *по*хаживать, *по*глядывать (для этого оттѣнка значенія префиксъ *по* является обычнымъ, показывая, что дѣйствіе совершается небольшими частями, по-немногу), и нѣкоторые другіе оттѣнки.

Нужно еще замѣтить, что разсматриваемые отглагольные глаголы на *-а́ть* и *'-ывать* (*'-ивать*) встрѣчаются иногда и безъ префиксовъ, но въ этомъ случаѣ они принимаютъ особый оттѣнокъ значенія, употребляясь въ разсказѣ о прошломъ въ смыслѣ прошедшаго обыкновенія (напр. *ѣдалъ*=

случалось ѣсть, *на́шивалъ* = бывало носилъ); [1]) въ связи съ этою особенностью значенія они уже не употребляются въ настоящ. времени. Примѣры изъ писателей: „не то на серебрѣ, на золотѣ *ѣдалъ*“ (Грибоѣдовъ); „что бы ни понадобилось, обыкновенно *говаривали*: надо спросить у Натальи Савишны“ (Гр. Л. Н. Толстой). Глаголы эти употребляются еще въ формѣ неопредѣл. наклон. въ безличныхъ отрицательныхъ выраженіяхъ, напр. (въ пѣснѣ) : „ужъ какъ мнѣ по этимъ сѣничкамъ *не хаживати*, родну матушку за рученьку *не важивати*“, и т. п.

Въ заключеніе нашего разсмотрѣнія глаголовъ совершающагося дѣйствія упомянемъ, что всѣ они могутъ быть подраздѣлены на два класса—*непрерывныхъ* (напр. несу, плыву) и *кратныхъ*, представляющихъ какъ бы рядъ моментовъ (напр. трясу, махаю); дѣленіе это является важнымъ по отношенію къ способу образованія совершеннаго вида отъ глаголовъ той и другой категоріи, о чемъ будетъ говориться въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ.

Б. *Глаголы исполненнаго (совершеннаго) дѣйствія.*

Мы уже видѣли, что исполненность дѣйствія выражается чаще всего помощью присоединенія префикса къ простому глаголу (нести<принести), иногда же простымъ глаголомъ того же корня, но другаго образованія (напр. бросать—бросить), или наконецъ глаголомъ другаго корня (брать—взять).

Прежде всего постараемся объяснить, какимъ образомъ прибавленіе префикса вызываетъ измѣненіе вида и даже производитъ перемѣну времени, переводя настоящее время въ будущее (напр. клалъ—наклалъ, кладу—накладу). Естествен-

[1]) Эти глаголы въ грамматикахъ принято выдѣлять въ особую категорію многократнаго вида; однако разсматривать ихъ какъ особый самостоятельный видъ нѣтъ основанія, да и самый терминъ «многократность» не вполнѣ соотвѣтствуетъ значенію этихъ глаголовъ.

но предположить, что первоначально присоединеніе предлога къ простому глаголу не обусловливало совершеннаго вида, но выражало то же дѣйствіе совершающимся въ направленіи и въ границахъ, опредѣляемыхъ предлогомъ. Благодаря этой опредѣленности, дѣйствіе съ теченіемъ времени стало представляться въ своемъ результатѣ, т. е.: въ формѣ прошедшаго времени (напр. наклалъ) не какъ совершавшееся, но какъ совершившееся, а въ формѣ настоящаго времени (напр. накладу) не какъ совершающееся, но какъ такое, которое совершится въ направленіи, опредѣленномъ предлогомъ. Въ томъ случаѣ, когда несовершенный видъ въ простомъ глаголѣ для своего перваго и втораго значенія имѣютъ разныя образованія, напр. несу—ношу, то указанное измѣненіе вида и времени вслѣдствіе присоединенія префикса, какъ мы видѣли, имѣетъ мѣсто только при глаголѣ перваго значенія, напр. несу<принесу, вторая же форма (ношу) въ случаѣ соединенія съ предлогомъ (напр. приношу) осталась для выраженія совершающагося дѣйствія, при чемъ расширилась въ своемъ примѣненіи, служа не только для втораго значенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ принявъ на себя и первое значеніе. Въ томъ же случаѣ, когда для перваго и втораго значенія простой глаголъ несовершеннаго вида имѣетъ одну лишь форму (напр. крашу), и она въ соединеніи съ префиксомъ перешла въ значеніе вида совершеннаго (напр. крашу<перекрашу), то для восполненія предложной формы вида несовершеннаго, языкъ воспользовался дальнѣйшимъ производствомъ отъ даннаго глагола, напр. перекрашиваю [1]).

---

[1]) Отголосокъ или пережитокъ той эпохи, когда предложный глаголъ не пріобрѣлъ еще въ формѣ настоящаго времени значенія будущаго, мы встрѣчаемъ и въ современномъ языкѣ (обыкновенно при нарѣчіи *какъ*) для оттѣнка неожиданности при изображеніи прошедшихъ событій, напр. «какъ *закричитъ* онъ, такъ всѣ и побѣжали отъ него». Особенно часты эти случаи въ нашихъ былинахъ. Переходъ въ предложныхъ глаго-

Предложные глаголы совершеннаго вида представляютъ два частныхъ случая въ своемъ значеніи: а) глаголъ обозначаетъ исполненное дѣйствіе + оттѣнокъ направленія, указываемый предлогами, напр. : *вы*рвалъ зубъ, *со*рвалъ цвѣтокъ, *ото*рвалъ пуговицу и т. п., и б) глаголъ обозначаетъ просто исполненное дѣйствіе безъ оттѣнка направленія, напр. „вымазалъ“. Одинъ и тотъ же простой глаголъ, соединяясь съ разными префиксами, вступаетъ въ ту или же другую изъ этихъ категорій, напр. рядомъ съ глаголами—„накрасилъ“, „перекрасилъ“ и т. п., выражающими кромѣ исполненности дѣйствія еще и направленіе, имѣется глаголъ „вы́красилъ“, который означаетъ просто совершенность дѣйствія. Второй изъ этихъ типовъ совершеннаго вида распадается на два случая : когда глаголъ выражаетъ, что дѣйствіе начато (напр. запѣлъ), и когда выражаетъ, что оно исполнено или окончено, напр. *с*пѣлъ или *про*пѣлъ.

Глаголы совершеннаго вида окончательные болѣе разнообразны по префиксамъ, напр. *вс*потѣлъ, *вы*красилъ, *на*поилъ, *о*стригъ, *по*цѣловалъ, *про*читалъ, *с*пряталъ. Надо думать, что и въ этихъ случаяхъ префиксъ первоначально придавалъ свой оттѣнокъ направленія дѣйствію, съ теченіемъ же времени этотъ оттѣнокъ утратился вслѣдствіе того, что при нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ одно изъ направленій могло быть наиболѣе обычнымъ, такъ что глаголъ употреблялся чаще всего съ однимъ и тѣмъ же префиксомъ, оттѣнокъ направленія стирался, что и переводило глаголъ въ категорію просто совершеннаго вида безъ оттѣнка направленія. Нерѣдко для одного и того же простаго глагола при одномъ и томъ же его значе-

---

лахъ значенія настоящаго времени въ будущее мы встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ старославянскихъ памятникахъ, напр. не прѣречетъ (Остр. Ев.)— будущ. вр., тогда какъ простой глаголъ имѣетъ значеніе настоящаго времени.

ніи видъ совершенный безъ оттѣнка направленія можетъ быть выраженъ помощью двухъ или болѣе предлоговъ, напр. строилъ<выстроилъ, построилъ. [1]) Если простой глаголъ имѣетъ не одно значеніе, то совершенный видъ выражается или посредствомъ одного и того же префикса, или же посредствомъ разныхъ префиксовъ (валялъ<*вывалялъ* т. е. „запачкалъ“ напр. платье, *свалялъ* напр. сапоги).

Что касается глаголовъ совершеннаго вида начинательныхъ, то обыкновенно они образуются помощью префиксовъ *за* или *по*, смотря по характеру дѣйствій, напр. *за* при глаголахъ рѣчи, пѣнія и т. п. (запѣлъ, засвисталъ, закричалъ и др.), *по*—при глаголахъ движенія (пошелъ, поѣхалъ, поплылъ и др.) [2])

Кромѣ того развился цѣлый рядъ другихъ оттѣнковъ, напр. уменьшительности и ласкательности (поиграть, попѣть; въ нѣм. передается посредствомъ ein wenig, напр. spiele ein wenig=поиграй), оттѣнокъ удовлетворенности дѣйствіемъ (наговориться, наиграться), увлеченія дѣйствіемъ (заговориться). Присоединеніе того или другаго префикса для выраженія совершеннаго вида можетъ стать предметомъ болѣе спеціальнаго изученія.

Какъ мы уже говорили, различіе вида несовершеннаго и совершеннаго въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ достигается различіемъ суффиксовъ, при чемъ оба глагола могутъ быть

---

[1]) Иногда выборъ того или другаго префикса обусловливается говоромъ; напр. обычно въ литературномъ языкѣ говорится «*поставить* самоваръ», но у Тургенева встрѣчаемъ—«*наставить* самоваръ».

[2]) Языки, не выработавшіе въ префиксѣ оттѣнка начинательности, пользуются описательными выраженіями, напр. въ нѣм. присоединеніемъ глаголовъ anfangen или beginnen (напр. онъ заплакалъ=er fing an zu weinen), во франц.—commencer à.

безпредложными, напр. броса*ть*—броси*ть*, пуска*ть*—пусти*ть*, садиться—сѣсть и т. д. Отношеніе вида совершеннаго къ несовершенному въ этихъ глаголахъ можно сопоставить съ тѣмъ случаемъ предложныхъ глаголовъ, когда въ послѣднихъ присоединеніе предлога придаетъ только совершенность и не выражаетъ оттѣнка направленія, т. е.

бросалъ : бросилъ=красилъ : выкрасилъ.

Въ разсматриваемыхъ глаголахъ настоящее время также получило значеніе будущаго. [1]) Если къ этимъ глаголамъ присоединить предлогъ, то чрезъ это прибавится только оттѣнокъ направленія, видовая же категорія останется та же, напр. сѣлъ<присѣлъ.

Примѣрами того случая, когда глаголы несовершеннаго и совершеннаго вида происходятъ отъ разныхъ корней, могутъ служить : бралъ—взялъ, клалъ—положилъ, говорилъ—сказалъ.

Отъ разсмотрѣнныхъ нами случаевъ совершеннаго вида нужно отличить случай однократности, являющійся при нѣкоторыхъ глаголахъ. Дѣло въ томъ, что дѣйствія (какъ переходныя, такъ и непереходныя) представляютъ собою два класса—непрерывныя (напр. несу, плыву) и кратныя, представляющія какъ бы рядъ моментовъ (напр. качать, махать). Глаголы, обозначающіе какъ тѣ, такъ и другія дѣйствія, образуютъ обыкновенный совершенный видъ помощью префиксовъ (поплылъ, замахалъ), но вторые глаголы сверхъ того иногда могутъ образовывать безпредложный совершенный видъ съ помощью суффикса *н* || *ну* (дернетъ, дернулъ; махнетъ,

---

[1]) Измѣненіе значенія настоящаго времени безпредложнаго глагола въ будущее не чуждо въ отдѣльныхъ примѣрахъ и нѣкоторымъ другимъ аріо-европейскимъ языкамъ; срв. въ *греч.* εἶμι, πίομαι и др., *нѣм.* wir *kommen* gleich—«мы сейчасъ придемъ».

махнулъ), при чемъ эти глаголы на *-нуть* служатъ для обозначенія одного момента такого кратнаго дѣйствія, почему и называются однократными. Присоединеніе префикса къ однократному глаголу не измѣняетъ вида, а только придаетъ оттѣнокъ направленія, какъ это вообще бываетъ въ случаѣ безпредложныхъ глаголовъ совершеннаго вида, т. е.

бросилъ : перебросилъ=кинулъ : перекинулъ.

Примѣчаніе. Двумъ основнымъ видамъ русскаго глагола въ другихъ языкахъ нерѣдко соотвѣтствуютъ различія временъ, именно—прошедшихъ и частію будущаго. Такъ напр. въ греческомъ языкѣ русскому несовершенному виду прошедшаго времени соотвѣтствуетъ imperfectum, а совершенному—аористъ и перфектъ. Въ лат. языкѣ для прошедшаго несоверш. служитъ imperfectum, а для соверш.—перфектъ, въ которомъ смѣшались времена, соотвѣтствующія греческому аористу и перфекту. Франц. языкъ, подобно другимъ романскимъ образовавшійся изъ латинскаго, унаслѣдовалъ отъ послѣдняго различіе дѣйствій совершающагося и исполненнаго imparfait и passé défini). Кромѣ того франц. яз. представляетъ еще новое образованіе прошедшаго времени—passé indefini, соотвѣтствующее по смыслу греч перфекту. Нѣмецкій яз. почти не различаетъ вида несовершеннаго и совершеннаго, и изъ имѣющихся въ этомъ языкѣ двухъ прошедшихъ одно (imperf.) примѣняется въ историческомъ разсказѣ, соотвѣтствуя греческимъ временамъ—imperf. и аористу, а другое (perf.) соотвѣтствуетъ греч. перфекту. Такимъ образомъ въ нѣмецкомъ языкѣ только въ послѣднемъ случаѣ обозначена въ глагольной формѣ совершенность дѣйствій, въ первомъ же случаѣ форма не содержитъ въ себѣ никакихъ указаній на видъ дѣйствія, такъ что послѣдній только подразумѣвается изъ смысла рѣчи Поэтому нѣмцу, въ родномъ языкѣ котораго почти нѣтъ особыхъ глагольныхъ формъ для отличія видовъ дѣйствія совершающагося и исполненнаго, труднѣе овладѣть русскимъ глаголомъ, нежели французу. [1]) Вообще же можно замѣтить, что какъ русскій языкъ компенсируетъ недостатокъ нѣкоторыхъ формъ времени путемъ видовъ, такъ въ другихъ языкахъ, наоборотъ, недостаточность видовыхъ глагольныхъ образованій восполняется развитіемъ формъ времени.

---

[1]) Вотъ нѣсколько примѣровъ ошибокъ изъ русской рѣчи нѣмца относительно видовъ русскаго глагола : «это надо читать» (вм. прочитать), «завтра я буду отъиграться» (вм. отъиграюсь), «какъ вамъ нравился (вм. понравился) спектакль?».

III. Разсмотрѣвъ съ достаточною подробностью наиболѣе трудныя семазіологическія категоріи въ глаголѣ, каковыми являются залоги и виды, мы скажемъ теперь въ краткихъ словахъ о прочихъ категоріяхъ измѣненій глагола, т. е. о *наклоненіи*, *времени*, *числѣ* и *лицѣ*. Различіе наклоненій основывается на томъ, является ли представленіе дѣйствія (какого бы залога и вида ни былъ глаголъ) только умственнымъ актомъ, или же къ этому акту присоединяется моментъ желательно-волеваго побужденія и повелѣнія. Въ первомъ случаѣ употребляются формы глагола, служащія для обозначенія дѣйствія какъ факта и именуемыя *изъявительнымъ* наклоненіемъ (напр. читаю, я читалъ и проч.); во второмъ случаѣ употребляется форма прошедшаго времени съ присоединеніемъ частицы *бы*, т. е. такъ наз. *сослагательное* наклоненіе (напр. „почиталъ бы я!“, „почиталъ бы ты!“) и, наконецъ, въ послѣднемъ случаѣ—особая форма *повелительнаго* наклоненія (напр. бери!).[1]) Изъ приведенныхъ примѣровъ мы видимъ семазіологическое сродство между сослагательнымъ и повелительнымъ наклоненіями; разница же между ними заключается въ томъ, что сослагательное наклоненіе можетъ имѣть смыслъ какъ субъективный (напр. „поигралъ бы я!“), такъ и объективный (напр. „поигралъ бы ты!“), повелительное же наклоненіе имѣетъ лишь объективный оттѣнокъ значенія, почему и не имѣетъ формы перваго лица. Въ связи съ указаннымъ выше семазіологическимъ отличіемъ изъявительнаго наклоненія отъ на-

---

[1]) Говоря о наклоненіяхъ, мы имѣемъ здѣсь въ виду употребленіе ихъ только въ главныхъ предложеніяхъ, оставляя въ сторонѣ придаточныя, въ которыхъ наклоненія могутъ получать другіе оттѣнки значенія. Что касается такъ наз. *неопредѣленнаго наклоненія*, то оно не принадлежитъ къ наклоненіямъ, а представляетъ собою «общую» глагольную форму и стоитъ особнякомъ, т. е. составляетъ самостоятельную категорію. По происхожденію своему оно представляетъ падежную форму имени, и иные склонны считать въ силу этого неопредѣленное наклоненіе существительнымъ и для

клоненій сослагательнаго и желательнаго находится еще то, что только въ изъявительномъ наклоненіи глаголъ измѣняется по временамъ, тогда какъ два другія наклоненія не соединены сами по себѣ съ значеніемъ того или другаго времени. Въ изъявительномъ наклоненіи различаются времена дѣйствія *настоящее, прошедшее* и *будущее*. Мы уже знаемъ, что настоящее время служитъ для выраженія совершающагося какъ бы на глазахъ дѣйствія и такимъ образомъ отвѣчаетъ умственному акту „воспріятія“, а кромѣ того, оно можетъ обозначать дѣйствіе какъ обычное, т. е. болѣе абстрактно. Что касается двухъ другихъ временъ, то прошедшее время служитъ выраженіемъ умственнаго акта „воспоминанія“, а будущее соотвѣтствуетъ акту „ожиданія“, если дѣйствіе относится къ другому лицу, и акту „намѣренія“, если дѣйствіе относится къ самому говорящему, т. е. къ первому лицу. [1]) Намъ остается прибавить, что *личныя окончанія* глагола, особыя въ единственномъ и множе-

---

современнаго русскаго языка; однакожъ ясно, что явленія современнаго языка нельзя опредѣлять мѣркою прошлаго. Сравнивая выраженія: я люблю *пѣть* ‖ я люблю *пѣніе*, легко замѣтить, что въ первомъ случаѣ предполагается, что я самъ люблю пѣть, тогда какъ во второмъ случаѣ нѣтъ этого оттѣнка лица. Выраженіе: ты любишь *пѣть*=указываетъ на второе лицо (т. е. какъ бы: ты любишь ты пѣть). И въ случаѣ объективнаго значенія неопредѣленному наклоненію присущъ оттѣнокъ лица (срв. я велю *вамъ* читать). Глагольность неопред. наклоненія, этой общей формы глагола, подтверждается также тѣмъ, что оно распространяется тѣми же падежными формами, какъ и соотвѣтствующій личный глаголъ (срв. читаю *книгу* ‖ читать *книгу*, но: чтеніе *книги*).—Наше *повелительное* наклоненіе, какъ видно изъ сравненія съ греч., произошло изъ желательнаго, срв. бери=φέροις (отголосокъ прежняго значенія можно видѣть въ такихъ выраженіяхъ, какъ «*приди* онъ ко мнѣ, я помогъ бы ему»).

[1]) О прошедшемъ времени мы уже говорили, что разныя категоріи этого времени другихъ языковъ русскій языкъ вознаграждаетъ путемъ примѣненія видовыхъ образованій. Такъ, нѣкоторые языки различаютъ прошедшее время только что происшедшее, при чемъ состояніе дѣйствія еще продолжается (это—такъ наз. перфектъ въ языкахъ греческомъ и нѣмецкомъ и passé indéfini во французскомъ), и такое прошедшее время, которое

ственномъ числѣ, служатъ для выраженія связи дѣйствія, какъ сказуемаго, съ подлежащимъ соотвѣтствующаго числа и лица.

Отъ семазіологической стороны русскаго глагола мы перейдемъ къ его флексійной сторонѣ, т. е. къ *спряженію*. Здѣсь намъ представляется задача—классифицировать глаголы, т. е. распредѣлить ихъ по разрядамъ. Классифицировать спряженія мы будемъ съ двухъ точекъ зрѣнія—по различію окончаній и по различію ударенія, т. е. какъ мы поступали и при классификаціи склоненій именъ существительныхъ.

Выдѣливъ въ особую группу спряженіе трехъ глаголовъ—*есмь*, *ѣмъ* и *дамъ*, представляющихъ собою пережитки нѣкогда болѣе обширнаго класса глаголовъ такъ наз. нетематическаго (т. е. безъ тематическаго гласнаго) спряженія, мы примемъ для всѣхъ прочихъ глаголовъ общепринятое дѣленіе спряженій на такъ называемыя А) „первое“, куда принадлежатъ глаголы съ окончаніемъ *-ешь* во 2-мъ лицѣ ед. ч., и *-утъ* или *-ютъ* въ 3-мъ лицѣ мн. ч., и Б) „второе“, куда относятся глаголы съ окончаніемъ *-ишь* во 2-мъ лицѣ ед. ч. и *-атъ* или *-ятъ* въ 3-мъ лицѣ мн. ч. Каждый типъ спряженія является въ двухъ разновидностяхъ: I) спряженіе безъ *-ся* (напр. мою, ношу) и II) спряженіе съ *-ся -сь* (напр.

совершилось въ прошломъ и потому имѣетъ историческій характеръ; срв. выраженія «сторожъ пришелъ» (и теперь еще здѣсь) ‖ «сторожъ приходилъ» (напр. вчера), или въ страдательномъ залогѣ: «карета подана» (и теперь на-лицо) ‖ «карета была подана» (когда-бы то ни было въ прошломъ). Въ древне-русскомъ языкѣ это двоякое различіе прошедшаго времени иногда передается разными временными образованіями; такъ, въ нашей древней лѣтописи прошедшее на *-хъ* и проч. нерѣдко употребляется въ смыслѣ историческаго прошедшаго, а на *-лъ* (въ страд. на *-нъ*) въ смыслѣ перфекта особенно въ дословномъ приведеніи разговора; срв. «и *рече* царь *переклюкала* мя *еси* Ольга» (Лавр. подъ 955 г.); «*рѣша* же кияне... кнѧзь нашь *убьенъ*, а кнѧгини наша хоче за вашь кнѧзь» (Лавр. подъ 945 г.).

моюсь, ношусь). Для наглядности указаннаго подраздѣленія спряженія глаголовъ (исключая *дамъ* и пр.), приведу нѣсколько формъ спряженія настоящаго времени:

Первое спряженіе.

Спряженіе безъ -ся.	*Спряженіе на* -ся.
мою	моюсь
мо*ешь*	мо*ешься*
мо*ютъ*	мо*ются*.

Второе спряженіе.

ношу	ношусь
нос*ишь*	нос*ишься*
нос*ятъ*	нос*ятся*.

Не трудно видѣть, что спряженіе на *-ся* получается изъ спряженія безъ *-ся*, при чемъ неударяемое *-ся* сохраняется въ положеніи послѣ согласныхъ, въ положеніи же послѣ гласныхъ сократилось въ *-сь*. Въ виду столь простаго соотношенія между этими разновидностями спряженія мы ограничимся въ дальнѣйшемъ лишь глаголами безъ *-ся*. Какъ первое спряженіе, такъ и второе въ свою очередь подраздѣляются на болѣе мелкіе разряды въ зависимости отъ различія окончаній неопредѣленнаго наклоненія: въ первомъ спряженіи неопр. накл. кромѣ окончанія *ть* или *ти* [1]) встрѣчается съ окончаніемъ *-ать*, напр. несу—нес*ти*, сосу—сос*ать*; во второмъ спряженіи кромѣ окончанія *-ить* неопр. накл. имѣетъ еще окончаніе *-ять* (или, послѣ шипящихъ, *-ать*).[2]) Такимъ образомъ

[1]) Окончаніемъ неопр. накл. служитъ *-ти*, если на него падаетъ удареніе; въ случаѣ же ударенія на основѣ окончаніе неопр. накл. является въ сокращенномъ видѣ *-ть*.

[2]) Въ соотвѣтствіи съ окончаніями неопр. наклоненія находятся окончанія прошедшаго времени, напр. кол*оть*—кол*олъ*, чит*ать*—чит*алъ*, крас*ить*—крас*илъ*.

мы получаемъ въ томъ и другомъ спряженіи по два различія. Затѣмъ въ первомъ спряженіи въ томъ и другомъ различіи настоящее время можетъ представлять или твердое спряженіе (несу, сосу), или же мягкое (колю—колоть, стелю—стлать); кромѣ того, особый разрядъ твердаго спряженія составляютъ глаголы на *-ну*, напр. вяну, крикну. Такимъ образомъ, первое спряженіе подраздѣляется на пять частныхъ разрядовъ, а второе спряженіе на два, всего—семь разрядовъ. Всѣ эти разряды, полученные нами чрезъ сопоставленіе образованія настоящаго времени съ образованіемъ неопр. наклоненія (и прошедшаго времени), мы должны разсмотрѣть еще по типамъ ударенія.

Въ настоящемъ времени глаголовъ удареніе представляетъ три типа: 1) удареніе постоянное на основѣ (напр. вя́ну), 2) удареніе переходное—въ 1-мъ лицѣ ед. ч. на окончаніи, а въ прочихъ лицахъ на основѣ (напр. тону́), 3) удареніе постоянное на окончаніи (напр. беру́). Удареніе повелительнаго наклоненія находится въ соотвѣтствіи съ удареніемъ 1-го лица ед. наст., напр. вя́ну—вя́нь, тону́—тони́, беру́—бери́. Въ прошедшемъ времени удареніе можетъ быть постояннымъ на основѣ, напр. мы́лъ—мы́ла—мы́ло—мы́ли, или же постояннымъ на окончаніи (за исключеніемъ муж. рода ед. ч., гдѣ удареніе передвигается по необходимости на основу), напр. не́съ—несла́—несло́—несли́, а въ нѣкоторыхъ глаголахъ перенесеніе ударенія на окончаніе имѣется только въ жен. р., напр. жи́лъ—жила́—жи́ло—жи́ли. Удареніе неопр. накл. находится въ соотношеніи съ прош. вр. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ разсматривать типы ударенія отдѣльно для каждаго изъ указанныхъ выше семи разрядовъ.

А. Первое спряженіе.

Первый разрядъ: *несу—нести.* Глаголы даннаго разряда всѣ—первообразные или коренные (т. е. образованы непосред-

ственно отъ корня), [1]) при чемъ корень или основа этихъ глаголовъ оканчивается какимъ-либо согласнымъ. [2]) Въ зависимости отъ характера окончаній послѣдній согласный основы подвергается измѣненіямъ, которыя въ наст. вр. зависятъ отъ твердости или же мягкости слѣдующаго гласнаго (срв. пек-у || печешь), а въ прош. вр. и неопр. накл. отъ согласныхъ, начинающихъ окончанія этихъ формъ (срв. пекъ вм. пеклъ, печь). Такъ какъ согласные разныхъ категорій измѣняются неодинаково, то будетъ цѣлесообразно глаголы даннаго разряда расположить въ физіологическомъ порядкѣ согласныхъ, оканчивающихъ корень или основу:

а) гребу́, скребу́;
б) везу́, грызу́, ползу, лѣ́зу; несу́, трясу́, пасу́;
в) тру́, умру́, запру́;
г) пеку́, теку́, сѣку́, толку́, влеку́; стригу́, жгу́, берегу́, стерегу́, запрягу́, ля́гу, могу́;
д) веду́, бреду́, сяду, кладу́, краду́, паду́; плету́, мету́, расту́, цвѣту́, прочту́;
е) жму́, возьму́; мну́, жну́, начну́;
ж) плыву́, слыву́, живу́;
з) пою́.

Ударе́ніе въ *настоящемъ времени* почти всѣхъ глаголовъ перваго разряда постоянное на окончаніи (на первоначальномъ тематическомъ гласномъ). [3]) Только глаголъ „лѣ́зу“

---

[1]) Этимъ обстоятельствомъ опредѣляется и характеръ корневаго вокализма глаголовъ перваго разряда: между ними нѣтъ ни одного глагола съ т. наз. вторымъ полнымъ видомъ корня.

[2]) Но въ этомъ разрядѣ имѣются глаголы, корень которыхъ оканчивался дифтонгомъ: пою́, плыву́ и слыву́.

[3]) Соотвѣтствующіе же глаголы въгреческомъ языкѣ всѣ имѣютъударе́ніе на основѣ, и нѣтъ ни одного, гдѣ бы ударе́ніе имѣлось на тематическомъ

спрягается съ постояннымъ удареніемъ на основѣ, а глаголъ „могу́“ имѣетъ переходное удареніе. Нужно еще указать на глаголы „ля́гу“ и ся́ду“ съ постояннымъ удареніемъ на основѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ эти глаголы представляютъ особенность въ семазіологическомъ отношеніи какъ имѣющіе значеніе будущаго времени, независимо отъ присутствія предлога.

Въ *прошедшемъ времени* глаголы перваго разряда имѣютъ всѣ три типа ударенія, указанные нами въ предварительныхъ замѣчаніяхъ; поэтому намъ нужно установить здѣсь соотношеніе между удареніемъ настоящаго и прошедшаго времени. Изъ немногихъ глаголовъ, имѣющихъ въ наст. вр. постоянное удареніе на основѣ, глаголъ „лѣзу“ имѣетъ постоянное удареніе на основѣ и въ прош. вр.; сюда же надо отнести глаголъ „ся́ду“, при чемъ въ прош. вр. (сѣлъ—сѣла—сѣло—сѣли) видимъ особый видъ корня—съ долгимъ первоначальнымъ гласнымъ, т. е. К. *sēd; глаголъ же „ля́гу“ по ударенію прош. вр. принадлежитъ къ группѣ съ постояннымъ удареніемъ на окончаніи. Если же въ настоящемъ времени имѣется постоянное удареніе на окончаніи, то и въ прошедшемъ времени большинство глаголовъ имѣетъ постоянное удареніе на окончаніи (съ извѣстною особенностью въ муж. р. ед. ч.), напр. несу́—не́съ—несла́—несло́—несли́, меньшая же часть глаголовъ имѣетъ въ прошедшемъ времени постоянное удареніе на основѣ. Глаголы послѣдней группы представляютъ нѣкоторую особенность въ своемъ корневомъ вокализмѣ, именно—они имѣютъ въ корнѣ или первоначальный долгій гласный (кладу́, краду́, паду́, *сѣ*ку́, стри*г*у́, гры*з*у́), или же въ прош. времени имѣютъ гласный *я* (*а*)=ст.-сл. ѧ (мну—мялъ, жму—жалъ, жну—жалъ[1]).

гласномъ. Это различіе нужно объяснить разнымъ направленіемъ аналогіи по отношенію къ ударенію въ этихъ языкахъ.

[1]) Два глагола—возьму и начну, принадлежащіе сюда по корневому составу, но не употребляющіеся въ простомъ видѣ, безъ префиксовъ (взялъ

Наконецъ, глаголы на *-ву́*, содержащіе первоначальный долгій гласный въ корнѣ и имѣющіе въ настоящемъ времени ударе-ніе постоянное на окончаніи, въ прош. вр. переносятъ ударе-ніе на основу за исключеніемъ формы женскаго рода ед. ч. (напр. живу́—жи́лъ—жила́—жи́ло—жи́ли). Глаголъ „могу́“, съ переходнымъ ударе́ніемъ въ настоящемъ времени, въ прош. вр. имѣетъ ударе-ніе постоянное на окончаніи (съ извѣстною особенностью въ муж. родѣ ед. ч.).

Ударе-ніе *неопредѣленнаго наклоненія* находится въ соотвѣтствіи съ ударе́ніемъ прошедшаго времени: если въ прош. вр. имѣется ударе-ніе постоянное на основѣ, то и въ неопредѣленномъ наклоненіи на основѣ (напр. лѣ́зу—*лѣ́зла*—*лѣ́зть*, грызу́—*гры́зла*—*гры́зть*); если въ прош. вр. ударе-ніе постоянное на окончаніи (съ извѣстною особенностью въ муж. ед.), то и въ неопр. накл. будетъ на окончаніи, напр. „грести“; если же ударе-ніе въ прош. вр. переходное, то въ неопр. накл. оно одинаково съ ударе́ніемъ большинства формъ прош. вр., т. е. находится на основѣ. Глаголы на *-ку* и *-гу* представляютъ уклоненіе въ томъ отношеніи, что въ нихъ неопред. наклоненіе всегда имѣетъ ударе-ніе на основѣ независимо отъ того, гдѣ оно стоитъ въ прош. вр., а потому и окончаніе

—взяла́—взя́ло—взя́ли; на́чалъ—начала́—на́чало—на́чали), т. е. въ жен. родѣ ед. ч. переносятъ ударе-ніе на окончаніе, а въ прочихъ формахъ имѣютъ ударе-ніе на основѣ, при чемъ префиксъ *на-* перетягиваетъ на себя ударе-ніе. Аналогію глаголамъ на *-му́* и *-ну́* представляютъ глаголы на *-ру́* сходнаго строенія основы: простой глаголъ «тру́» въ прош. вр. имѣетъ постоянное ударе-ніе на основѣ, а глаголы, употребляющіеся только въ сложеніи съ префиксомъ (умру́, запру́) въ прош. вр. имѣютъ указанное выше переходное ударе-ніе, которое въ основѣ перетягивается на префиксъ (у́меръ—умерла́—у́мерло—у́мерли). Въ глаголахъ на *-ру́* неопр. накл., въ отличіи отъ прош. вр., имѣетъ не второе, а первое полногласіе, т. е. не сокращенный, а первый полный видъ корня съ ударе́ніемъ на вторичномъ *е* (срв. умерла́—умере́ть).

неопр. накл. въ этихъ глаголахъ всегда является въ сокращенномъ видѣ (срв. „печь“ при „пекла́“, какъ „стричь“ при „стри́гла“); впрочемъ отъ глаголовъ „печь“ и „стеречь“ встрѣчаются формы неопр. накл. съ удареніемъ на окончаніи: „печи́“ и „стереч́и“ (въ басняхъ Крылова).

Второй разрядъ: *колю—колоть*. Это—мягкій разрядъ, соотвѣтствующій предъидущему твердому: въ немъ наст. вр. образовано посредствомъ j; прош. вр. оканчивается на *-лъ*. Весьма характерною чертою этого разряда служитъ то, что въ немъ вовсе нѣтъ глаголовъ, въ которыхъ бы передъ *-jу* были другіе согласные кромѣ *л* и *р*. Такъ какъ въ родственныхъ языкахъ встрѣчаются и другіе согласные (срв. въ греч. кромѣ такихъ глаголовъ, какъ *φθείρω*, сюда принадлежатъ и такіе, какъ *φράζω*), то можно думать, что въ русскомъ языкѣ (и другихъ славянскихъ) часть глаголовъ этого разряда перешла въ другой разрядъ; для такого перехода должно было существовать сходство между этими разрядами, которое могло бы быть поводомъ къ переходу; можно думать, что такимъ другимъ разрядомъ былъ четвертый, въ которомъ наст. вр. образуется тоже посредствомъ j, прошедшее же время оканчивается на *-алъ*. Глаголы на *-лю* и *-рю* (прош. вр. на -ло́лъ и -ро́лъ и неопр. накл. на -ло́ть и -ро́ть, съ первымъ полногласіемъ) разсматриваемаго разряда, кромѣ „мелю“, содержатъ въ корнѣ гласный *о*, но они всѣ корневые, такъ какъ это *о* не является отраженіемъ втораго полнаго вида. Что же касается въ этомъ разрядѣ глаголовъ, основа которыхъ кончается гласнымъ (т. е. группы б, в, г), то они частію корневые и въ такомъ случаѣ имѣютъ односложную основу (напр. мо́ю, лью́, зна́ю, смѣ́ю), большею же частію или отъименные (напр. играю, бѣлѣю), или же отглагольные (напр. помогаю, почитываю). Такъ какъ относящихся сюда глаголовъ, которые образованы отъ именъ и глаголовъ, очень много, то мы ограничимся лишь приведе-

ніемъ отдѣльныхъ примѣровъ, тогда какъ корневые глаголы исчислимъ возможно полнѣе:

а) по*лю́*, ко*лю́*, ме*лю́*; бо*рю́*, по*рю́*;
б) мо́*ю*, ро́*ю*, кро́*ю*, во́*ю*, но́*ю*;
в) бр*ю́*; бы*ю́*, шы*ю́*; лы*ю́*, вы*ю́*, пы*ю́*;
г) зна́*ю*, да*ю́*, узна*ю́*; чита́*ю*, хвата́*ю*, дѣ́*лаю*, вѣ́*даю*....; почи́тыва*ю*....; гуля́*ю*, мѣня́*ю*....; см*ю́*, сп*ю́*, зр*ю́*; ум*ю́*, бѣл*ю́*....; ду́*ю*.

Что касается ударенія корневыхъ глаголовъ на *-лю́* и *-рю́*, то въ настоящемъ времени оно переходное, т. е. въ первомъ лицѣ единственнаго числа на окончаніи, въ прочихъ же лицахъ на основѣ; въ прошедшемъ времени этихъ глаголовъ ударе́ніе постоянное на окончаніи (-о́лъ и пр.), при чемъ нужно замѣтить, что формы прош. вр. имѣютъ первое полногласіе и ударе́ніе находится на вторичномъ *о*. Ударе́ніе глаголовъ второй группы, тоже корневыхъ, какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошедшемъ времени постоянное на корнѣ. Ударе́ніе глаголовъ третьей группы, также корневыхъ, въ одномъ глаголѣ (бр*ю́*), подобно предъидущей группѣ, постоянное на корнѣ; прочіе же глаголы той же группы имѣютъ въ настоящемъ времени постоянное ударе́ніе на окончаніи, а въ прошедшемъ времени два глагола принимаютъ постоянное ударе́ніе на корнѣ (бью, шью), а прочіе три (лью, вью, пью) въ ж. р. ед. ч. переносятъ ударе́ніе на окончаніе *-ла*. [1])

---

[1]) Замѣтимъ еще, что въ нѣкоторыхъ глаголахъ данной группы j можетъ принадлежать корню, а не суффиксу (срв. напр. вью = литов. vej-ù), а въ такомъ случаѣ они собственно не относятся къ мягкому разряду по образованію настоящаго времени и, не смотря на присутствіе j, принадлежатъ къ первому разряду, т. е. подобно глаголу «пою́»; глаголъ «шью» безспорно относится ко второму разряду, такъ какъ здѣсь j не принадлежитъ корню (срв. литов. siūvù, скт. sív-yā-mi).

Всѣ глаголы послѣдней группы, корневые и производные, имѣютъ удареніе постоянное на одномъ и томъ же слогѣ основы въ настоящемъ и прошедшемъ времени; только глаголы „даю“ и „узнаю“ (послѣдній, надо думать, подъ вліяніемъ дифференціаціи къ буд. вр. „узна́ю“) имѣютъ въ настоящемъ времени удареніе на окончаніи, а въ прош. вр. первый имѣетъ переходное удареніе (т. е. удареніе на корнѣ во всѣхъ формахъ, кромѣ жен. рода ед. ч.), удареніе же втораго въ прош. вр. одинаково съ простымъ глаголомъ „знаю“, т. е. постоянное на корнѣ.

Третій разрядъ: *сосу—сосать*. Глаголы, принадлежащіе къ этому разряду, всѣ—корневые; по образованію настоящаго времени они могли бы быть зачислены въ первый разрядъ, но прошедшее время и неопр. наклоненіе отличаются отъ перваго разряда, такъ какъ оканчиваются на *-а́лъ* [1]) и *-а́ть*, тогда какъ въ первомъ разрядѣ тѣ же формы оканчиваются на *-лъ* и *-ть* (*-ти*). Къ этому разряду принадлежатъ слѣдующіе глаголы:

сосу́; тку́; лгу́; вру́, жру́, беру́, деру́, ору́; ржу́; зову́, рву́; жду́.

Удареніе во всѣхъ приведенныхъ глаголахъ въ *настоящемъ времени* постоянное на окончаніи. Что касается ударенія въ *неопредѣленномъ наклоненіи*, то оно всегда падаетъ на окончаніе *-а́ть*. Въ *прошедшемъ времени* въ двухъ глаголахъ съ постояннымъ *о* въ корнѣ (*сосу́*, *ору́*) оно оказывается по-

[1]) Такое образованіе прош. вр. можно сопоставить съ образованіемъ въ греческомъ языкѣ отъ корневыхъ глаголовъ перфекта на -ηκα (дорич. -ᾶκα) въ такихъ случаяхъ какъ: μένω—μεμένηκα (срв. дорич., у Архимеда, μεμενᾶκουσα, τέμνω—τέτμηκα (срв. у Архимеда τετμᾶκε:). Въ латинскомъ языкѣ сюда можно причислить такіе глаголы, какъ сгеро—сгерui—сгерᾶге.

стояннымъ на окончаніи, падая на то *а*, которое стоитъ передъ *л*; въ прочихъ же глаголахъ, въ корнѣ которыхъ имѣется исчезающее *е* или же нѣкогда имѣлся гласный ъ (ў) и ь (ĭ), удареніе въ жен. родѣ ед. ч. переходитъ на конечный гласный (напр. брала́, ждала́); впрочемъ въ глаголахъ „тку“ и „лгу“ встрѣчается и на *а*, стоящемъ передъ *л*. Совершенно отдѣльно въ данномъ разрядѣ стоитъ глаголъ „стону́“, имѣющій одинъ во всемъ разрядѣ переходное удареніе въ настоящемъ времени; глаголъ этотъ, судя по гласному корня,— отъименной и, можно думать, сначала принадлежалъ къ глаголамъ на *-аю* предъидущаго разряда, а затѣмъ по аналогіи (черезъ посредство неопред. накл.) перешелъ въ данный разрядъ; въ словаряхъ даже и указывается глаголъ „стона́ю“.

Четвертый разрядъ: *пишу—писать*. Это—мягкій разрядъ, соотвѣтствующій предъидущему твердому; въ настоящемъ времени встрѣчается такая же перемѣна согласныхъ (подъ вліяніемъ j), какъ въ сравнительной степени, оканчивающейся на -е. Всѣ эти глаголы—корневые, [1]) какъ и глаголы съ односложною основою, оканчивающеюся гласнымъ; отъименными являются лишь многосложные глаголы, имѣющіе въ первомъ лицѣ ед. ч. наст. вр. окончанія *-ую* и *-ю*, а въ прошедшемъ времени *-овалъ* и *-евалъ* [2]). Въ слѣдующемъ далѣе перечнѣ

---

[1]) Быть можетъ, отъименными нужно признать глаголы—коле́блю, трепещу́, клевещу́, какъ имѣющіе двусложную основу (односложные глаголы—плещу́ и свищу́ могутъ быть и корневыми).

[2]) Если согласный, предшествующій окончанію,—твердый, то прош. время оканчивается на *-овалъ*; если же окончанію предшествуетъ мягкій согласный, то прош. время оканчивается на *-евалъ* Очевидно здѣсь имѣемъ такое же чередованіе *о* ‖ *е*, на какое мы указывали уже, говоря объ особенныхъ окончаніяхъ твердаго и мягкаго склоненія существительныхъ, тѣмъ

глаголовъ даннаго разряда приводятся всѣ корневые и лишь отдѣльные примѣры отъименныхъ:

а) колéблю; треплю́, клеплю́, щиплю́, сы́плю; дремлю́; гложу́; пря́чу, мечу́; свищу́, хлещу́; клевещу́, трепещу́; рѣ́жу, ма́жу, вяжу́, лижу́, кажу́, нижу́; пишу́, пляшу́, подпоя́шу, чешу́; дви́жу, бры́жжу; пла́чу, скачу́; ищу́, плещу́; стелю́, шлю́; орю́;

б) ца́рствую, цѣлу́ю; сую́, сную́; воюю́, горю́ю, плюю́, клюю́;

в) сѣ́ю, смѣю́сь; ла́ю, та́ю.

Удареніе въ *настоящемъ времени* можетъ представлять всѣ три типа. При этомъ оказывается, что въ глаголахъ, основа которыхъ оканчивается на согласный, имѣются два типа: а) удареніе постоянное на основѣ (напр. ма́жу) и, чаще, б) удареніе переходное (напр. треплю́—тре́плешь); только въ одномъ глаголѣ (шлю́—шле́шь) [1]) удареніе по необходимости падаетъ на окончаніе. Въ глаголахъ, основа которыхъ оканчивается на гласный, въ настоящемъ времени вовсе не встрѣчается переходнаго ударенія, а только два другіе типа: а) удареніе постоянное на основѣ—въ нѣкоторыхъ корневыхъ глаголахъ на *-ѣю* и *-аю* (сѣ́ю, ла́ю, та́ю, ча́ю) и въ производ-

---

болѣе, что глаголы на *-ую* происходятъ отъ существительныхъ твердаго склоненія, а глаголы на *-юю* отъ существительныхъ мягкаго скл., напр. пиръ<пирую, горе<горюю. Въ греческомъ языкѣ даннымъ глаголамъ соотвѣтствуютъ отъименные глаголы на -εύω, напр. πιστός<πιστεύω, βασιλεύς<βασιλεύω.

[1]) Сюда же можно перенести изъ предъидущаго разряда глаголъ *ржу—ржешь*, такъ какъ согласный *ж* нѣкогда былъ мягкимъ. Если основа двусложная, то удареніе при переходѣ съ окончанія на основу приходится на второмъ слогѣ основы, т. е. ближайшемъ къ окончанію, напр. клевещу́—клевéщешь.

ныхъ на *-ую* и *-ю*, при чемъ предпослѣдніе *у* и *ю* бываютъ ударенными или же стоятъ за удареніемъ (пиру́ю, ца́рствую, горю́ю, цк.-сл. у́тренюю), б) ударѐніе постоянное на окончаніи—только въ корневыхъ глаголахъ (кую́, плюю́, смѣю́сь). Ударѐніе въ *прошедшемъ* времени всегда постоянное или на основѣ (пря́талъ), или на окончаніи (мета́лъ) и находится въ соотвѣтствіи съ удареніемъ 1 ед. наст.: если ударѐніе въ 1 ед. наст. приходится на окончаніи, то и въ прош. времени оно на окончаніи, если же въ 1 ед. наст. имѣется на основѣ, то и въ прош. времени тоже (исключая одинъ глаголъ съ двусложной основою: коле́блю—колеба́лъ). Выше мы высказали предположеніе, что нѣкоторые глаголы могли перейти въ данный разрядъ путемъ аналогіи изъ втораго разряда; и дѣйствительно, нѣкоторымъ русскимъ глаголамъ четвертаго разряда въ литовскомъ соотвѣтствуютъ глаголы втораго разряда, напр.; сую—совать || šáuju—šáuti, плюю—плевать || spiáuju—spiáuti.

Пятый разрядъ: *вяну—вянуть*. Глаголы, принадлежащіе къ этому разряду, частію имѣютъ значеніе настоящаго времени (напр. вяну, сохну, глохну и пр.), частію же будущаго времени (напр. прысну, топну, хлопну, толкну́ и пр.).

Первая группа глаголовъ на *-ну* имѣетъ ударѐніе на корнѣ и по своему значенію сближается съ глаголами на *-ню* (2-го разряда), произведенными отъ прилагательныхъ; срв.

красный<краснѣю	слѣпой || слѣпну
черный<чернѣю	глухой || глохну
толстый<толстѣю	сухой || сохну
слабый<слабѣю	слабый || слабну.

Такого рода глаголы на *-ню* и *-ну* обыкновенно называются „начинательными“, но не вполнѣ точно, такъ какъ ими выражается не начало дѣйствія, но процессъ пріобрѣтенія качества, обозначеннаго прилагательнымъ.

Ко второй категоріи принадлежатъ многіе глаголы, обозначающіе звуковыя представленія, напр. хло́пну, свйстну, бо́тну и др.; они имѣютъ удареніе на корнѣ, независимо отъ ударенія въ соотвѣтствующемъ глаголѣ наст. времени (срв. хло́паю, свищу́). Кромѣ того, къ этой же группѣ относятся глаголы движеній, могущихъ имѣть быстрый или разовый характеръ: грести́ || гребну́ть, бода́ть || боднуть, лага́ть || лягну́ть и т. д.

Б. Второе спряженіе.

Шестой разрядъ: *солю—солить*. Къ этому разряду принадлежатъ отъименные глаголы на *-ить* (прош. вр. на *-илъ*):

со́лю́; ва́рю́; ра́ню, цѣню́; сто́ю, стро́ю; клею́; люблю́; хожу́, сужу́; служу́; мучу́; учу́, мучу́.

Удареніе въ *настоящемъ времени* глаголовъ даннаго разряда представляетъ всѣ три типа, удареніе же *прошедшаго времени* и *неопред. наклоненія* соотвѣтствуетъ первому лицу ед. ч. наст. времени (солю́—соли́ть—соли́лъ, сужу́—су́дишь—суди́лъ, ра́ню—ра́нишь—ра́нилъ); такимъ образомъ шестой разрядъ глаголовъ по ударенію представляетъ сходство съ четвертымъ разрядомъ, съ которымъ, быть можетъ, связанъ и родствомъ суффиксальнаго образованія.

Седьмой разрядъ: *вижу—видѣть*. Этотъ разрядъ отличается отъ предъидущаго тѣмъ, что въ немъ прошедшее время оканчивается на *-ѣлъ* или (послѣ шипящихъ и j) на *-алъ*. Глаголы, относящіеся къ этому разряду,—по преимуществу корневые. Отъименными глаголами можно признать довольно многочисленные непереходные глаголы, обозначающіе звуковыя представленія и происходящіе главнымъ образомъ отъ именъ существительныхъ на *-пъ* и *-къ* (напр. храпъ<храпѣ́ть, скрипъ<скрипѣ́ть, шипъ<шипѣ́ть....; стукъ<стуча́ть, пискъ<пи-

ща́ть, крикъ<крича́ть....); такъ какъ дѣйствіе этихъ глаголовъ по природѣ длительное, тянущееся, повторяющееся, то бо́льшая часть ихъ образуетъ еще однократную форму на *-нуть* (т. е. по пятому разряду). Примѣры глаголовъ разсматриваемаго разряда:

а) вел*ю́*; гор*ю́*; звен*ю́*; скорб*лю́*; скрип*лю́*; шум*лю́*; сиж*у́*; леч*у́*; вишу́;

б) леж*у́*; слы́ш*у*; молч*у́*; трещ*у́*; сто*ю́*; бо*ю́*сь.

Что касается ударенія, то оно въ *настоящемъ времени* бываетъ только постоянное и притомъ двоякое, т. е. или на основѣ, или же на окончаніи, а въ соотвѣтствіи съ этимъ находится удареніе *прошедшаго времени* и *неопредѣленнаго наклон.*

Глава X.

О нарѣчіи и частицахъ.

Нарѣчіемъ называется знаменательная часть рѣчи, присоединяющаяся въ качествѣ опредѣленія къ глаголу. Уже названіе ея показываетъ, что она относится къ „рѣчи“, т. е. „глаголу“ (срв. лат. adverbium т. е. приглаголіе). По своему происхожденію нарѣчія представляютъ нѣсколько группъ. Наиболѣе обширную группу составляютъ нарѣчія, происшедшія отъ прилагательныхъ. Такія нарѣчія чаще всего представляютъ собою краткую форму качественныхъ прилагательныхъ средняго рода на *-о*, напр. хорошо, дурно, скоро и т. п. Подобныя формы, относясь къ существительнымъ средняго рода, представляютъ явленіе согласованія. При глаголѣ онѣ не могли исполнять такой функціи, обозначая признакъ дѣйствія; такимъ образомъ онѣ получили смыслъ нарѣчій и обособились отъ прилагательныхъ. [1]) При этомъ онѣ удержали характерное свойство качественныхъ прилагательныхъ, именно — способность къ степенямъ сравненія. Нарѣчныя образованія

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что въ какомъ отношеніи находится нарѣчіе къ своему прилагательному, въ такомъ же дѣепричастіе къ соотвѣтствующему причастію; такимъ образомъ, дѣепричастіе является какъ бы глагольнымъ нарѣчіемъ.

могутъ происходить также отъ числительныхъ (напр. однажды) и мѣстоименій (напр. такъ). Наконецъ, очень много нарѣчій получилось изъ падежныхъ формъ склоняемыхъ частей рѣчи какъ въ безпредложномъ употребленіи, такъ и въ соединеніи съ предлогами, напр. вчера, бѣгомъ, кругомъ, вверхъ, на-скоро, наконецъ, наизусть, справа, понапрасну, понемногу и т. п.

Предлоги обычно представляютъ дальнѣйшую ступень измѣненія нарѣчій и относятся уже не къ глаголу, а къ имени. Основное значеніе предлоговъ—выражать пространственное и временное отношеніе предметовъ. Соотвѣтственно этому и собственное значеніе нарѣчій, переходящихъ въ предлоги, принадлежитъ къ типу пространственно-временныхъ, срв близь, около, вдоль и пр.; самый же переходъ заключается въ пониженіи собственнаго значенія, благодаря чему прежнее нарѣчіе становится формальнымъ элементомъ имени и тѣсно примыкаетъ къ послѣднему; обычно при такихъ предлогахъ стоитъ Род. падежъ, какъ и при существительныхъ, отъ которыхъ произошли нарѣчія, обратившіяся затѣмъ въ предлоги. Переходъ первоначальныхъ флексійныхъ формъ въ нарѣчія и предлоги принадлежатъ разнымъ эпохамъ. Къ древнѣйшимъ предлогамъ, имѣющимъ родичей въ другихъ аріо-европейскихъ языкахъ и потому восходящимъ къ эпохѣ аріо-европейскаго праязыка, принадлежатъ такіе простѣйшіе, какъ—*про*, *въ*, *съ* *къ*, *отъ*, *изъ* и пр.; они соединяются съ разными падежами, что̀ зависитъ отъ взаимнаго соотвѣтствія смысла предлога и смысла падежа. [1])

---

[1]) Предлоги могутъ еще входить въ качествѣ постояннаго элемента въ составъ слова для образованія его собственнаго значенія; въ такомъ случаѣ они становятся морфологическою частью слова, именуемою *префиксомъ*. Нѣкоторые предлоги извѣстны только въ видѣ префиксовъ: *воз-*, *низ-*, *раз-*, *вы-*, *па-*, *пра-*, *су-*, *пере-*.

Древнѣйшіе *союзы* имѣютъ мѣстоименное происхожденіе (напр, а, и, что...), а это указываетъ на то, что первоначально это были мѣстоименныя словечки, служившія для указанія видовъ ассоціаціи между представленіями и мыслями, напр. по *смежности* и *послѣдовательности* (и, когда), а въ дальнѣйшемъ развитіи они могутъ выражать и *причинность* (когда, такъ какъ), *подобіе*, *различіе* и *контрастъ* (какъ; но, а)

Такимъ образомъ, союзы различаются по своему значенію отъ предлоговъ, представляя однако съ ними то сходство, что какъ тѣ, такъ и другіе не имѣютъ полнаго собственнаго значенія. [1])

Междометія по происхожденію представляютъ рефлекторные звуки, вызываемые тѣмъ или другимъ сильнымъ эмоціональнымъ состояніемъ, напр. чувствомъ боли, радости и т. п., а въ послѣдующемъ развитіи языка они становятся словесными восклицательными символами, выражающими эмоціи. Особый видъ междометій — звукоподражанія, первоначально родъ рефлекса со слуха на органъ произношенія.

Примѣчаніе. Такъ называемыя «глагольныя частицы» (звукоподражательныя), какъ напр. бацъ! трахъ! и т. п. должны считаться неизмѣняемыми глагольными образованіями. Глагольность ихъ подтверждается тѣмъ, что они по смыслу рѣчи получаютъ значеніе того или другаго времени и лица, а кромѣ того распространяются падежами одинаково съ родственными глаголами; срв. онъ бацъ (=бацнулъ) его по головѣ! тутъ онъ бацъ =бацнулся) ему въ ноги!

---

[1]) Поэтому-то въ малограмотныхъ написаніяхъ частонѣкоторые предлоги и союзы встрѣчаются написанными слитно съ слѣдующимъ словомъ, къ которому они примыкаютъ (напр. *анадругойжа*).

Синтаксисъ.

Глава XI.

Предметъ синтаксиса. Понятіе о предложеніи и его объемѣ. Простое нераспространенное предложеніе—его составъ и типы.

Въ морфологіи мы изучали отдѣльныя слова, при чемъ установили какъ наиболѣе крупные разряды словъ, именуемые частями рѣчи, такъ и различія смысловыя и формальныя въ области каждой части рѣчи. Теперь мы должны приступить къ разсмотрѣнію типовъ сочетанія словъ для выраженія нашихъ мыслей, что̀ и составляетъ предметъ синтаксиса.

Каждое сочетаніе словъ, служащее для выраженія мысли и образующее одно цѣлое, называется *предложеніемъ*. Въ элементарной грамматикѣ предложеніе обыкновенно опредѣляется какъ „мысль (или по другимъ—отдѣльная мысль), выраженная словами“. Это опредѣленіе содержитъ однако нѣкоторую неточность, ибо предложеніе есть фактъ рѣчи, а не мысли. Поэтому нужно признать болѣе точнымъ то опредѣленіе предложенія, которое дано нами выше: „предложеніе есть сочетаніе словъ, служащее для выраженія мысли (или—отдѣльной мысли)“.

Все-таки и то, и другое опредѣленіе страдаетъ еще нѣкоторою неполнотою, такъ какъ не указываетъ, что считать отдѣльной мыслью. Но съ этимъ недочетомъ можно примириться въ виду того, что грамматика не ограничивается однимъ опредѣленіемъ, а вслѣдъ за нимъ переходитъ къ указанію состава предложеній, чѣмъ какъ бы опредѣляетъ и составъ отдѣльной мысли. Кромѣ того, хотя обычное опредѣленіе предложенія и не имѣетъ желательной полноты, но является весьма удобнымъ въ цѣляхъ педагогическихъ, именно благодаря своей краткости.

Примѣчаніе. Всякое предложеніе служитъ для выраженія мысли, а потому не мѣшаетъ остановиться на слѣдующемъ вопросѣ: совпадаетъ ли невысказанная мысль съ мыслью выраженной словами? Наши мысли начинаютъ складываться и развиваться съ самаго дѣтства и съ теченіемъ времени пріобрѣтаютъ значительное богатство и сложность содержанія, хотя благодаря привычкѣ могутъ казаться намъ весьма простыми. Но если мы попробуемъ одну такую по-видимому простую мысль передать другимъ словами, то увидимъ, что нерѣдко для этого требуется не одно, а цѣлый рядъ предложеній [1]), все-таки не исчерпывающихъ всего содержанія мысли. При этомъ послѣдняя какъ бы расчленяется и укладывается въ привычныя рамки предложеній соотвѣтствующихъ типовъ.

Какъ извѣстно изъ элементарной грамматики, предложенія представляютъ большое разнообразіе по степени своей сложности, начиная отъ простаго нераспространеннаго предложенія, состоящаго только изъ двухъ членовъ—подлежащаго и сказуемаго, и кончая распространеннымъ сложнымъ предложеніемъ. Цѣль расширенія предложенія—полнѣе выразить мысль въ одномъ словесномъ цѣломъ. Не трудно однакожъ убѣдиться въ томъ, что это расширеніе должно имѣть надле-

---

[1]) Дѣйствительно, желая выразить словами свою мысль, мы должны будемъ сказать и о томъ, что для насъ подразумѣвалось само собою, но безъ чего наша мысль при передачѣ другимъ показалась бы непонятной.

жащія границы, что долженъ быть хотя бы приблизительно *нормальный объемъ предложенія*. Такъ какъ предложеніе представляетъ сторону смысловую и сторону произносимую или словесную, то вполнѣ естественно думать, что и ограниченіе объема предложенія должно обусловливаться двумя моментами —внутреннимъ или семазіологическимъ и внѣшнимъ или фонаціоннымъ:

1) Въ отношеніи семазіологическомъ необходимо, чтобы въ умѣ самого говорящаго единство мысли не утратилось въ теченіе выраженія ея словами, въ противномъ случаѣ не получится цѣльнаго предложенія. Что касается слушающаго, то необходимо, чтобы предложеніе, выражающее мысль говорящаго, содержало такое количество членовъ или частей, чтобы послѣдніе могли быть схвачены слушающимъ въ ихъ совокупности однимъ актомъ мысли, иначе предложеніе не будетъ воспринято въ своей цѣлости.

2) Въ отношеніи фонаціонномъ нужно, чтобы говорящій произносилъ предложеніе возможно однимъ объемомъ выдыханія, правильно расчлененнаго между членами предложенія, чѣмъ достигается внѣшняя связность и цѣльность предложенія, необходимая для легкаго воспріятія его слушателемъ.

Нужно еще сказать, что съ развитіемъ письменности получилась возможность образованія болѣе обширныхъ сложныхъ предложеній, такъ какъ зрѣніе даетъ возможность охватить предложеніе съ болѣе обширнымъ объемомъ. Это должно было вызывать и развитіе соотвѣтствующихъ фонаціонныхъ пріемовъ для произнесенія такихъ предложеній, къ числу которыхъ относятся и такъ называемые періоды.

Давъ понятіе о предложеніи и его объемѣ, мы, слѣдуя способу начинать изученіе явленій съ наиболѣе простаго ихъ типа, обратимся къ анализу *простыхъ нераспространенныхъ*

предложеній, которыя служатъ для выраженія самыхъ простыхъ нашихъ мыслей. Самая простая мысль, когда мы ее выражаемъ словами, естественно разлагается на двѣ части соотвѣтственно тому, что, думая о какомъ-нибудь предметѣ, мы непремѣнно думаемъ о немъ что-нибудь. Отсюда происходятъ двѣ основныя категоріи въ предложеніи: *подлежащее*, обозначающее предметъ, о которомъ мы думаемъ, и *сказуемое*, выражающее, что̀ думаемъ объ этомъ предметѣ; эти категоріи такимъ образомъ отвѣчаютъ логическимъ требованіямъ нашей мысли и, при выраженіи послѣдней словами, могутъ быть выражаемы различными частями рѣчи. Какъ увидимъ дальше, для болѣе полнаго выраженія мысли главные члены предложенія могутъ распространяться разными второстепенными, и тогда простое предложеніе изъ нераспространеннаго становится распространеннымъ. Второстепенные члены предложенія также могутъ выражаться въ свою очередь разными частями рѣчи. Составъ всякаго предложенія обыкновенно разсматриваютъ двояко: съ точки зрѣнія синтаксической—по членамъ предложенія, и съ точки зрѣнія морфологической—по частямъ рѣчи. Нельзя однакожъ не признать, что такое рѣзкое отдѣленіе сторонъ морфологической и синтаксической, допускаемое ради удобства изложенія, страдаетъ нѣкоторою искусственностію, такъ какъ въ дѣйствительности та и другая сторона тѣсно связаны и даже слиты между собою, ибо морфологія представляетъ такъ сказать инвентарь отдѣльныхъ категорій словъ и ихъ формъ, а синтаксисъ показываетъ всѣ эти слова и формы въ ихъ движеніи и жизни—въ предложеніи. Ученіемъ о членахъ предложенія, въ которые укладывается наша мысль, наука о языкѣ соприкасается съ логикой.

Приступая теперь къ главному предмету настоящей главы—къ анализу простаго нераспространеннаго предложенія, и припомнивъ, что оно состоитъ изъ двухъ главныхъ членовъ, обозначающихъ предметъ, о которомъ мы думаемъ, и то, что̀

думаемъ о предметѣ, мы теперь обратимъ вниманіе на одно существенное различіе въ самомъ характерѣ нашей мысли: мы можемъ думать о предметѣ или какъ наблюдаемомъ (напр. лошадь идетъ), или же абстрактно, стараясь отнести предметъ къ его родовому классу (напр. лошадь—животное). Соотвѣтственно этому различію мысли, простыя предложенія представляютъ два главные типа: А) предложенія, изображающія фактъ и Б) предложенія, опредѣляющія предметъ относительно его родоваго понятія. Кромѣ того нужно указать еще В) переходный типъ между этими двумя главными, который, принадлежа по формѣ ко второму типу, по характеру мысли болѣе подходитъ къ первому типу; это—предложенія, опредѣляющія свойство или качество предмета, напр. „лошадь мала“.

А. Предложенія, изображающія фактъ.

Когда мы выражаемъ простую мысль о предметѣ наблюдаемомъ и совершающемъ дѣйствіе, то пользуемся для этого частями рѣчи слѣдующимъ образомъ: въ роли подлежащаго употребляется Именительный падежъ предметной части рѣчи: имени существительнаго, а также—прилагательнаго, числительнаго и мѣстоименія въ смыслѣ существит. (напр. „богатый“, „трое“, „онъ“ и т. п.); въ роли сказуемаго употребляется личный глаголъ, который всегда согласуется съ подлежащимъ. При этомъ различаются случаи: если подлежащее выражено личнымъ мѣстоименіемъ перваго или втораго лица, то оно соединяется съ соотвѣтствующими личными формами глагола; если же подлежащее выражено предметнымъ названіемъ, то оно сочетается съ формою третьяго лица сказуемаго-глагола. [1]) Личный глаголъ при этомъ можетъ измѣ-

[1]) Объ особенностяхъ согласованія сказуемаго съ существительными собирательными въ древне-русскомъ языкѣ говорилось въ морфологіи.

няться по временамъ и наклоненіямъ. Припомнимъ также, что глаголы по самому характеру дѣйствій распадаются на переходные и непереходные. Такъ какъ *переходные* глаголы непремѣнно предполагаютъ объектъ дѣйствія и послѣдній можетъ быть указанъ (въ Вин. пад.), то такимъ образомъ сказуемое простаго нераспространеннаго предложенія можетъ дополняться названіемъ объекта дѣйствія. Мысль, выражаемая такимъ предложеніемъ, можетъ быть еще представлена въ *обратной* или *страдательной* формѣ, напр. отецъ наказываетъ сына || сынъ наказывается отцомъ.

Такъ какъ сочетаніе субъекта въ Имен. падежѣ и глагола въ соотвѣтствующемъ лицѣ есть наиболѣе постоянная форма простыхъ предложеній изображающихъ фактъ, то мы постараемся теперь разъяснить съ психологической точки зрѣнія самый путь, который могъ и долженъ былъ повести къ такому расчлененію цѣлостнаго представленія факта. Уже напередъ можно предположить, что здѣсь мы будемъ имѣть дѣло съ тѣми же основными психологическими силами и процессами умственной дѣятельности, каковыя мы уже знаемъ изъ предшествующаго изученія явленій морфологіи, это—ассоціаціи смежности и сходства и творческая дѣятельность.

Всѣ предметы міра наблюдаются нами не въ одномъ и томъ же неизмѣнномъ видѣ: каждый изъ нихъ случается наблюдать въ разныхъ видахъ движенія или состоянія (напр. лошадь идетъ, лошадь ѣстъ, лошадь ржетъ и т. д.); съ другой стороны одно и то же дѣйствіе или состояніе можетъ принадлежать разнымъ предметамъ (напр. лошадь идетъ, человѣкъ идетъ и т. п.). Въ томъ и другомъ случаѣ представленія частію сходны (такъ какъ относятся къ одному и тому же предмету или же дѣйствію), частію же различны (вслѣдствіе различія дѣйствій даннаго предмета или предметовъ при одномъ и томъ же дѣйствіи),—и въ этомъ-то частичномъ различіи за-

ключается толчокъ къ разложенію при посредствѣ рѣчи цѣлостнаго впечатлѣнія на два члена—подлежащее и сказуемое, при чемъ согласованіе послѣднихъ знаменуетъ въ нашей рѣчи цѣлостность мысли.

Какъ ни простъ разсмотрѣнный способъ выраженія мысли, однако не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что человѣкъ не сразу дошелъ до него, такъ какъ для этого требуется какъ навыкъ въ разложеніи цѣлостнаго впечатлѣнія, такъ и наличность соотвѣтствующихъ словесныхъ формъ. Наши дѣти, перенимая родную рѣчь отъ взрослыхъ, усваиваютъ и этотъ уже готовый способъ выраженія своихъ впечатлѣній, тогда какъ человѣчеству нужно было самому дойти до такого способа расчлененія цѣлостнаго впечатлѣнія и создать тѣ или другія языковыя средства для его выраженія. Въ настоящее время мы невольно приходимъ въ глубокое удивленіе передъ рѣшенною столь успѣшно человѣкомъ задачею—выработать соотношеніе между своимъ міромъ психическимъ (міромъ мысли) и міромъ звуковыхъ символовъ, благодаря чему сталъ возможенъ обмѣнъ мыслей между людьми. Съ дѣтства мы уже такъ привыкли къ выработаннымъ типамъ словесныхъ выраженій, что уже не замѣчаемъ творческаго процесса расчлененія мысли посредствомъ предложенія. Нѣкоторые изслѣдователи видятъ сущность предложенія въ высказываніи (предицированіи) о подлежащемъ, но намъ кажется такое воззрѣніе неправильнымъ, такъ какъ мы не можемъ вообще сказать, который изъ этихъ двухъ членовъ предложенія возникаетъ въ мысли раньше, и можно думать, что въ дѣйствительности относительно этого нѣтъ постояннаго однообразія, явленія же нашего повседневнаго разговора на каждомъ шагу убѣждаютъ насъ въ томъ, что предложеніе можетъ состоять не только въ предицированіи, но и субъектированіи, отвѣчая какъ на вопросъ „что дѣлаетъ какой-либо предметъ?“ такъ и на вопросъ „кто дѣлаетъ что-либо?“.

Разъяснивъ достаточно составъ простаго нераспространеннаго предложенія, изображающаго фактъ, укажемъ еще тотъ частный случай, когда *личная* форма такого предложенія замѣняется *безличною*, болѣе или менѣе равносильною по значенію съ первою формою, напр. я хочу, братъ не спитъ || мнѣ хочется, брату не спится и т. п. Послѣднія предложенія тѣмъ отличаются отъ первыхъ, что дѣйствія въ нихъ представляются не какъ производимыя субъектомъ, а какъ бы происходящія независимо отъ его воли и лишь къ нему относимыя. А потому въ этихъ предложеніяхъ названіе предмета, которому приписывается дѣйствіе, стоитъ не въ Именит., а уже въ Дательномъ падежѣ, соотвѣтственно основному смыслу этого послѣдняго падежа. [1]) Логика, имѣющая въ виду изучать не столько словесную сторону выраженій, сколько основные типы сужденій, пренебрегаетъ подобными варіаціями предложеній, ограничиваясь лишь случаями личныхъ предложеній. Старая, такъ называемая философская грамматика, опираясь на упрощенныя логическія нормы, старалась и въ этихъ, собственно безличныхъ, предложеніяхъ открыть нормальныя подлежащее и сказуемое. Отсюда получались странные выводы, напр. что подлежащее кромѣ Именительнаго падежа можетъ иногда стоять въ Дат. (напр. *мнѣ* хочется—подлежащее *мнѣ*) и т. п., къ сожалѣнію и доселѣ нерѣдко повторяющіеся въ грамматическихъ руководствахъ. [2]) Было бы однакожъ странно, если бы въ грамматикѣ

---

[1]) О значеніи этой безличной формы на *-ся* мы уже говорили при разсмотрѣніи глаголовъ средне-возвратнаго залога, здѣсь же кстати замѣтимъ вообще, что изслѣдователь, опредѣляя оттѣнки значеній формъ и выраженій, не долженъ опираться единственно на свое грамматическое чутье, но долженъ справляться также и съ чутьемъ другихъ. Благодаря этому, онъ избѣгнетъ увлеченій какой-либо предвзятой идеей.

[2]) О другихъ безличныхъ предложеніяхъ мы будемъ говорить въ концѣ настоящей главы.

совершенно отрицались выводы логики, но, съ другой стороны, признавая эти послѣдніе, необходимо все-таки помнить, что логика ограничивается простѣйшими типами рѣчи, и слѣдовательно ея положенія примѣнимы только къ этимъ послѣднимъ. Поэтому грамматика, пользуясь открытіями логики, имѣетъ право пользоваться ея терминами лишь въ примѣненіи къ тѣмъ типамъ оборотовъ, къ которымъ они относятся.[1])

Б. Предложенія, опредѣляющія подлежащее относительно его родоваго понятія.

Этотъ типъ предложеній употребляется въ томъ случаѣ, когда требуется опредѣлить, что̀ такое называемый предметъ (напр. „лошадь—животное“). [2]) Въ этомъ случаѣ подлежащее

---

[1]) Здѣсь будетъ кстати указать, на неправильное отношеніе нѣкоторыхъ авторовъ руководствъ по грамматикѣ, стремящихся совершенно отдѣлить грамматическое ученіе о предложеніи отъ логическаго сужденія и даже отъ міра дѣйствительности. А между тѣмъ логическій моментъ, т. е. моментъ разумности высказываемаго нами, всегда руководитъ нашею рѣчью и очевидно является однимъ изъ факторовъ историческаго развитія предложенія. Значитъ, дѣло не въ устраненіи логическаго момента изъ синтаксиса, а въ томъ, чтобы не подгонять разнообразіе живой рѣчи къ упрощеннымъ нормамъ логики. Ясно также и то, что изслѣдователь языка не можетъ при своихъ изученіяхъ упускать изъ виду міръ дѣйствительности, который выражается нами въ словахъ. Наша рѣчь, служа для выраженія міра дѣйствительности, вырабатываетъ словесныя категоріи, которыя отвѣчали бы различіямъ въ этомъ мірѣ. Такимъ образомъ все говоримое нами направляется факторами разумности и соотвѣтствія дѣйствительности. Устранять изъ грамматическаго изслѣдованія моментъ логическій и моментъ реальный значитъ—вмѣсто живаго явленія изучать какія-то искусственныя схемы безъ полнаго значенія и такимъ образомъ закрыть себѣ путь къ правильному разъясненію явленій живой рѣчи.

[2]) Иногда предложенія этого типа употребляются въ томъ случаѣ, когда требуется просто назвать именемъ тотъ или другой предметъ (напр. «это—лошадь»); подлежащимъ здѣсь служитъ указательное мѣстоименіе, которое иногда опускается, какъ увидимъ въ концѣ настоящей главы.

представляетъ собою видовое понятіе, сказуемое же указываетъ то или другое родовое понятіе, къ которому говорящій относитъ видовое. Въ такихъ предложеніяхъ какъ подлежащее, такъ и сказуемое выражаются предметнымъ именемъ въ Именительномъ падежѣ, при чемъ въ составъ сказуемаго предметное имя входитъ въ соединеніи съ глаголомъ *быть*, при извѣстныхъ условіяхъ опускаемымъ (напр. лошадь—животное вм. лошадь есть животное). Въ русскомъ языкѣ, какъ видно изъ только что приведеннаго примѣра, глаголъ „быть“ обычно опускается въ формѣ настоящаго времени. Этотъ пропускъ возможенъ потому, что чрезъ это не происходитъ затрудненій для пониманія подобныхъ выраженій, такъ какъ въ живой рѣчи въ такихъ предложеніяхъ названіе роднаго понятія обычно произносится съ логическимъ удареніемъ и отдѣляется паузой отъ названія опредѣляемаго предмета. Такой способъ произношенія является достаточнымъ для показанія того, что родовое понятіе въ подобнаго рода выраженіяхъ служитъ сказуемымъ. Но, спрашивается, самый пропускъ глагола не свидѣтельствуетъ ли о потерѣ словомъ глагольнаго значенія? Конечно—нѣтъ, какъ не теряетъ слово „комната“ свою субстантивность, опускаясь въ такихъ случаяхъ, какъ—*столовая, прихожая* и проч. А между тѣмъ въ нѣкоторыхъ грамматикахъ глаголъ „быть“ считается „связкою“, чѣмъ какъ бы лишается полной знаменательности глагола и даже какъ бы исключается изъ глагольнаго разряда словъ. На самомъ же дѣлѣ глаголъ „быть“ въ такихъ выраженіяхъ несомнѣнно глаголъ съ глагольною флексіей и не имѣетъ такого признака, который могъ бы заставить видѣть въ немъ слово особой категоріи; онъ выражаетъ собою *актъ* нашей классификаціи, посредствомъ котораго предметъ зачисляется въ ту или другую родовую категорію. Такимъ образомъ глаголомъ *быть* въ этомъ случаѣ выражается извѣстное движеніе мысли, подобно нѣкоторымъ другимъ глаголамъ, напр. *считаться, становиться, казаться* и др.

Родовое названіе въ разсматриваемомъ типѣ предложеній не всегда ставится въ Имен. падежѣ, но при употребленіи глагола *быть* въ другихъ временахъ, а также при повелительномъ наклоненіи того же глагола, можетъ стоять и въ Творительномъ (N былъ учитель || N былъ учителемъ; будь учителемъ), правда при особомъ оттѣнкѣ значенія. [1]) Упомянемъ еще, что могутъ встрѣчаться такія предложенія, въ которыхъ повидимому подлежащее выражается любымъ словомъ въ любой формѣ, но въ этомъ случаѣ послѣднее непремѣнно мыслится какъ опредмеченное представленіе, почему на письмѣ нерѣдко заключается въ кавычки, напр. (при грамматическомъ разборѣ): „читаетъ“—глаголъ. [2])

В. Предложенія, опредѣляющія подлежащее относительно качества.

Предложенія этого типа употребляются въ томъ случаѣ, когда требуется указаніе того или другаго качества предмета, напр. волкъ—сѣръ. Въ этихъ предложеніяхъ подлежащимъ служитъ предметное имя въ Именительномъ падежѣ, а сказуемымъ прилагательное въ простой формѣ въ соединеніи съ глаголомъ *быть*, иногда опускаемымъ; при этомъ отмѣтимъ то отличіе отъ предъидущаго типа, что здѣсь сказуемое необходимо согласуется съ подлежащимъ не только въ числѣ и падежѣ, но также и родѣ. При произношеніи такихъ пред-

---

[1]) Творительный падежъ ставится также въ томъ случаѣ, когда мѣсто глагола *быть* занимаетъ одинъ изъ упомянутыхъ выше глаголовъ: *становиться, называться, казаться* и проч. Нѣкоторые лингвисты признаютъ и эти глаголы въ подобныхъ выраженіяхъ связкою, но опять безъ достаточнаго основанія.

[2]) Въ языкахъ, имѣющихъ членъ, при опредѣляемомъ словѣ будетъ поставленъ членъ, напр. по-нѣмецки: das «liest» ist Verbum.

ложеній уеж не наблюдается столь замѣтной паузы и кромѣ того часто на прилагательное не падаетъ столь сильнаго логическаго ударенія, какъ въ разсмотрѣнномъ выше типѣ предложеній.

Предложенія, опредѣляющія качество подлежащаго, по внѣшнему своему составу сходны съ предъидущимъ типомъ а по внутреннему сродству—съ первымъ или изображающимъ типомъ. Это сродство рельефно обнаруживается, когда сказуемое выражено или отглагольнымъ прилагательнымъ или причастіемъ въ соединеніи съ глаголомъ „быть“ (онъ хвастливъ; онъ любимъ). Такія выраженія, какъ послѣднее (онъ любимъ), привели къ тому, что въ языкѣ возникли сложныя временныя формы,напр. онъ пришелъ (ст.-слав. **пришьлъ ѥсть**; срв. франц. je suis venu, нѣм. ich bin gekommen и т. п.). Какъ въ предложеніяхъ перваго типа, такъ и въ разсматриваемомъ типѣ кромѣ *личнаго* оборота встрѣчается *безличный* способъ выраженія и съ такимъ же различіемъ въ оттѣнкѣ значенія, напр. я веселъ || мнѣ весело. Первое выраженіе прямо указываетъ, каковъ самъ субъектъ (самъ по себѣ субъектъ веселъ), тогда какъ второе выраженіе показываетъ только, что качество или признакъ веселости присутствуетъ у даннаго лица, независимо отъ него самаго. Нерѣдко безличныя выраженія съ прилагательнымъ имѣютъ параллельные обороты съ личнымъ глаголомъ (что опять свидѣтельствуетъ о внутренней связи данныхъ типовъ предложеній), напр. мнѣ грустно || я грустенъ или я грущу; при этомъ личное глагольное выраженіе показываетъ, что субъектъ самъ проявляетъ свое душевное состояніе, тогда какъ безличное выраженіе лишь констатируетъ, что у субъекта существуетъ извѣстное душевное состояніе. Какъ мы видѣли, въ безличныхъ оборотахъ прилагательное-сказуемое является съ окончаніемъ средняго рода, но уже не

по согласованію съ подлежащимъ, а самостоятельно, какъ бы указывая на безличность.

Установивъ основные типы простаго нераспространеннаго предложенія, мы теперь обратимся къ разновидностямъ этихъ типовъ. Прежде всего укажемъ, что кромѣ *повѣствовательной* формы можетъ быть еще *вопросительная*. Эта послѣдняя вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что тотъ или другой членъ мысли-предложенія можетъ быть неизвѣстенъ; чтобы спросить о немъ и употребляется особая вопросительная форма. Вопросъ можетъ касаться того или другаго члена въ предложеніи; при этомъ будетъ естественно разница въ способѣ обозначенія вопроса смотря по тому, долженъ ли относиться послѣдній къ подлежащему или же къ сказуемому; напр. для повѣствовательнаго предложенія „лошадь идетъ“ могутъ быть вопросительныя предложенія: 1) „*кто* идетъ?“ (вопросъ для подлежащаго) и 2) „*что дѣлаетъ* лошадь?“ (вопросъ для сказуемаго). Кромѣ того могутъ быть вопросы другаго рода, такъ сказать—для удостовѣренія: 1) лошадь ли идетъ? 2) идетъ ли лошадь? Мы видимъ, что въ послѣднемъ случаѣ порядокъ словъ въ предложеніи имѣетъ существенное значеніе: слово, относительно котораго желаемъ удостовѣриться, занимаетъ первое мѣсто и сопровождается частицею *ли*; кромѣ того здѣсь соотвѣтственно видоизмѣняется и интонація. Даже одной послѣдней иногда бываетъ достаточно, чтобы повѣствовательное предложеніе превратилось въ удостовѣрительно-вопросительное, напр. „лошадь идетъ“? при чемъ усиленная интонація можетъ приходиться или на подлежащее или на сказуемое, смотря по тому, относительно котораго изъ этихъ членовъ

предложенія желаемъ удостовѣриться. [1]) Говоря о вопросительной формѣ, нужно указать на *отвѣтную*, въ которой могутъ быть опущены всѣ слова кромѣ того, которое собственно относится къ отвѣту, независимо отъ синтаксической роли этого слова.

Другія разновидности простаго нераспространеннаго предложенія получаются въ зависимости отъ наклоненій глагола-сказуемаго; такъ, кромѣ повѣствовательнаго типа можетъ быть еще *повелительный*. Типъ этотъ по самой своей природѣ не способенъ къ вопросительной формѣ. Другою важною особенностью повелительнаго типа предложеній является то, что при глаголѣ-сказуемомъ во второмъ лицѣ повелительнаго наклоненія подлежащее (соотвѣтствующее личное мѣстоименіе) обычно подразумѣвается, иногда же выражается именемъ предмета въ формѣ Зват. падежа; въ послѣднемъ случаѣ такое подлежащее называется въ грамматикахъ обращеніемъ и отдѣляется отъ сказуемаго паузою въ рѣчи и запятою (иногда знакомъ восклицанія)—на письмѣ. Разсматриваемый типъ предложенія кромѣ повелѣнія служитъ также для выраженія просьбы какъ обыкновенной, такъ и ласковой; въ случаѣ ласковой просьбы нерѣдко обращеніе выражается уменьшительнымъ или ласкательнымъ именемъ, а къ глагольной формѣ можетъ присоединиться частица *-ка*, самое же выраженіе сопровождается соотвѣтствующей интонаціей.

Наконецъ, каждый изъ указанныхъ выше типовъ простаго предложенія можетъ быть въ *утвердительной* или *отрица-*

---

[1]) Здѣсь же нужно прибавить, что то же сочетаніе словъ при другомъ характерѣ интонаціи можетъ получить новые оттѣнки, напр. восклицанія, удивленія, угрозы, сожалѣнія и т. д. Подъ вліяніемъ эмоцій измѣняется также и темпъ рѣчи (напр. быстро-энергичная рѣчь подъ вліяніемъ гнѣва).

тельной формѣ. Повелительный типъ съ присоединеніемъ къ глаголу отрицанія получаетъ смыслъ запрещенія.

Теперь мы остановимся на проявленіяхъ экономическаго фактора въ жизни простаго нераспространеннаго предложенія, именно на случаяхъ *подразумѣваемости*. Здѣсь нужно различать случаи временнаго и постояннаго опущенія того или другаго члена въ предложеніи.

Что касается временнаго подразумѣванія въ живой рѣчи, то сюда принадлежатъ тѣ нерѣдкіе случаи, когда тотъ или другой членъ предложенія опускается, если онъ самъ собою ясенъ по условіямъ разговора, напр. пропускъ подлежащаго въ повелительномъ предложеніи. Возьмемъ еще другой примѣръ: если кто-нибудь пришелъ, то обыкновенно докладывающій объ этомъ называетъ одно только подлежащее, напр. „полковникъ Скалозубъ!“ („Горе отъ ума“)

Въ рядѣ случаевъ подразумѣваніе имѣетъ болѣе или менѣе постоянный характеръ: 1) подразумѣваніе подлежащаго—*личнаго мѣстоименія*, напр. пишу Вамъ эти строки и т. д. 2) подразумѣваніе сказуемаго—*глагола „быть“ въ наст. врем.*, напр. „время—деньги, знаніе—богатство“. Тире указываетъ на пропускъ и паузу.

На почвѣ подразумѣваемости возникли и одночленныя безличныя предложенія, которыя могутъ соотвѣтствовать всѣмъ тремъ типамъ простыхъ нераспространенныхъ предложеній, напр. „морозитъ“, „морозъ!“ „морозно!“ Эти предложенія содержатъ въ себѣ только одно сказуемое, подлежащее же остается по той или другой причинѣ не названнымъ и какъ бы мыслится въ самомъ сказуемомъ. Что это такъ, видно изъ другихъ языковъ, гдѣ въ этихъ случаяхъ необходима двучленная форма предложенія, напр. въ нѣм. es schneet, франц. il pleut;

впрочемъ, слѣдуетъ прибавить, что въ этихъ выраженіяхъ подлежащее-мѣстоименіе понизилось въ своей знаменательности, ставши формальнымъ элементомъ. То особое значеніе, какое имѣетъ сказуемое въ русскомъ одночленномъ безличномъ предложеніи, могло выработаться такъ же, какъ напр. прилаг. „богатый“ стало равняться выраженію „богатый человѣкъ“ и перешло въ этомъ значеніи въ категорію существительныхъ, оставаясь по формѣ прилагательнымъ.

И такъ, подразумѣваемость легко соединяется съ *видоизмѣненіемъ значенія*, съ перемѣною чутья формы. Это ясно видно на такихъ безличныхъ выраженіяхъ именнаго происхожденія, какъ „жаль“ (собственно—сущ.), „нужно“ (прил.), которыя теперь являются для чутья глаголами или глагольными частицами, благодаря подразумѣваемому глаголу „есть“ (срв. прош. вр. „жаль было“, „нужно было“), почему въ нѣкоторыхъ грамматикахъ и зачисляются прямо въ отдѣлъ безличныхъ глаголовъ.

Что касается *собственно глагольныхъ* безличныхъ выраженій, то въ нихъ выдѣляются три случая: 1) дѣйствіе относится къ людямъ, при чемъ по-русски ставится глаголъ въ 3 л. множ. числа (по-франц. *on*, по-нѣм. *man*), напр. „читаютъ“, „ходятъ“; 2) дѣйствіе относится къ неодушевленной природѣ, при чемъ глаголъ ставится въ 3 л. един. числа (франц. *il*, нѣм. *es*), а въ прош. вр. въ неродовой формѣ, напр. „морозитъ“, „морозило“, и 3) безличныя глагольныя выраженія въ 3 л. ед. ч. съ *-ся*, обыкновенно служащія для обозначенія настроенія, какъ напр. „мнѣ хочется“, о которыхъ уже говорилось выше.

Глава XII.

Распространеніе простаго предложенія. Замѣчанія о сложномъ предложеніи.

Въ предъидущей главѣ мы видѣли, что простѣйшее предложеніе состоитъ изъ подлежащаго и сказуемаго, которыя и называются главными членами предложенія. Тотъ и другой членъ предложенія, по мѣрѣ усложненія мысли, можетъ получать разнаго рода опредѣленія, которыя уже будутъ представлять собою *второстепенные члены предложенія*. Эти послѣдніе распадаются на двѣ группы: 1) собственно *опредѣленія*, указывающія признаки, существующіе въ предметныхъ представленіяхъ и въ представленіяхъ дѣйствій, напр. „*эта большая* лошадь *быстро* бѣгаетъ", 2) *дополненія*, указывающія новыя предметныя, а также глагольныя представленія, которыми распространяется предложеніе, при чемъ первыя выражаются тѣмъ или другимъ косвеннымъ падежомъ, а вторыя неопредѣленнымъ наклоненіемъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что опредѣленіями могутъ быть части рѣчи съ собственнымъ значеніемъ, но не имѣющія самостоятельности, а дополненіями являются склоняемыя самостоятельныя части рѣчи съ полнымъ собственнымъ значеніемъ, а также неопредѣленное наклоненіе

глагола. Опредѣлительныя слова, относящіяся къ предметному представленію, согласуются съ его названіемъ. Опредѣлительнымъ словомъ можетъ быть и имя существительное, напр. „*городъ* Казань“, при чемъ, смотря по ходу представленій, оно или предшествуетъ опредѣляемому, или же слѣдуетъ за нимъ (въ послѣднемъ случаѣ оно называется приложеніемъ). Опредѣлительными словами дѣйствій служатъ нарѣчія прилагательнаго происхожденія, обыкновенно оканчивающіяся на *-о*. Что касается дополненій, то они представляютъ два случая, смотря по тому, выражаются ли склоняемымъ словомъ или же неопредѣленнымъ наклоненіемъ. Иногда склоняемое слово, будучи дополненіемъ, пріобрѣтаетъ смыслъ нарѣчія, особенно при обозначеніяхъ мѣста и времени дѣйствія, и тогда его отличаютъ названіемъ обстоятельственнаго слова (напр. *сегодня вечеромъ* я пойду *домой*). Теперь мы перейдемъ къ болѣе детальному разсмотрѣнію второстепенныхъ членовъ предложенія, выражаемыхъ какъ падежными формами, такъ и неопредѣленнымъ наклоненіемъ.

Разсматривая употребленіе падежныхъ формъ, нужно различать употребленіе падежей безпредложное и съ предлогомъ. Мы уже знаемъ, что если падежная форма состоитъ изъ слова и предлога, то предлогъ становится такою же *необходимою* частью формы, какъ и окончаніе; поэтому когда имѣется падежная форма безъ предлога и та же форма съ предлогомъ, то семазіологически это будутъ особые падежи. Такъ, напр., въ выраженіяхъ—видъ *города* || идти *отъ города*—семазіологически имѣются разные падежи: въ первомъ случаѣ—Родит. падежъ, во второмъ—Исходный, при чемъ предлогъ считается формальнымъ элементомъ падежа. [1]) Перейдемъ теперь къ болѣе частному разсмот-

[1] Школьная грамматика ошибочно видитъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же Родит. падежъ; это происходитъ отъ того, что она искусственно-

рѣнію семазіологическихъ оттѣнковъ падежныхъ формъ, употребляющихся въ качествѣ второстепенныхъ членовъ предложенія.

Какъ мы уже знаемъ, *Винит.* падежъ въ предложеніи является дополненіемъ къ переходному глаголу, указывая на непосредственный объектъ глагольнаго дѣйствія; такое дополненіе называется прямымъ. Съ перемѣною же дѣйствительнаго оборота на страдательный Винит. падежъ мѣняется на Именит. (срв. отецъ далъ *книгу* || *книга* дана отцомъ). При такомъ превращеніи прямаго или дѣйствительнаго типа предложенія въ обратный или страдательный измѣненіе, касаясь Имен. и Винит. падежа, не касается другихъ косвенныхъ падежей, которые могутъ остаться по-прежнему (срв. отецъ далъ книгу *сыну* || книга дана отцомъ *сыну*). Кромѣ того, Вин. падежъ можетъ служить дополненіемъ при глаголахъ какъ переходныхъ, такъ и непереходныхъ, для показанія *времени,* въ продолженіе котораго совершается дѣйствіе, или *пространства*, которое проходятъ, проѣзжаютъ и т. п.; очевидно, въ этомъ случаѣ время и пространство представляются какъ непосредственный объектъ дѣйствія (напр. я шелъ *версту* пѣшкомъ; я читалъ цѣлый *часъ*). Подобнымъ же процессомъ, какъ мы указывали при разсмотрѣніи залоговъ глагола, нѣкоторые предложные глаголы, происходящіе отъ среднихъ, получаютъ дѣйствительное значеніе и сочиняются съ Вин. падежомъ, напр. „проходить площадь“. Форма Винит. падежа въ соединеніи съ разными предлогами, получаетъ рядъ другихъ оттѣнковъ значенія; такъ, напр., находясь при глаголахъ движенія (переходныхъ или непереходныхъ) данная форма, смотря по предлогу, будетъ указывать на направленіе дѣйствія во внутренность предмета („ѣду *въ* деревню“), на

отрываетъ падежную форму отъ предлога и толкуетъ послѣднюю какъ бы безпредложную.

переходъ дѣйствія за предметъ („ѣду *за*-городъ“) и пр.; при глаголахъ мышленія и рѣчи форма Вин. падежа въ соединеніи съ предлогомъ *про* получаетъ значеніе объяснительное (напр. думаю *про* урокъ).

Подобно тому какъ глагольное представленіе переходнаго дѣйствія распространяется Винительнымъ падежомъ, такъ наиболѣе обычнымъ распространеніемъ именнаго представленія служитъ *Родительный* падежъ другаго существительнаго въ смыслѣ опредѣленія или дополненія; чрезъ прибавленіе Род. падежа именное понятіе становится болѣе опредѣленнымъ, напр. „домъ *отца*“ (исключаются возможности—домъ брата, друга и т. п.). При этомъ Родит. падежъ получаетъ разнообразные оттѣнки значенія, въ зависимости отъ характера сочетающихся именныхъ представленій; такъ, напр., онъ можетъ служить для опредѣленія принадлежности („домъ *отца*“), возраста („человѣкъ *пожилыхъ лѣтъ*“), матеріала („свѣча *воску яраго*“), класса предметовъ („стадо *свиней*“) и т. д. [1])

Родительнымъ падежомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ распространяются также переходные глаголы, напр. „я принесъ *воды*“ и т. п. Эти случаи могутъ быть объяснены аналогіей къ такимъ выраженіямъ, въ которыхъ Род. падежъ зависитъ отъ слова, обозначающаго количество (срв. ведро воды, много воды и т. д.). То, что во взятомъ нами примѣрѣ Род. падежъ дѣйствительно зависитъ отъ подразумѣваемой идеи количества, слѣдуетъ изъ того, что при отсутствіи ея употребляется уже не Род., а Вин. падежъ, срв. „я принесъ *воду*“.

---

[1]) Подъ основную идею Родит. падежа можетъ быть подведенъ Род. падежъ послѣ превосходной степени прилагательныхъ, употребляющійся въ соединеніи съ предлогомъ *изъ*, напр. «храбрѣйшій изъ людей»: указывается то родовое представленіе или тотъ классъ предметовъ, къ которому относится превосх. степ.

При глаголахъ *лишать, лишаться, остерегаться* и т. п. форма Род. падежа можетъ разсматриваться не какъ Род., но какъ Исходный (отдалительный) падежъ, служащій для обозначенія того предмета, котораго лишаются, отъ котораго удаляются; напр. „лишаю *наслѣдства*“, „остерегаюсь *простуды*“ и т. п. Теперь не трудно понять употребленіе Род. падежа послѣ дѣйствительныхъ глаголовъ съ отрицаніемъ, напр.: „я даю *деньги*“ || „я не даю *денегъ*“; во второмъ случаѣ Род. падежъ сталъ употребляться по аналогіи съ такими случаями, какъ „лишаюсь наслѣдства“, такъ какъ частица *не* тоже имѣетъ смыслъ лишенія.

Что касается распространенія глагольныхъ и частію именныхъ названій *Дательнымъ* падежомъ, то нужно замѣтить, что этотъ падежъ служитъ для указанія того предмета, для котораго совершается дѣйствіе. Возьмемъ, напр., глаголъ „даю“. Чтобы ближе опредѣлить этотъ дѣйствительный глаголъ, надо прибавить Вин. падежъ, чрезъ что представленіе глагольнаго дѣйствія становится болѣе ограниченнымъ, напр. „даю *книгу*“ (исключаются случаи даванія чего-либо другаго). Это выраженіе можетъ получить дальнѣйшее опредѣленіе чрезъ указаніе того предмета, для котораго совершается дѣйствіе, напр.: „даю книгу *тебѣ*“. Если же въ этомъ выраженіи вмѣсто глагола возьмемъ существительное — „*даваніе*“, то выраженіе измѣняется въ такое: „даваніе *книги*“; что же касается до Дат. падежа, то онъ остается въ этомъ случаѣ безъ измѣненія: „даваніе книги *тебѣ*“. Дат. падежъ встрѣчается также при существительныхъ въ такихъ выраженіяхъ, какъ „онъ другъ моему отцу“. Въ этомъ случаѣ можетъ быть употребленъ также Род. падежъ: „онъ другъ моего отца“. Въ послѣднемъ случаѣ чрезъ прибавленіе Род. падежа становится болѣе ограниченнымъ (опредѣляется) представленіе „другъ“; въ первомъ же случаѣ Дат. падежъ относится не только къ слову „другъ“, но вмѣстѣ и къ подразумѣваемому глаголу „есть“, въ чемъ и заключается

разница между сравниваемыми выраженіями. Упомянемъ еще объ употребленіи Дат. падежа при прилагательныхъ, напр. „это извѣстно мнѣ“, „это понятно намъ“ и т. д.

Дополненіе къ глаголу или къ отглагольному существительному полагается въ *Творит.* падежѣ, когда требуется обозначить дѣйствующій предметъ въ страдательныхъ оборотахъ, напр. „сынъ наказывается *отцомъ*“, „наказываніе сына *отцомъ*“. Творительный падежъ можетъ служить также для обозначенія орудія, которымъ совершается дѣйствіе, напр. „пишу *перомъ*“. Въ иныхъ случаяхъ Творит. падежъ пріобрѣтаетъ обстоятельственное значеніе, напр. „малина растетъ кустами“, „иду полемъ“ и т. п.

Не касаясь случаевъ распространенія членовъ предложенія посредствомъ падежныхъ формъ въ соединеніи съ разными предлогами, остановимся на распространеніи личныхъ глаголовъ *неопредѣленнымъ наклоненіемъ* въ качествѣ дополненія. Глаголы, распространяемые въ русскомъ языкѣ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, представляютъ въ отношеніи смысла два типа, изъ которыхъ одинъ можетъ быть названъ субъективнымъ (напр. *хочу, желаю*), другой—объективнымъ (напр. *заставляю, прошу*). Личные глаголы перваго типа естественно обусловливаютъ отнесеніе глагольнаго дополненія въ неопр. накл. къ тому же субъекту, личные же глаголы втораго типа—къ объекту; напр. срв. „*я* хочу *читать*“ (=чтобы *я* читалъ) || „я заставляю *тебя читать*“ (=чтобы *ты* читалъ). Такъ какъ предложеніе можетъ заключаться въ безличномъ глаголѣ и вообще безличномъ выраженіи, то тогда конечно оттѣнокъ безличности распространяется и на форму неопредѣленнаго наклоненія, напр.: „*слѣдуетъ* молиться“ „*хочется* играть“, „*полезно* читать“, „*жаль* разстаться“ и т. п. Глаголы непереходнаго дѣйствія не могутъ распространяться неопред. наклоненіемъ (напр. играю, торгую и т. п.),

кромѣ глаголовъ движенія, при которыхъ неопред. наклоненіе служитъ для выраженія цѣли дѣйствія. Въ этихъ случаяхъ въ древне-русскомъ языкѣ употреблялась особая глагольная форма, именуемая *супиномъ* и оканчивавшаяся на *-тъ* (напр. иде учитъ), затѣмъ вышедшая изъ употребленія и замѣнившаяся обыкновеннымъ неопр. наклоненіемъ.

Въ заключеніе сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній о *сложныхъ предложеніяхъ*. Сложныя предложенія состоятъ или изъ равноправныхъ предложеній, при чемъ общіе члены того и другаго предложенія — согласно принципу экономіи — могутъ не повторяться (напр. братъ сидитъ и читаетъ), или же изъ неравноправныхъ предложеній — главнаго съ зависимымъ отъ него придаточнымъ. Придаточныя предложенія бываютъ въ такъ называемомъ *полномъ* и *краткомъ* видѣ. Но было бы ошибочно думать, что краткій видъ *произошелъ* изъ полнаго; оба вида имѣютъ самостоятельное происхожденіе и только другъ другу соотвѣтствуютъ. Связь полнаго придаточнаго предложенія съ главнымъ можетъ обозначаться: 1) посредствомъ союзовъ (временныхъ, условныхъ, уступительныхъ, причинныхъ и пр.), [1]) 2) посредствомъ мѣстоименій относительныхъ, 3) посредствомъ мѣстоименныхъ нарѣчій. Первый родъ связи употребляется тогда, когда придаточное предложеніе относится къ главному въ его цѣломъ, а не къ отдѣльному его члену; второй родъ связи — тогда, когда придаточное предложеніе относится къ

---

[1]) Замѣтимъ здѣсь о различіи значенія прошедшаго времени въ придаточныхъ предложеніяхъ временныхъ сравнительно съ условными, уступительными и причинными: въ первыхъ прош. время совершающагося дѣйствія принимаетъ оттѣнокъ одновременности (напр. когда N *входилъ*, то говорилъ...), а прош. время совершеннаго вида указываетъ на прошедшее, непосредственно предшествующее другому прошедшему (напр. когда N *вошелъ*, то сказалъ...); въ придаточныхъ же не-временныхъ прошедшее время имѣетъ оттѣнки совершеннаго или несовершеннаго вида, но уже не выражаетъ идеи послѣдовательности или же одновременности прошедшихъ дѣйствій придаточнаго и главнаго предложенія.

главному или второстепенному члену другаго предложенія, выраженному посредствомъ склоняемаго слова; третій родъ связи примѣняется въ томъ случаѣ, когда придаточное предложеніе относится къ обстоятельственному слову главнаго предложенія, почему иногда можетъ употребляться также и во второмъ случаѣ какъ параллельный оборотъ. Что касается краткихъ придаточныхъ предложеній, то они представляютъ типы причастный и дѣепричастный и могутъ служить для выраженія разныхъ связей, при чемъ причастный типъ преимущественно соотвѣтствуетъ полному придаточному предложенію втораго рода, а дѣепричастный—полному придаточному перваго рода.

Примѣчаніе. Синтаксическій строй языка, подобно морфологическому и фонетическому, тоже измѣняется въ теченіи времени. Въ русской лингвистической литературѣ были попытки открыть основной законъ измѣненія синтаксической стороны языка, при чемъ указывалось на усиленіе глагольности и сказуемости въ предложеніи на счетъ субстантивности. Это обобщеніе мнѣ кажется совершенно неосновательнымъ; ибо, если дѣйствительно и встрѣчаемъ случаи расширенія глагольности и сказуемости, напр. при образованіи безличныхъ выраженій (срв. «жаль» и т. п.), неопредѣленнаго наклоненія и т. п., то съ другой стороны можно указать не менѣе фактовъ, доказывающихъ также и развитіе субстантивности (срв. переходъ прилагательныхъ и иногда даже причастій въ категорію существительныхъ, возможность образованія къ каждому глаголу именнаго названія дѣйствія, возможность опредмеченія даже цѣлыхъ предложеній и т. п.). Отсюда слѣдуетъ, что въ развитіи языка существуетъ то и другое теченіе и оба они необходимы, что конечно не исключаетъ того, что они могутъ получать своеобразныя черты на почвѣ отдѣльныхъ языковъ. Замѣчу еще, что защитники перевѣса глагольности и сказуемости ошибочно толкуютъ о какой-то энергіи сказуемаго: энергія можетъ принадлежать дѣйствіямъ въ объективномъ мірѣ, но не членамъ предложенія, остающимся все-таки символами представленій нашей мысли. Увлеченіе идетъ еще дальше, когда кажущееся возрастаніе мнимой энергіи сказуемаго сопоставляютъ и связываютъ съ развитіемъ естественно-научнаго ученія объ «энергіи». Вѣдь въ этомъ случаѣ сходство только въ одинаковости словъ, и ужъ если естественно-научное ученіе объ энергіи разсматривать съ точки зрѣнія субстантивности или же глагольности, то скорѣе нужно признать, что это ученіе имѣетъ характеръ субстантивный.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР